

Эдуард Успенский Меховой интернат

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О ДЕВОЧКЕ-УЧИТЕЛЬНИЦЕ И ЕЁ ПУШИСТЫХ ДРУЗЬЯХ.

Глава первая МЕХОВОЙ ИНТЕРНАТ ОТКРЫВАЕТСЯ

Наступила осень, и огромный веселый дачный поселок на станции Интурист опустел в один день. Только семья Люси Брюкиной никак не могла уехать. Их грузовик задерживался. Папа и мама с удовольствием читали книжки, лежа на вещах, а Люся пошла побродить по пустым дачным переулкам.

Около дачи номер восемь валялся совок.

На даче номер пять висели трусики.

На крайней пятнадцатой даче развевались огромные сиреневые трусищи.

И только одна вечно заколоченная дача у самого леса почему-то расколачивалась. Какой-то меховой пузатый гражданин, дымя трубкой, отдира ломиком щиты от окон.

Люся так и наполнилась любопытством, как парус ветром. Ее приподняло и понесло к этому дому.

Батюшки! Гражданин был барсук. Ростом повыше Люси. Важный и с повадками дворника из хорошей семьи.

– Здравствуйте! – сказала девочка.

– Здравствуйте! – ответил барсуковый гражданин. – Вы думаете – я дворник? Я – директор. А дворник я на полставки. У нас с персоналом трудности.

Он отвлекся на Люсю. Тут большой щит, оставленный без присмотра, под своей тяжестью отлип от стены и полетел вниз.

Сейчас прихлопнет директора!

И точно – раздался треск и дворниковый директор, накрытый щитом, рухнул наземь.

Люся почувствовала себя виноватой и бросилась поднимать его.

– Ничего, ничего! – говорил барсук. – Лишь бы щит был цел!

Со щитом ничего не сделалось.

– А вы по объявлению пришли? Или просто так? – спросил директор.

– По какому объявлению?

– Вон по тому. Которое висит у входа.

Люся вернулась ко входу на участок и прочла объявление на доске. Оно было такое:

МЕХОВОМУ ИНТЕРНАТУ НУЖНА
УЧИТЕЛЬНИЦА ХОРОШЕГО ПОВЕ-
ДЕНИЯ И ПИСЬМА. ПРИГЛАШАЮТ
ДЕВОЧКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО-ЧЕТВЕР-
ТОГО КЛАССОВ. ЗАНИМАНИЯ
БУДУТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ.
ОПЛАТА ХЕНДРИКАМИ.
СКОЛЬКО ДОГОВОРИМСЯ.

МЕХОВОМУ ИНТЕРНАТУ НУЖНА УЧИТЕЛЬНИЦА
ХОРОШЕГО ПОВЕДЕНИЯ И ПИСЬМА.
ПРИГЛАШАЮТСЯ ДЕВОЧКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО – ЧЕТВЕРТОГО
КЛАССОВ. ЗАНИМАНИЯ БУДУТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ.
ОПЛАТА ХЕНДРИКАМИ, СКОЛЬКО ДОГОВОРИМСЯ.

– Это очень интересно! – сказала Люся строгим, взрослым тоном. – Но я хотела бы посмотре-
ть учеников.

– Сейчас я их вам покажу, – сказал барсуковый дворник. – Пройдемте в директорскую.

Они вошли в небольшой щитовой домик, стоявший на этом же участке.

Там на стене висела фотография класса. Фотография как фотография. Впереди ученики поменьше, сзади посolidнее и помордастее. Но все они были звери. Меховые, ушастые и глаза-
стые.

– А что? – сказал барсук. – Вполне достойные интернатники.

– Очень достойные интернатники, – согласилась Люся. – И они будут меня слушаться?

– А как же? А то им не дадут большой разлинованной Хвалюндии в конце года.

– Тогда другое дело! – важно сказала девочка, хотя она и в глаза не видела большой разли-
нованной Хвалюндии. – Тогда я согласна.

– Остается только договориться об оплате. Я думаю, четыре хендрика – это нормальная
плата.

– Нормальная, – сказала девочка. – Для начала. А потом посмотрим.

Люсе понравилось, как она себя вела. Очень правильно. А что такое хендрики? Это деньги
или вещи? Можно на них купить зонтик или куклу? Можно их дарить на день рождения? Тогда
четырьмя подарками для своих друзей она уже обеспечена.

Барсуковый директор и девочка вместе были счастливы.

– Может, чаю хотите помидорного?

– Нет, спасибо.

– А то, если желаете, я могу угостить вас свежевывытой картошкой.

– Мне что-то сейчас не хочется свежевывытой картошки, – светски отказалась девочка.

Барсук наклонился к ней и заговорщицким голосом сказал:

– У меня еще есть засахаренная красная свекла для самых важных гостей. Давайте откроем
кругляшок.

– Я обожаю засахаренную свеклу, – сказала Люся. – Но не следует открывать. Отложим до
другого раза.

Кажется, директор расстроился. Видно, важные гости приходят не часто, и неизвестно, когда еще он сможет раскупорить эту засахаренную гадость в кругляшке.

– Значит, я жду вас в следующее воскресенье в десять. Интернатники как раз придут и будут готовы. Простите, а как вас зовут?

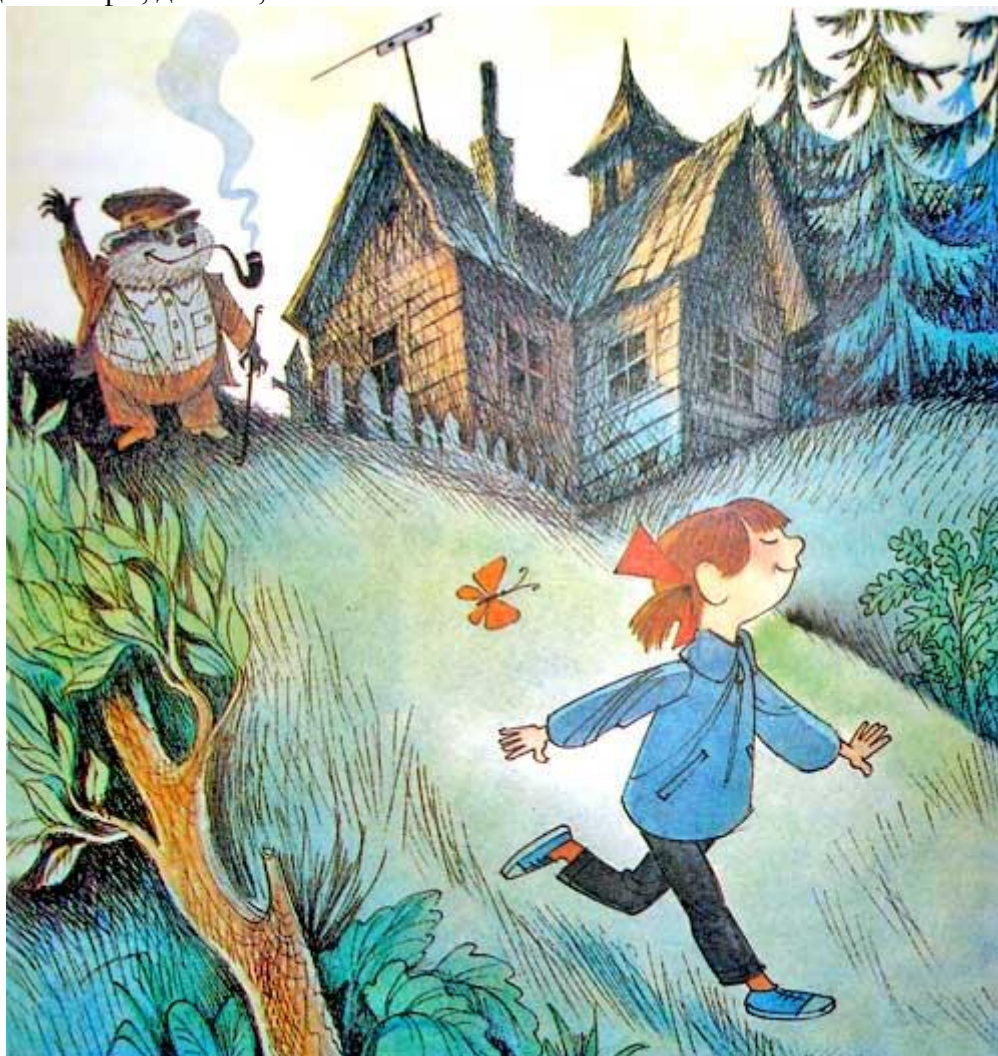
– Люся Брюкина.

– Прекрасная фамилия. Очень аристократическая. – Он с удовольствием повторил: – Люся Брюквина! А меня зовут Мехмех.

– Мехмех? А отчество?

– Мехмех это и есть с отчеством. Потому что полностью я – Меховой Механик.

Тут заревел гудок грузовика с участка Люсиных родителей. И Люся помчалась к своим, грузить вещи. Шкафы, диваны, лампочки и газовые плиты.

На первый урок она решила надеть строгое коричневое платье, которое папа привез ей из заграничной командировки. Желтые осенние сапоги и меховую шапку. Только она не знала – стоит ли ей накрасить губы или это непедагогично? А папе с мамой она ничего рассказывать не стала. Зачем осложнять им жизнь?

Междуглавие первое МЕЖДУ ДВУМЯ ВОСКРЕСЕНЬЯМИ

События на неделе были такие: Карина Мариношвили, главная Люсина подруга, влюбилась в старосту Игоря Трофимова. А Игорь Трофимов сказал, что она бестолковая и шумная. Что Катя Лушина лучше: она любит зверей. Папа окончательно заявил, что он не домработница и что не надо из журналиста делать крепостного крестьянина, что пока он стоит в очереди в магазине, у него весь талант пропадает. Мама ответила, что его таланту грош цена, раз он пропадает. Что талантливых много, а трудолюбивых нет. На завуча Эмилию Игнатьевну решили написать всем классом заявление... вернее, половиной класса... просто активной группой... Решили они с Кариной на завуча Эмилию Игнатьевну в милицию написать. Оставляет всех на продленку и ругается. Карину назвала дурочкой, потому что Карина подметала неправильно... Она пыталась мусор по лестнице со второго этажа на третий поднять. Пусть ей в милиции объяснят, что завучи ругаться не имеют права... Кате Фридман купили бархатные штаны, а она еще в школу не ходит... Вчера вызвали Спальникова отвечать. Он вместо:

Мороз и солнце,
День чудесный!

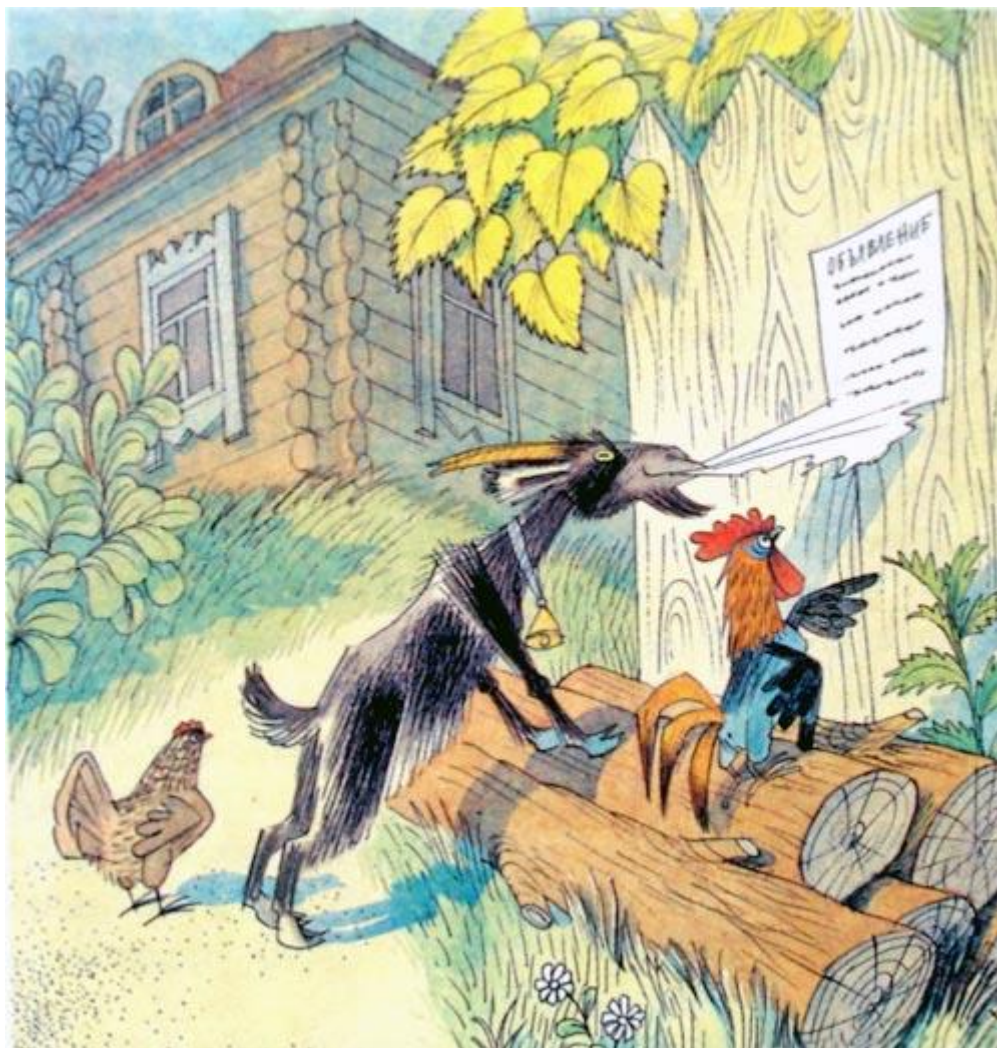
прочитал:

Матрос и солнце,
Пень чудесный!

Все смеялись, а ему двойку вклепили за шутовство... Стали проходить дробы... Очень трудно умножать столбиком большие числа. Например, надо умножить 257,374 на 983,542. Хорошо, что папа принес японскую счетную машинку с работы. На ней можно незаметно считать. Катя Лушина была в кино, разговаривала с мальчиком... Он спрашивал, носят ли в их классе джинсы и жуют ли жвачку? Катя сказала, что джинсы носят секретно – под школьной формой, а жвачку жуют на переменах в специально отведенных для этого местах...

А в общем, уроки, уроки, уроки. Уроки в школе, уроки дома... В свободное время для развлечения и отдыха посылают в очередь в магазин... Хорошо еще, что в нашей стране по телевизору кино показывают. Особенно мультипликацию.

Глава вторая МЕХОВЫЕ ИНТЕРНАТНИКИ

В электричке Люся волновалась и листала учебник. Еще бы – учительница едет. И вдруг она поняла, что беличья модная меховая шапка не очень-то понравится интернатникам. Она зачихнула шапку в пластмассовый пакет для тапочек и вышла из электрички на пустую платформу.

Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной... И одиночеством.

На дороге к дачному поселку все было по-другому. Не как летом. Никто никуда не спешил с авоськами и портфелями. Никого не встречали шумные разнокалиберные дети. Не было скакальных девочек. Не мотались во все стороны мальчики на велосипедах и на мотоциклах. Тишь да осень.

Одна черная бородатая коза пыталась съесть или прочесть объявление на заборе. Люся подошла и прочитала:

«Продается трехместная... новая... породистая...»

А дальше коза откусила. Самое интересное. Что продается? Дача? Корова? Но разве бывают породистые дачи? Или трехместные коровы? Тем более новые?

...Ворота дачного поселка были распахнуты. Сам поселок пуст. Люся с аристократической фамилией заволновалась. На месте ли достойные интернатники? Ждет ли ее меховой механик Мехмех? Найдется ли для нее порция свежевывитой картошки? Или кругляшок засахаренной свеклы? Или все это привиделось ей в прошлое предсентябрьское воскресенье?

Слава богу, все было в порядке. Барсуковый директор встречал ее у калитки. На этот раз он имел явно директорский вид. Он был в пиджаке и в шляпе с украшениями. Скорее всего, эту шляпу с цветочками забыла на скамейке какая-нибудь легкомысленная пенсионерка. А куриным

пером ее украсил сам Мехмех. Но так или иначе, она явно прибавила ему элегантности. Не на всякой помойке найдешь такую штуку.

– Здравствуйте, уважаемая девочка! Ваши ученики ждут вас.

– Здравствуйте, Меховой Механик.

– Не надо церемоний. Зовите меня просто дир! Ваш урок начинается через десять минут. Идемте, я вам дам чашку картофельного кофе и ознакомлю с Главным Бумажным Получальником.

Люся вошла за ним в отдельный домик, в директорскую, и строго стала пить по глоточку что-то помоечное из чашки.

– Вот. Это Бумажный Получальник. Вы умеете им пользоваться?

– Я видела такие, – уклончиво ответила Люся. Потому что этот бумажный наполовину чальник явно напоминал классный журнал.

– Здесь стоят получалки для учеников. Ваша страница – письмо и поведение. Вверху три пятерки, три четверки, три тройки. И две двойки. Когда интернатник вам отвечает, вы вписываете его фамилию в графу. К пятерке, четверке или тройке. К двойкам лучше не вписывать. Но тоже можно.

– А не проще ли наоборот? Написать фамилии интернатников, а отвечалки ставить напротив фамилий?

– Не отвечалки, а получалки. У нас раньше так и было. Но это портит успеваемость и отвечаемость, – объяснил директор. – Всегда можно поставить лишнюю двойку или пару троек. Они сразу снизят уровень показателей. А так норма отметок выполнена, раз и навсегда. Остается только вписывать фамилии отвечающих.

– А много у вас преподавателей, уважаемый Механик?

– Зовите меня просто дир. Что значит директор.

– А много у вас преподавателей, уважаемый дир?

– Нет. Двое. Я и вы. Я не стремлюсь к увеличению преподавательского состава. Больше зарплаты достанется оставшимся.

Меховой Механик посмотрел на часы:

– Все. Пора включать начинальник.

Он потянул шарик, висящий над столом на веревочке, и над дачным поселком поплыл густой паровозно-электрический гудок.

– Пойдемте, сударыня Люся.

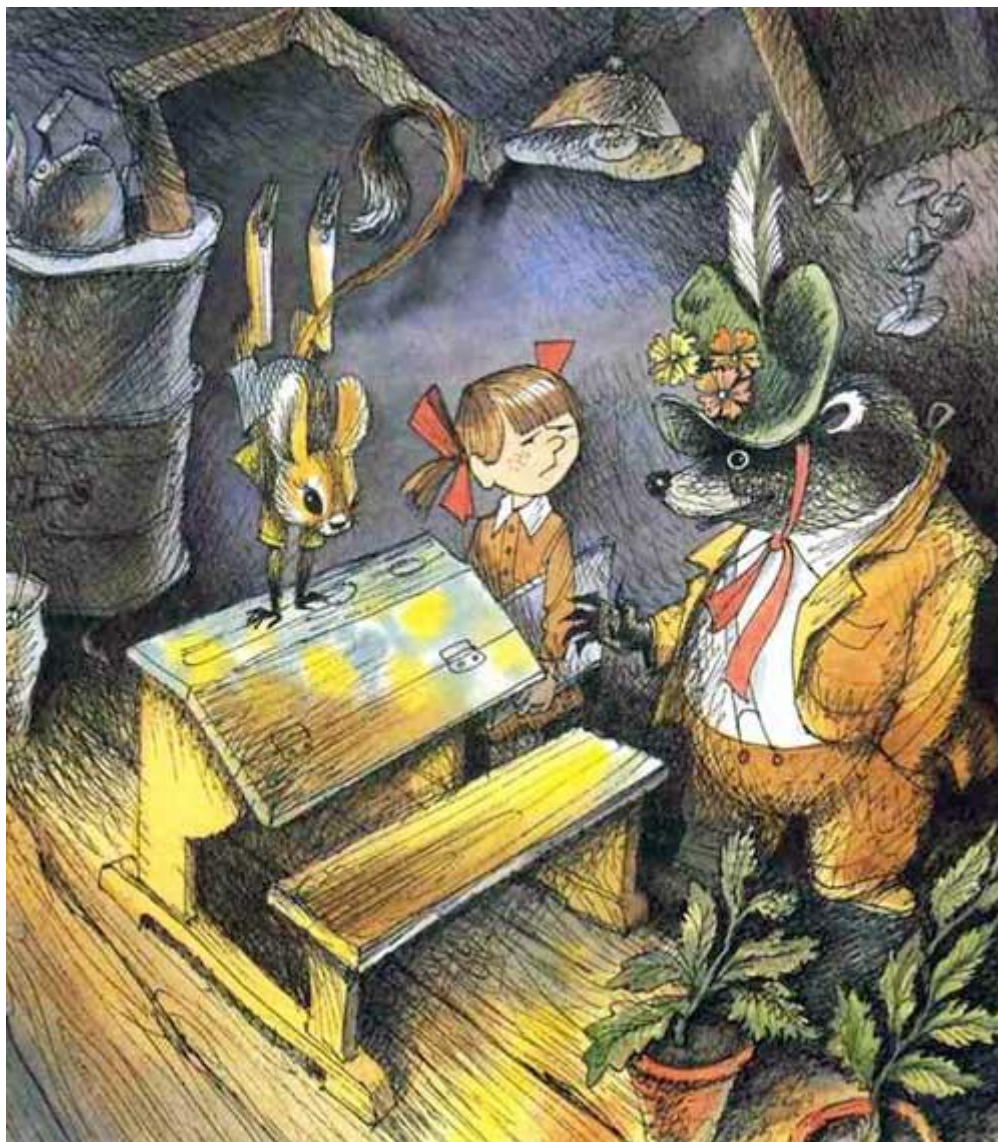
– Пойдемте.

Главный Бумажный Получальник она несла в руках. Из-за двери класса слышался просто жуткий шум и гам. Как только двери открылись, Люся Брюкина увидела всех своих подопечных. Они были такими, какими она видела их на фотографии. Большие глазастые меховые звери на задних лапах в небольшом количестве одежды.

Ученики сразу затихли. Взялись за крышки парт и все, как один, сделали стойку на передних лапах. Мехмех взглянул на большие ручные часы.

– Почему они так странно вас приветствуют? – спросила Люся.

– Мое изобретение. Во-первых, собирает и разгоняет сон. Во-вторых, выдает тех, кто жует мухоморы или бычки. Они сразу блюмаются. В-третьих, будит уважение.

Минутная стрелка сделала круг на часах, и Мехмех сказал:

– Блюм!

Звери радостно всем классом бухнулись на лапы и сели на скамейки за парты. Все, кроме одного. Большущий тушканчик по-прежнему стоял на передних лапах на парте.

– Так и есть! – сказал директор. – Наокурвился. Дачники оставили много окурков на участках, вот интернатники и жуют их. А потом дуреют. Живут как в тумане.

Он подошел к замершему ученику:

– Кара-Кусек, пройдите ко мне в кабинет.

Кара-Кусек осовело блюмкнулся на пол.

Меховой директор взял за лапу мехового жевальщика окурков и повел его.

– Вы занимаетесь с ними. Знакомьтесь. Их фамилии написаны вот здесь. – Он показал обложку Получальника.

Дверь захлопнулась, и Люся осталась с учениками одна.

Они всю тарацию тарашили на нее глаза.

А она на них.

На обложке Большого Бумажного Получальника был нарисован план класса. Один стол учителя и сдвоенные столы учеников.

План был такой:

БИБИ-МОКИ НАЦ. МУРАВЬЕД	БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ НАЦ. БУРУНДУК	КАРА-КУСЕК НАЦ. ТУШКАНЧИК	СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА НАЦ. ГОРНОСТАЙ
СЕВА БОБРОВ НАЦ. БОБЕР	ФЬЮ АЛЫЙ ЯЗЫЧОК НАЦ. ЛАСКА	ЦОКИ-ЦОКИ НАЦ. БЕЛКА	УСТИН, ЛЕТЯЩИЙ В ОБЛАКАХ НАЦ. ВОЛК
ИГЛОССКИ НАЦ. ЕЖ			
СТОЛ УЧИТЕЛЯ			

– Милые интернатники! – сказала Люся. – Давайте знакомиться. Меня зовут Люся. Я буду у вас учительница. Я учусь в четвертом классе. Я буду преподавать вам поведение и письмо. Сейчас вы покажете мне, что вы умеете. Это сделает Сева Бобров.

Со второй парты поднялся улыбчивый Сева Бобров и заявил басистым голосом:

– Я умею перепиливать чурки.

Он взял дровешко на полу около печки и в момент перегрыз его большими зубами.

– Вот, – показал он Люсе два огрызка.

Люся никак не могла понять, к чему относится столь блистательное владение зубами – к письму или к поведению.

– А теперь вы возьмите мел и напишите свое имя и фамилию.

Бобренко подошел к доске и довольно уверенно написал:

БАБ РОВ СЕ ВА.

– Хорошо, – сказала Люся. – А скажите, пожалуйста, что вы возьмете с собой, если вы идете в гости?

– В гости? – обрадовался Сева.

– Да, в гости. Причем к новым знакомым.

Юный интернатник подумал и уверенно ответил:

– Репу.

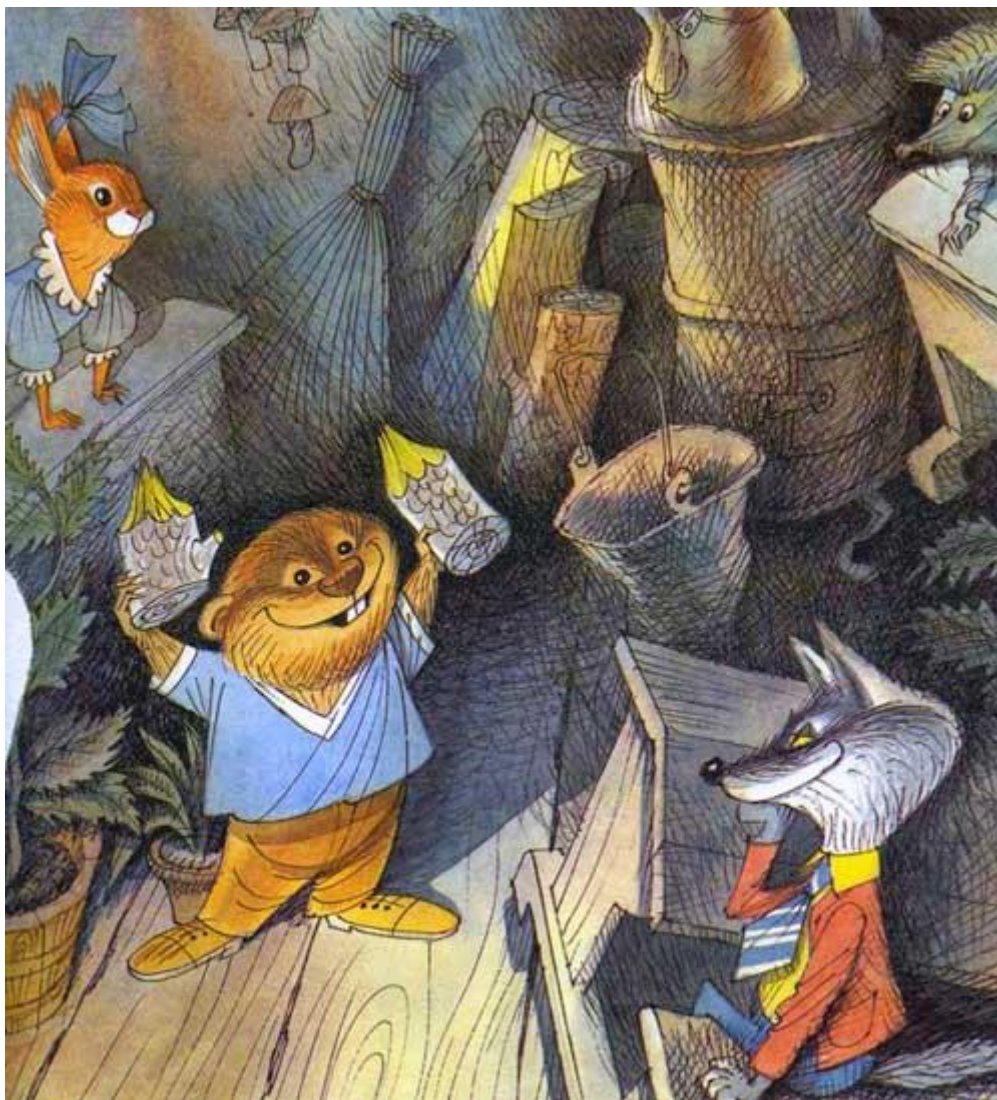
– Репу?! – удивилась Люся. – Нет. Это что-то другое. Они растут на клумбах... Бывают разного цвета...

Сева сразу догадался:

– Я все понял. Если я пойду в гости, я возьму кормовую брюкву.

– Отлично, – сдалась Люся, – продолжаем знакомиться.

Ликующий Се-Ва Баб-Ров утянулся за свою парту. Он так и сиял радостью за свои ответы.

– Сейчас напишет свое имя интернатница... Фю... Фю... Алы Язычок, – продолжила Люся. – Странное какое-то имя.

Сева Бобров снова встал из-за парты:

– Можно я скажу?

– Да, Сева.

– Ее зовут Фью-алка, или Свись-алка.

– Почему Свись-алка? Она свисает откуда-нибудь?

Интернатники засмеялись. Развеселились. Сначала тихо, потом сильнее.

– Она ниоткуда не свисает. Просто у нее такое имя, что надо сначала свистнуть, а потом показать что-нибудь красное. Например, язык. Это по-нашему, по-меховому.

– Спасибо, Сева. Это очень красивое имя, Фьюалка. У нас есть такие цветы – фиалки. Я их очень люблю. Прошу вас сюда.

Она жестом пригласила ученицу отвечать. Сверкнула лаковая молния, и ласка оказалась перед столом. Будто кто-то выключил ее изображение за партой и включил его уже здесь, у доски. Она стояла, нервно перебрасывая лапками мел.

– Напишите свое имя.

Лаковая молния, секунду поколебавшись, написала: «Фиалка».

Люся спросила:

– А что вы возьмете, если пойдете в дом к новым знакомым?

– Я возьму книги.

Дверь распахнулась, и вошел дир. Он держал большой черный поднос с капустными кочерыжками.

– Перерыв! Перерыв! – сказал он. На нем был белый передник и белый колпак. Видно, он

всерьез экономил хендрики и был еще и буфетчиком при интернате. – Не перегружайте детенышей, пожалуйста. Устройте им игры на свежем кислороде.

Интернатники оживились и задвигались. Лаковая молния выключилась у доски и включилась за партой. (Так быстро она перемещалась.)

– Хорошо. Только я закончу урок! – строго сказала Люся. – Дорогие интернатники! Если вы идете в гости в какой-нибудь дом и идете в первый раз, вы должны взять с собой цветы.

Пауза.

– Не книги. Не репу с брюквой. И даже не дрова. А, я подчеркиваю, ЦВЕТЫ.

Подчеркивать Люся научилась у папы. Папа всегда говорил очень умные вещи и самое умное постоянно подчеркивал.

– А теперь перерыв!

Счастливые интернатники с кочерыжками в зубах высыпали на траву. Причем практически бесшумно. Не топали ботинки, не стучали когти.

– Во что будем играть? – спросила учительница Люся.

– В толкалки! В толкалки! – кричали звереныши.

– В сшибалки!

– В валилки!

– Что это за игры? – спросила Люся у Всеволода Боброва. – Что надо делать? И кто выигрывает?

– Надо толкаться, пока все не повалятся, – объяснил Сева. – Кто упал последний, тот победил.

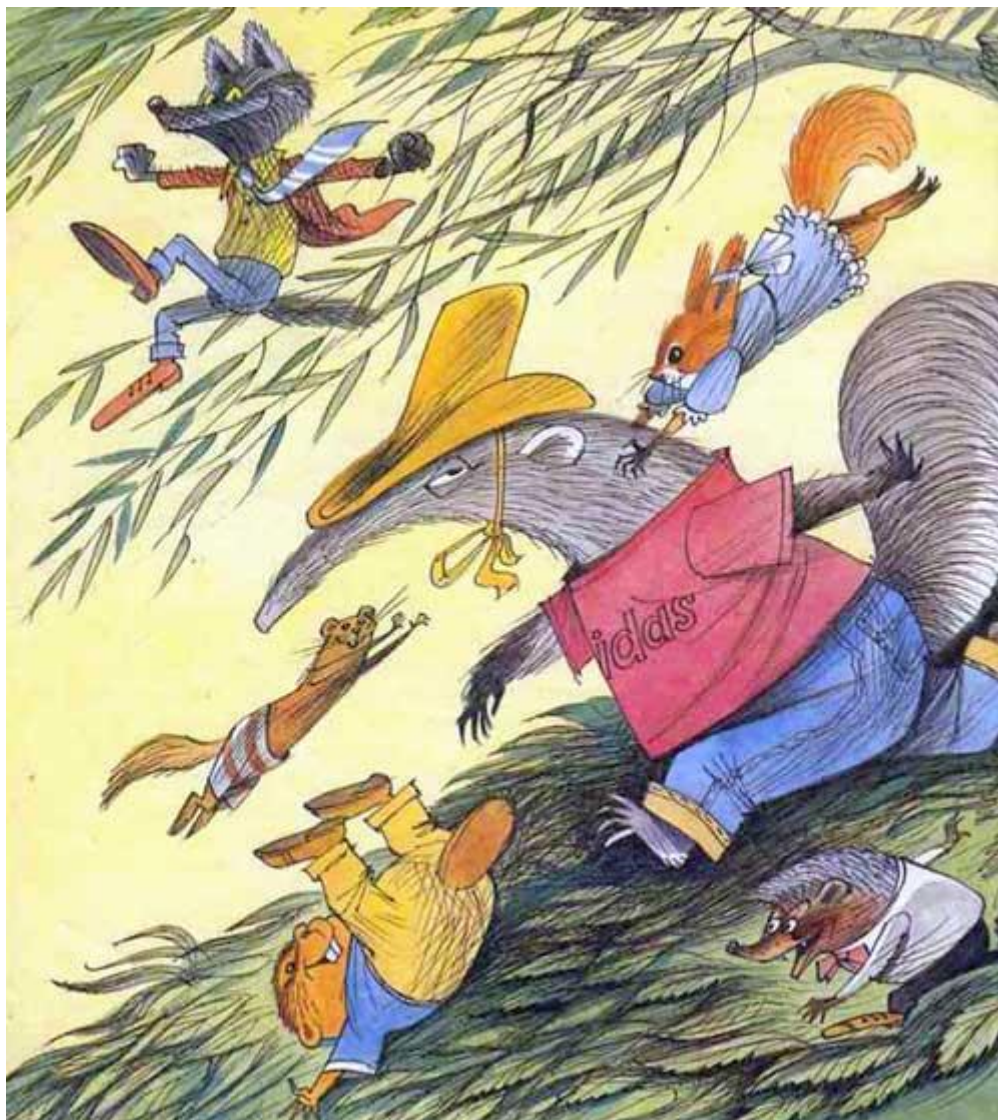
– Хорошо, – начальническим голосом сказала Люся. – Играем в валилки. Приготовились.

Старшие интернатники приняли борцовскую стойку. Мелкота побежала хвататься за деревья.

– Готовы? – спросила Люся.

– Готовы...

– Раз. Два. Три... Начали!

И закипела меховая поляна. Ученики хватали друг друга за лапы, за шею, за что попало и валили на землю.

Малышня висла на больших гроздьями. Большие шатались, ходили обвешанные мелкотой и шлепались. Кто свалился, на лапы не вставал. Подползал к другим упирающимся и вис на них.

Скоро все попадали. Остался на ногах один большой муравьед. Он ходил весь обвешанный мелкотой и пошатывался. Но держался. Вдруг белоснежный горноста́й прямо с земли сделал прыжок. И свалился ему на голову. Прыжок был такой, что часть горноста́я была еще видна на поляне, на траве, а часть уже подлетала к муравье́ду. Муравьед рухнул. И все радостно завопили:

– Биби-Моки! Биби-Моки!

– Что значит «биби-моки»? – спросила учительница Люся у щекастого Севы.

– Это имя такое. Значит Большая Биби.

Над поселком разнесся рев начальни́ка. Интернатники кинулись в класс. Люся вошла последней. Как только она переступила порог, все сделали стойку на лапах. Люся сказала:

– Блюм!

И они блюмкнулись.

– Кара-Кусек, к доске.

Тушканчик в джинсовой жилетке вышел из-за парты и сделал прыжок через всю комнату. По дороге он перевернулся и шлепнулся у доски уже лицом к классу. Люся не знала – так это положено ему или это хулиганство. От того, кто жуёт дачные окурки, всего можно ожидать.

Но класс не насторожился. Значит, все в норме. Вряд ли Кара-Кусек после беседы с директором станет еще хулиганить и напрашиваться. Он стоял у доски и грыз мел.

– Напишите, пожалуйста, свое имя.

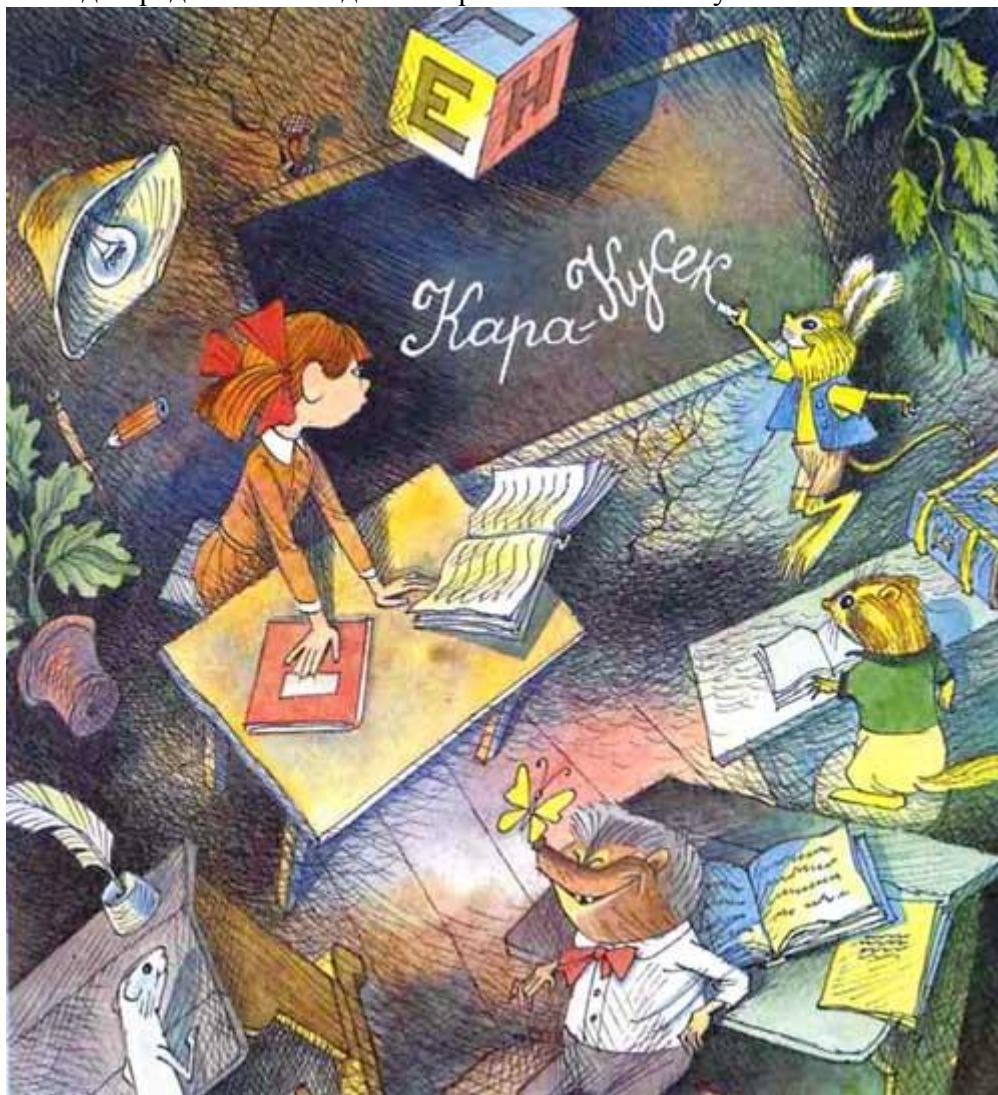
Тушканчик написал правильно:

КАРА-КУСЕК.

– Теперь просклоняйте его по падежам. Кара-Кусек принялся склонять. Он говорил и писал:

– Именительный – кто? что? Кара-Кусек. Родительный – кого? чего? кого нет? Кара-Кусека. Дательный – кому? чему? Кара-Кусеку...

Он дописал до предложного падежа и приготовился скакнуть на свое место.

– Нет, нет, – остановила его Люся. – Вы куда? Куда? Склоняем дальше.

– Склоняем дальше, – согласился интернатник. – Слово «куда». Именительный: Куда. Родительный – кого? чего? кого нет? Куды. Дательный – кому дадим конфетку? Куде...

Он просклонял эту «куду» до конца. Люся была настолько потрясена таким склонением по падежам, что не могла сделать ни одного замечания. Тогда она задала свой гостевой вопрос:

– А что вы возьмете, если пойдете в гости к новым знакомым?

– Цветы! Цветы! – засуетилась белочка с первой парты. Это она так подсказывала.

Люся строго посмотрела на нее. Но Кара-Кусек не нуждался в подсказке.

– Капусту. Три кочана, – сказал он уверенно.

– А если я не люблю капусту?

– Мы сами съедим. Чтобы она не пропадала.

– Кто мы?

– Иглосски и еще Биби-Моки.

Люся поняла, что она со своими цветами бессильна против вкусной капусты Кара-Кусека.

И она уступила.

– Вы свободны, Кара-Кусек.

Жилеточный тушканчик сделал прыжок через весь класс. В воздухе он перевернулся и приземлился прямо на парту.

Люсе очень нравился искрящийся белизной горностай, сосед Кара-Кусека. Она заглянула в Получальник:

– К доске пойдет Снежная Королева.

Горностай белым призраком скользнул вперед. Встал, нервно подбрасывая кусочек мела.

– Напишите, пожалуйста, такое предложение: «Снежная Королева любит танцевать».

Горностай написал:

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА НЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ.

– Хорошо! – сказала Люся. Потому что ошибок не было. Хотя она совсем не знала, как к этому относиться. – Напишите еще: «Вчера Снежная Королева играла с маленькой сестренкой».

Горностай молча повернулся и опять написал не то:

ВЧЕРА СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА ВЫСЛЕЖИВАЛ ТЕМНОТЮРА.

Весь класс вздрогнул.

– Я же просила вас написать, что вы играли с маленькой сестренкой.

– Я не играл с маленькой сестренкой, – возразил горностай. – У меня нет сестренки.

Люся хотела разузнать – кто такой Темнотюр и почему класс его боится? Но не стала, а повела урок дальше.

– Напишите вот что: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

Тут Сева Бобров поднялся. Он был взволнован:

– Как же он может написать, что желтеют одуванчики, когда они завяли? Они ж не желтеют. И солнце совсем не «очень яркое». А так себе солнце.

Хулиганистый Кара-Кусек закричал с места:

– Осень же! Осень на дворе! Вы что?!

Разгорался скандал. Хорошо, что вошел дир с очередным подносом. С очищенной картошкой в этот раз.

– Всё! Всё! На сегодня хватит! Перерыв!

Меховой поток бесшумно смыл его и скрылся на лужайке. Поднос опустел.

– Пройдемте ко мне в кабинет, девочка Люся. Надо оценить первый день работы.

Они сидели в директорском доме. Солидно пили из чашек что-то непонятное: то ли картофельный чай, то ли помидоровый кофе.

– Как прошли ваши уроки?

– Хорошо, – ответила Люся. – Но под конец они взбунтовались.

От удивления дир даже встал из-за стола:

– Как так?

– Надо было написать предложение: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

А они отказались.

Дир посмотрел в окно:

– А разве они желтеют? Да и солнце не очень яркое...

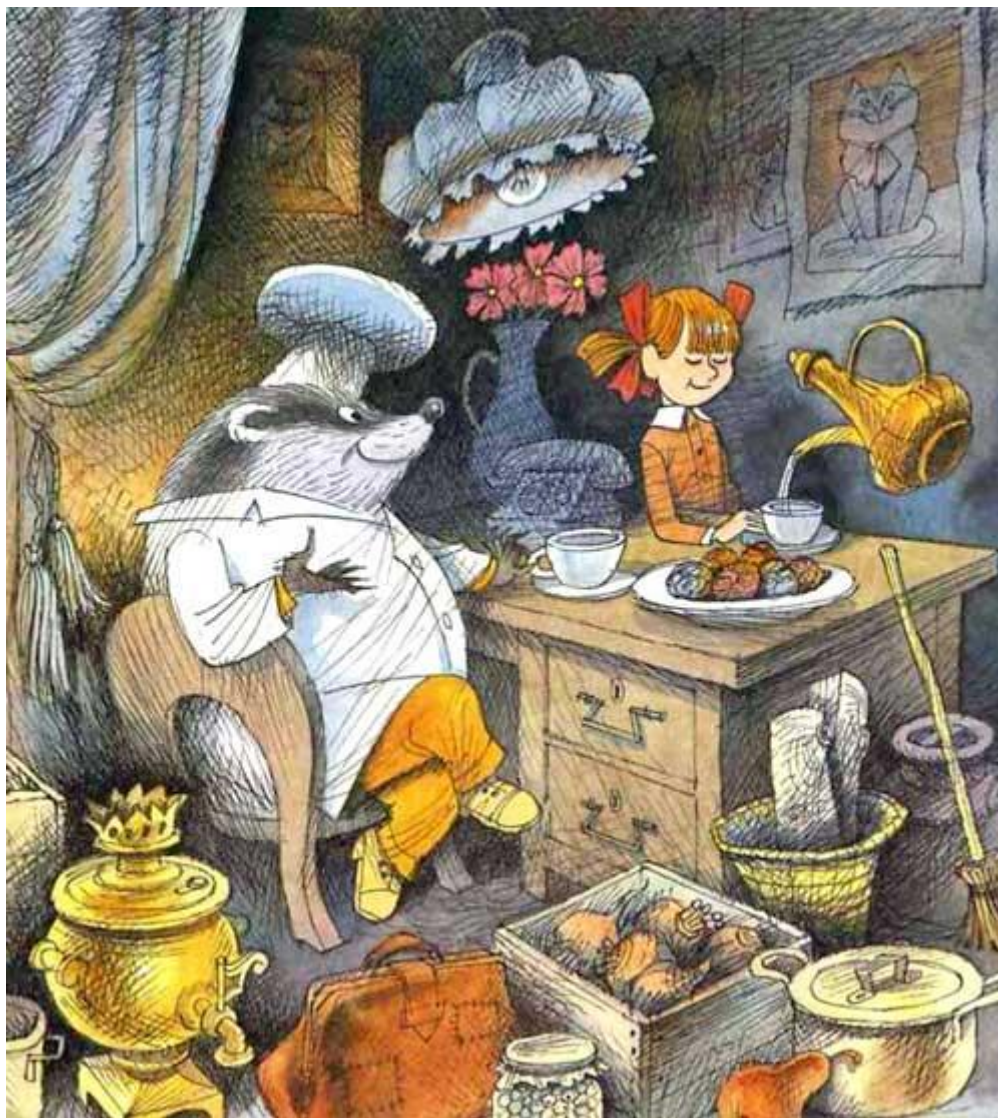
Потом он спохватился:

– Я вам объясню, в чем дело. У наших интернатников плохо обстоят дела с обманизмом.

– С чем? – спросила Люся. Теперь она оторопела.

– С обманизмом. Они обманывать не умеют. Всегда говорят правду. Мы даже в интернатскую программу такой предмет ввести хотели обманизм... сочинизм. Но преподавателя найти не можем. Кстати, вы не могли бы взяться?

– Нет, – ответила Люся. – Это не для меня.

– Может, вы кого-нибудь порекомендуете?

– Я подумаю. Это очень сложное дело – обманизм. Нас всегда учили говорить правду.

– Но не врагам, – возразил Мехмех. – А наши малыши даже охотнику Темнотюру правду скажут. Он их спросит: «Где ваши старшие?» Они ответят: «Их нет. Матушка Соня в ночевальне спит. А Меховой Механик в тоннельный склад ушел». После этого сажай их в мешок. И неси на живодерню. Люся, вы же не станете врагам правду говорить?

И Люся представила себе, как гуляет она, допустим, где-то в районе Кутузовского проспекта, около секретного завода. И подходит к ней чужеземный шпион, замаскированный под нашего крестьянина: в лаптях, с кинокамерой на боку и с сигарой во рту. И спрашивает:

«Ускажите умне, уза уэтим узабором учто уделають? Увоенные бомбардировщики БУХ-38?»

И как она ему сразу ответит:

«Уничего уподобного. Уза уэтим узабором корытная фабрика находится. Там корыта изговляют для сельской местности».

«А упочему там пушки стреляють и пулеметы строчат?»

«А потому, что корыта на прочность испытывают».

Это же будет ложь! Потому что весь микрорайон давным-давно в курсе, что за этим забором выпускают не корыта, а трехдверный перехватчик с десятью моторами. Вертикального взлета с любой железнодорожной платформы.

– Мне не хочется раздувать штаты, – продолжал Мехмех. – Мы с вами хорошо сработались. Но если вы не можете сами, подумайте о ком-нибудь другом.

Люся сразу подумала про Киру Тарасову.

Междуглавие второе РАЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И СОБЫТИЯ В ШКОЛЕ

Всем была хороша Кира Тарасова. И юбочкой, и глазами, и очками серебряными. Но врушка она была коллекционная.

– Вчера у моей мамы был день рождения. Ее лично Дед Мороз поздравил и группа товарищей. Ей большую медаль вручили из золота. Только ее она в метро на эскалаторе забыла. А пластмассовый пакет от медали остался. На нем Мишка олимпийский нарисован.

– У нас два дня космонавты жили. Титов и Кубасов. Кубасов, он моему папе брат. Они ванну принимали в скафандрах.

– Как в скафандрах? В скафандрах в воду лазили? Так они же сухие оставались тогда. Ведь скафандры воду не пропускают.

– Нет, вы не поняли. Они не в ванну в скафандрах лазили. Они в скафандрах ванну принимали. То есть теплую воду в скафандр наливали и ходили. Получается стоячая ванна. И сразу физкультура. Потому что в такой ванне по квартире походишь – сразу нагрузка. И проверка для костюма космического. Не протекает ли где.

– У моей бабушки в деревне ручной медведь живет. Она его в телегу запрягает. Он ее возит. И квас в сельпо доставляет. А сейчас зима. Он под бабушкиной кроватью спит. Весной его разбудят. Со всего района будильники соберут. Поедете к нам в деревню, сами увидите.

– А где деревня? Далеко?

– Под Кисловодском.

– Но там же медведи не водятся.

– Это раньше не водились. Сейчас водятся. Там целая медвежья ферма есть. Там медведей для цирка разводят. Как кроликов.

С Кирой Тарасовой Люся и решила поговорить насчет обманизма. Но тут вышла осечка. Кира учительницей быть соглашалась, но врушкой себя не признавала.

– Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный правдизм преподавать, то есть неврунизм.

– Им не нужен неврунизм, – рассказывала Люся. Она сегодня специально села за Кириным стол. Кира настолько завралась, что сидела одна. Ее вранья никто не выдерживал. – Этим интер-

натникам нужен обманизм. А то они на живодерню попадут. Из-за своей честности.

– Как так на живодерню?

– А так, придет охотник и спросит: «Где ваши старшие?» Они честно ответят: «Никого нет дома. Мы одни сидим». Бери этих малышей и сажай в мешок. А надо, чтобы они умели хоть немного соврать. Придет охотник с мешком и спросит: «Где ваши старшие?» – «Да нигде. Дедушка барсук на веранде сидит, пулемет перебирает. Бабушка Соня на кухне с милицией чай пьет. И две девочки-учительницы в саду волшебную дубинку испытывают».

– Ты и преподавай свой «обманизм», – сказала Кира. – У тебя хорошо получается.

К девочкам подошла учительница. Она посмотрела Люсину тетрадь, потом Киру.

– Тарасова, – спросила она, – ты почему не выполнила домашнее задание?

– Понимаете, Ирина Вадимовна, у меня папу в армию забрали. В парашютные войска. И мы с мамой всю ночь ему спортивную форму шили.

– Как форму? Твой же папа уже был в армии. Давно.

– А его снова позвали. Уже начальником. Потому что он хорошо прыгал. Без него не справляются. Все разладилось. Мы ему лампасы на джинсы пришивали. А бабушка парашют вя-зала на спицах.

Ирина Вадимовна даже растерялась. Ничего себе новости! Оказывается, теперь парашюты на спицах вяжут! А сорокалетние снова в армию идут.

– Бедная девочка! – погладила она Киру по голове.

А когда Ирина Вадимовна отошла, Кира сказала:

– Я не бедная! У нас квартира на двадцать восемь комнат. И дядя из Швейцарии ящик с магнитофонами прислал. Он там всемирный конгресс водопроводчиков проводит. Ну что, берешь меня правдизм преподавать?

– Ни в коем случае.

– Тогда я всем про тебя расскажу. И про твоих интернатников.

– Нельзя. Про них нельзя говорить.

– А я вот расскажу. Ребята, ребята! – зашептала она голосом диктора Центрального телевидения. – Наша Брюка в загородном парке учительницей работает. Зверям русский язык препода-ет. И поведение.

Упитанный Игорь Трофимов и ехидноглазый Спальников немедленно повернулись на шепот, придвинулась и тростиночноногая Катя Лушина.

– Прошу поподробнее, – попросил Игорь. – Каким зверям? Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам? Какой язык – устный или письменный?

Таких подробностей Кира не знала.

– А откуда тебе это известно? – спросила Катя Лушина. – Про Брюкину?

– Она меня туда звала. Приглашала.

– Снова прошу поподробнее, – съехидничал Трофимов. – Приглашала в качестве кого? В качестве хищника? Парнокопытного? Человекообразного?

– Она меня учительницей звала. Обманизм преподавать, – уже не телевизионным, а простым шепотом сказала Тарасова.

– Прекрасный выбор! – заявил Спальников. – За чем же дело стало? – И сам же себе ответил: – А за тем, что она такое напреподает, что все звери разбегутся. Во главе с директором зоопарка.

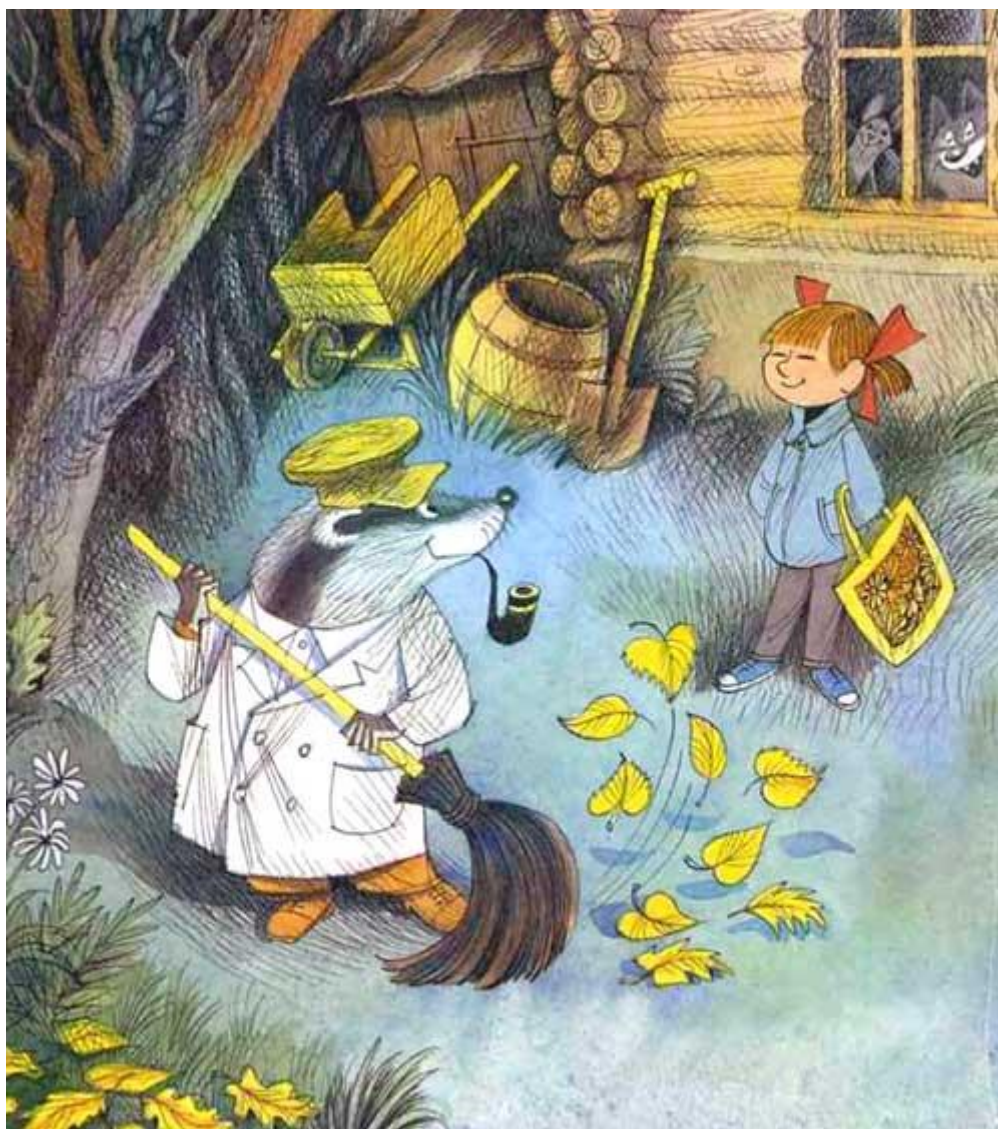
– Еще заставит их ванну в скафандрах принимать, – добавил Трофимов.

– Или лампасы к джинсам пришивать, – сказала Лушина.

– А то всех зверей отправит в парашютные противопожарные войска, – продолжил Спальников. – Им никаких противогазов не надо. Они и так страшные.

– Вы смеетесь, а я правду говорю! – голосом пионера из детского театра закричала Кира. Но ей никто уже не верил. И все отвернулись от нее. Каждая шутка хороша в меру.

Глава третья АВСТРАЛИЙСКИЙ ПЛЮМБУМ-ЧОКИ

В этот раз в электричке Люся держалась солидно и строго. У нее уже был немного учительский вид. Один сельский первоклассник даже потянулся ей место уступить. Но потом спохватился, сел и в знак протеста стал рассматривать потолок.

На станции Интурист погода была на «отлэ». Краски сгущенные, сочные. Недоеденное объявление было заменено новым, некусаным. Но неразборчивым.

Продается трехместная новая байдарка. Там же имеется породистая охотничья... чая... ка. С хорошей родословной. В хорошие руки бес...

«Ничего себе, – удивилась Люся. – Разве бывают охотничьи чайки? И на кого они охотятся? На лягушек? На рыб? А что это за бес в хорошие руки? У меня хорошие, возьму беса. А еще лучше бесенка. Интересно, как он выглядит?»

Дачный поселок дымился одинокими пенсионерскими кострами. Пожилые люди сжигали осенний мусор.

...Интернатники ликовали. Увидев Люсю, они шмыгали по участку отдельными личностями и клубились у окна в класс целым коллективом.

Дир сейчас был не дир, а «двор», то есть дворник. Он с метелкой в руках воевал с травой и листьями. И жег костер.

– Здравствуйте, – сказала Люся.

– Здравствуйте, уважаемая сотрудница.

Люся взяла светский беседовательный тон:

– Осень.хлопотное время для садовода.

– При чем тут садоводство? – удивился дир. – Это я варенье варю.

– Наверное, у вас ягод много. Пропадают.

– Ягоды? – удивился дир. – Я овощное варенье варю. Помидорно-капустное.

– Это входит в ваши обязанности как дворника или как директора?

– Как врача.

– Почему как врача?

– Потому что матушка Зюм-Зюм заболела. Ее надо лечить.

Люся разглядела ведро на костре и белый халат на Меховом Механике. И учуяла запах потрясающего капустного варенья с помидоровым уклоном.

– Матушка Зюм-Зюм – это наша кормилюндия. Ее надо ставить на ноги, а у меня ни одного хендрика нет. Не пришли еще.

«Оказывается, хендрики ходят! – отметила про себя Люся. – Наверное, они вроде цыплят».

Вслух она сказала:

– Извините, дир. Меня уроки ждут. Бумажный Получальник в кабe? В кабинете?

– Он в главном управлении Получальников на проверке. Возьмите Большой Вафельный Отметник.

– А как им пользоваться? – спросила девочка.

– Очень просто. Он сделан из вафли. За каждый правильный ответ можно давать учащемуся грызть. Чем лучше ответ, тем больше можно откусить.

– Они ж его сразу съедят.

– Вы не давайте. Он разделен на квадратики, как шоколад. За пятерку пять квадратуриков. За четверку – четыре. За двойку – только понюхать давайте, а кусать нельзя. Те, которые наносятся, очень хорошо потом учиться начинают.

Люся прошла в директорскую, взяла Вафельный Отметник и потянула за шарик начинальника.

При ее появлении в классе интернатники встали на передние лапы. От радости они махали задними лапами и раскачивались.

Люся посмотрела на часы и сказала:

– Блюм.

Класс радостно рухнул. Но тишины не было. Кто-то тихо барабанил лапами, кто-то урчал, кто-то колотил по скамейке хвостом.

– Что это значит? – спросила Люся удивленно. – Почему шум?

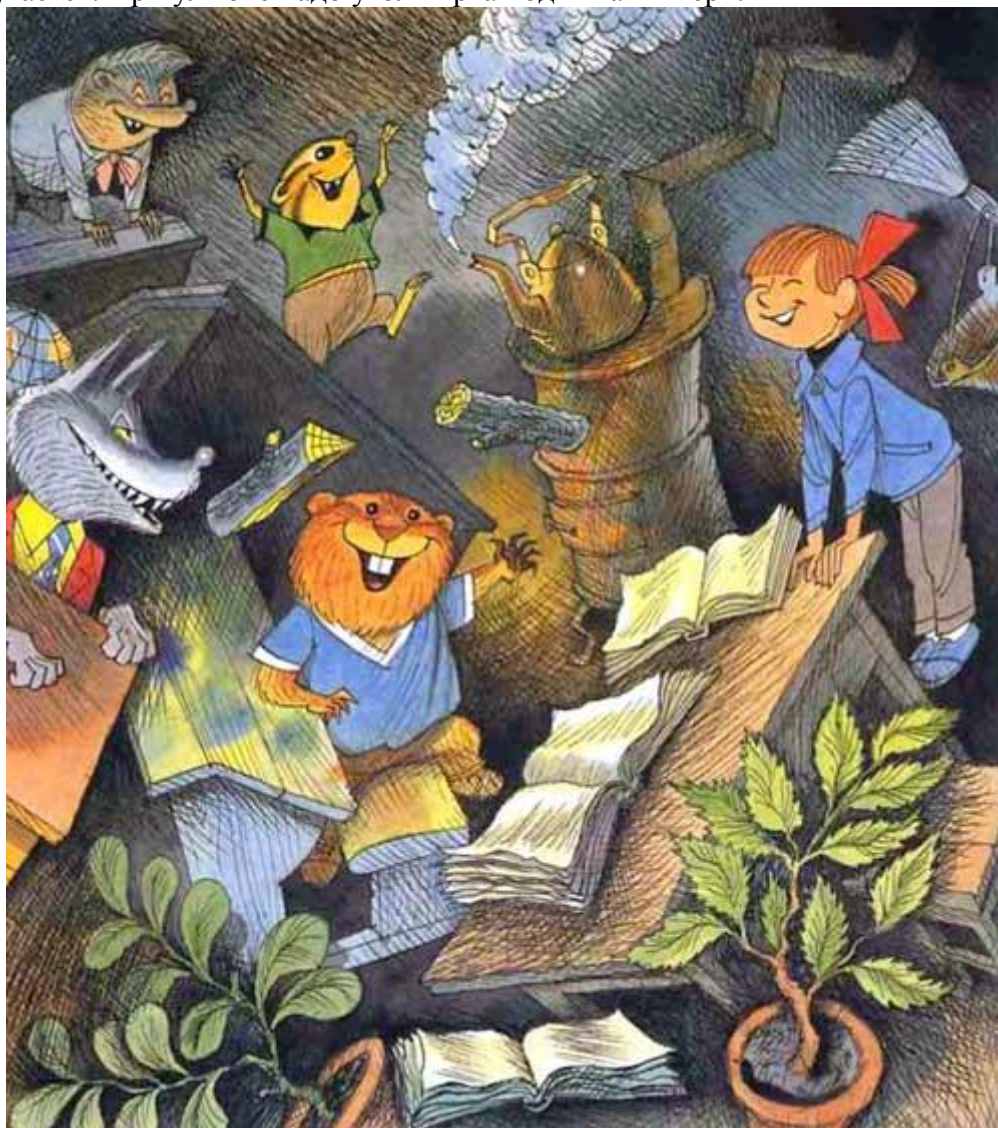
– Это мы вам радуемся! – сказал щекастый Бобров.

– Спасибо! Я тоже рада вас видеть. Но при этом я не стучу хвостом по столу и не рычу. Нужно учиться выражать свою радость по-другому. Если вы от радости зарычите на человека, он

насторожится. Испугается и убежит. Надо улыбаться. Вот так.

Люся показала, и все интернатники сделали «вот так». Получилась просто жуть. Столько зубов, один острее другого! И все оскалены для показа. Особенно старался Сева Бобров. Он выставил все свои зубы, как будто собирался перегрызть колючую проволоку.

– Нет, – сказала девочка. – Так получается еще хуже. Не только простой прохожий, милиционер испугается. При улыбке надо уголки рта поднимать вверх.

Интернатники попробовали.

– Уже лучше. Сняли! А теперь продолжаем занятия. Я прошу подойти к доске... вас, – попросила она бурундукового подростка с задней парты, соседа муравьеда Биби-Моки.

Тот подошел застенчиво-развязной походкой, держа лапы за спиной.

– Возьмите мел, уважаемый интернатник, и напишите, как вас зовут.

Бурундучок написал:

БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ.

– Хорошо. А теперь напишите, сколько вам лет.

Боря показал ей лапки. Черные когтистые ладошки.

– Ты хочешь сказать, что тебе десять лет? – спросила Люся.

Боря опустил нос вниз.

– Он хочет сказать, что ему нечем писать, – встрял зубастый Сева Бобров. – Он мел съел.

– Это от хулиганства? – спросила Люся.

– От застенчивости. И от того, что он растет.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный,–

и снова сунул нос под мышку.

«Ничего себе интернатники! – подумала Люся. – Мел едят! Про любовь стихотворения читают. Научи их чему-нибудь. Вот у нас в классе мел не едят. И вообще, с нами проще».

Тут она притормозила – проще ли? И решила проверить, понаблюдать за тем, что в ЕЕ классе мешает процессу обучения школьников. Сколько мешаний будет за неделю.

Пока Бурундуковый Боря стеснялся и дышал в рукава, черноносый игластик с первой парты вернулся с большим куском мела.

– Вот.

– Где ты его взял?

– Он у меня в зимних ходилках лежал.

– Зачем?

– Мы хотели, чтобы считальный урок отменили. И спрятали в ходилки.

Люся с трудом догадалась, что это валенки.

– И что? Отменили урок?

– Нет. Не отменили. Мехмех проверялку устроил. Меня в двоечный раздел записали.

– И меня! – вспомнил Бурундуковый Боря.

Он так расстроился от воспоминаний, что взял мел и стал его грызть.

– Подожди, не ешь, – сказала Люся. – Напиши, сколько тебе лет.

Боря наморщил лоб и закатил глаза.

– В какой системе? В меховой или в людовецкой?

– В какой такой «людовецкой»?

– В людовецкой – это в какой люди считают.

– Напиши в людовецкой, – согласилась Люся. – То есть в человеческой.

Бурундуковый Боря написал:

В ЛЮДОВЕЦКОЙ С. МИНЕ СИЧАС 8 ЛЕТ.

– А в меховой системе?

В МЕХОВОЙ С. МИНЕ СИЧАС 16 ЛЕТ.

Люся ничего не поняла.

– Может, ты что-то напутал? Как может быть два возраста? При чем тут меховая система?

Но застенчивый мелопоедательный бурундук стоял на своем:

– Девочка Люся, ведь у собак, которые у вас живут, два возраста. Собаческий и человеческий. Ведь правильно?

– Правильно. Мой папа говорил: «Нашему Шаху восемь лет. Его года надо умножить на семь. Тогда мы узнаем его человеческий возраст. Получается, что ему пятьдесят шесть. Он уже пенсионер».

– И у нас два возраста. Для людей и для нас, – упирался Бурундуковый Боря.

– Я поняла, – сказала Люся. – Чтобы узнать ваш возраст, ваши года нужно поделить на два.

Вперед выступил головастый ежик. Он теперь оживился и гремел иголками, как хорошая погремушка.

– Мы живем долго и долго вырастаем. Поэтому нам много лет, а мы еще маленькие.

Люся подумала про себя:

«Я считала, что они бестолковые, как на площадке молодняка. А они – умнющие ребята».

Прогудел начинальник. Вошел Меховой Механик с подносом ярко-фиолетовой свеклы. Он посмотрел на Вафельный Отметник:

– Он целый? Вы не спрашивали учеников? Был беседовательный рассказ в виде доклада?

– Просто мы про него забыли.

Она отломала два больших квадрата и угостила бурундучка и ежика. И спросила:

– Как здоровье матушки Зюм-Зюм?

– Лежит с температурой, – ответил дир.

– Знаете что, Мехмех, я пойду на свою дачу. Там есть аптечка с лекарствами. Я принесу аспирин или анальгин. Они понижают температуру.

– Пожалуйста, помогите нам, девочка Люся, – попросил дир.

– Можно я пойду с вами? – потянул Люсю за руку ежик.

– Конечно. Как тебя зовут?

– Иглосски.

– Можно я тоже пойду? – спросил Бурундуковый Боря.

– И я, – попросился зубастый Сева Бобров.

– Конечно, можно. Все пошли.

Они повисли на Люсе, как детсадовские малыши. И все отправились на Люсину дачу.

Люся взяла заржавевший, ключ под водосточной трубой. Открыла замок и вошла на веранду.

Меховая ребятня всунулась за ней. Малыши все нюхали, трогали и даже облизывали языком. Всё, всё. И про все спрашивали – зачем?

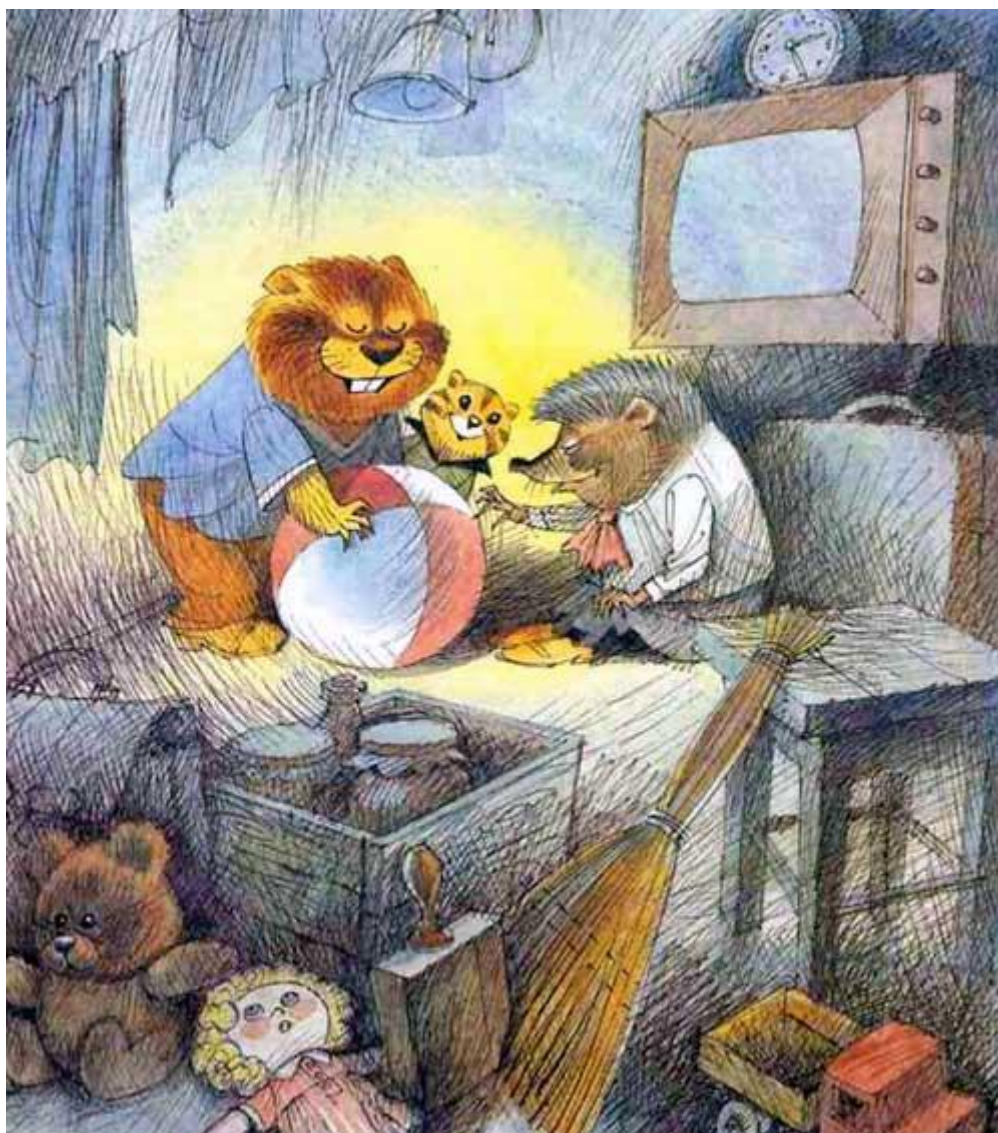
Больше всего их поразил не телевизор (они его понюхали, лизнули, и все). Не электрокамин (только потрогали). Не старинный магнитофон (покусали, и только). А большой резиновый мяч.

– Это что? – спросил Сева.

– Мяч. Он прыгает. В него играют.

– У нас есть такие. Они называются скакуны. Только они очень тяжелые. Как капуста, – сказал Иглосски.

– Мы возьмем его с собой в интернат, – решила Люся. Она отыскала лекарства, и они пошли в поселок.

Красный мяч произвел фурор. Меховая публика накинулась на него кучей. И стала кататься клубком по осенней траве.

Люся подошла к диру. Протянула таблетки:

– Это для матушки Зюм-Зюм. Помогает сбить температуру.

– Пойдемте к ней. Она очень отсталая личность. Боится всего нового. Может и отказаться.

Они прошли в глубь участка, к задней стороне дома. Там вдоль стены лепилась лесенка на второй этаж. И была дверь в подвал.

– Здесь у нас котельная, – сказал дир, – и кухня. А наверху ночевальни для учащихся и состава. Да, как насчет обманизма? Нашли кого-нибудь?

– Пока нет, – ответила Люся. – У меня есть одна знакомая девочка – жуткая врушка. Но она себя врушкой не считает. Она сама верит во все, что говорит. Она хочет правдизм преподавать.

– Правдизм пока не нужен. У нас с обманизмом плохо. И потом, мне кажется, здесь не девочка нужна, а наставник со стажем. Опытный обманист. Придется, наверное, объявление давать. Как вы думаете, чем можно такого наставника привлечь – хендриками, живульней?

– Думаю, и тем и другим, – осторожно ответила девочка. Потому что она в глаза не видела ни того, ни другого.

Они поднялись на второй этаж.

В прихожей на полу на треногах стояли две трубы. Одна была направлена в небо, другая – в сторону станции. Люся заинтересовалась:

– Что это?

– Усилительные трубы. Вот эта – подзорная, звездоскоп. А это нюхозорная труба, или нюхоскоп. Хотите осмотреть окрестности? Или обнюхать? Или обслушать?

– Да, хочу.

Дир настроил трубы.

– Вам на сдвоенную работу? Или на строенную? Пожалуйста. Сюда надо смотреть. Сюда надо совать нос. Только ваш нос неудобный, маленький.

Юная учительница стала смотреть и нюхать. Подзорная труба была с многократным увеличением. Видно было каждую ветку, каждую перекладинку перил, каждую спичку, каждый камешек на платформе.

Люся прочла расписание на щите. Высмотрела себе очень удобную электричку, идущую до Москвы почти без остановок.

Потом увидела объявление на столбе. Оно было знакомое:

«Продается трехместная новая байдарка. Там же имеется породистая гончая собака. С хорошей родословной. В хорошие руки, бесплатно».

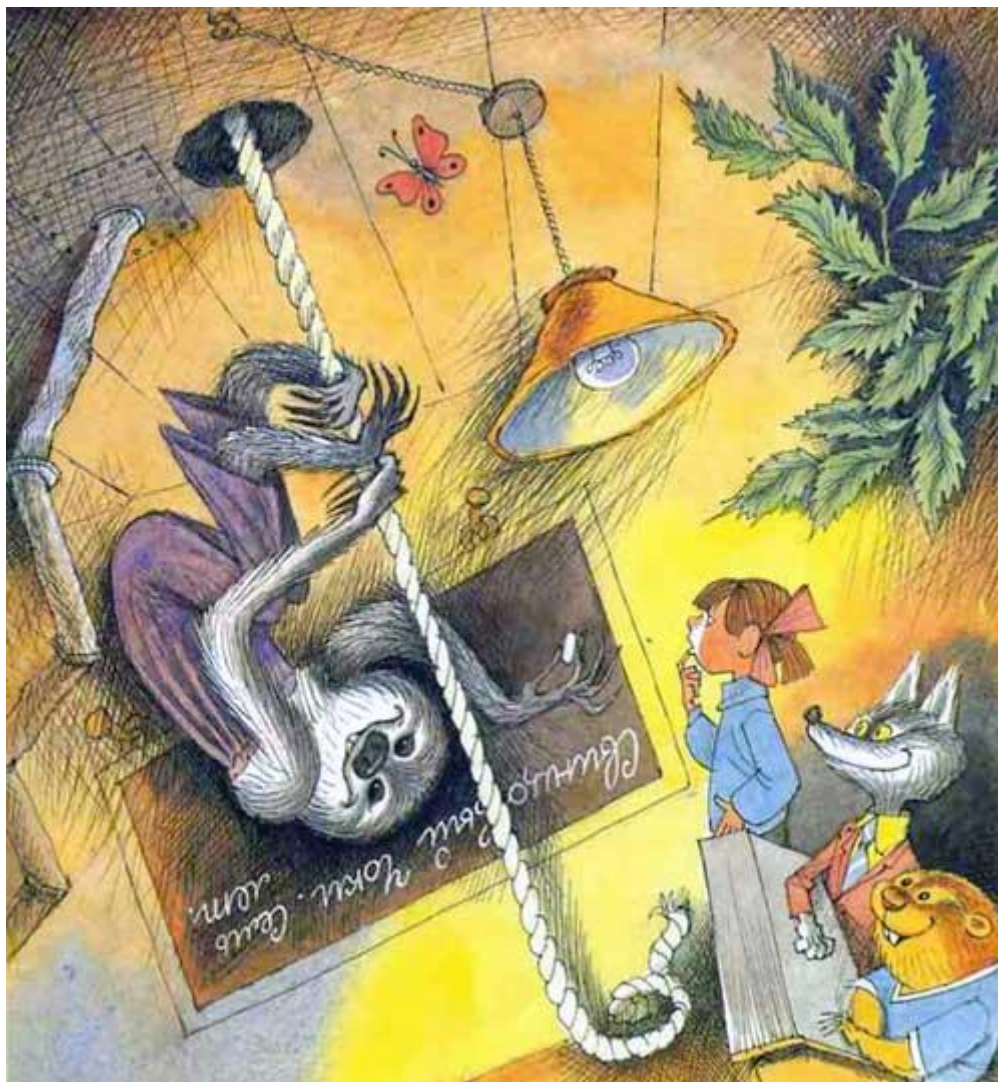
«Вот тебе и бес в хорошие руки!» – подумала Люся.

Она увидела осеннюю клумбу с астрами. И стала нюхать цветы. Запаха не было. Она перевела трубку на коричневую кучу с удобрениями. Тут ей сильно шибануло в нос тухлятиной. От этого запаха глаза Люси вытаращились. Но мысли прояснились. Она сразу поняла, что такое нюхоскоп. «Хорошо, что это нюхоскоп. Был бы зубоскопом, как треснул бы по зубам!»

За прозрачной дверью лежала в кровати вся обмотанная шарфами и грелками матушка Зюм-Зюм.

- Проходите сюда.
- Здравствуйте, матушка Зюм-Зюм, – сказала Люся.
- Здравствуйте, маленькая девочка! – ответила матушка. Внешне она была похожа на садовую соню. – Мне дир очень хвалил вас. Эту круглую штучку надо глотать?
- Да, матушка Зюм-Зюм.
- А хендрики еще не прилетели? – спросила она у барсукового дира.
- Еще нет. Сам жду. И переживаю.
- Ладно. Проглочу эту пуговичку. А то я совсем в жару.
- «Хендрики еще могут летать», – подумала Люся. И попыталась себе представить осенний перелет хендриков.
- Матушка выпила аспирин и закуталась в одеяло.
- Теперь поспите, – сказала Люся. – Скоро вам станет легче.
- Спасибо, милая девочка.
- До свидания, матушка Зюм-Зюм.
- Меховая мелкота и крупнота уже была за партами. Все встали на передние лапы и от радости замахали задними.
- Блюм, – сказала Люся. – Сейчас пойдет к доске... – Она посмотрела на маленькую белку с первой парты. – Пойдет...
- Но белочка не дала сказать, а забежала вперед:
- А почему вы Плюмбум-Чоки не вызываете?
- Ее серебристые очки так и сверкали во все стороны. Дылда волк, сидящий рядом, важно поддержал:
- Да, почему?
- Плюмбум-Чоки? А это кто? Где он сидит?
- Он в дыре сидит! Вон! Вон! – повскакала с мест учащаяся мелочь. Они показывали на круглую дыру в потолке. Оттуда к доске тянулся канат.
- Хорошо, – согласилась Люся. – К доске пойдет Плюмбум-Чоки.
- Никто из дырки не показывался. Люся вопросительно посмотрела на белочку.
- А он не может пойти. Не может! – захлопотала белочка. – Он ходить не умеет. Он лазает. Люся поджала губы – уж не разыгрывают ли ее? И сказала строго, с нажимом:
- Сейчас к доске ползет Плюмбум-Чоки.
- Сначала из дырки посыпался мусор – зеленая труха. Затем закачался и задергался канат. Потом показалась длинная меховая лапа с цеплятельными пальцами. А затем вылез и сам Плюмбум-Чоки – большой ленивец в сиреневых трусищах по самую шею.
- «Ничего себе площадка молодняка! Ни в одном зоопарке нет таких зверей!» – подумала Люся.
- Плюмбум-Чоки медленно полз к доске. Вот он завис над ней, глядя на Люсю огромными спрашивающими глазами.
- Напишите свое имя и свой возраст в людовецкой системе.
- Плюмбум начал царапать мелом что-то на доске. Люся не понимала: что это? на каком языке? на людовецком? на меховом?

Чоки кончил царапать, а Люся так и не разобралась.

– Что он написал? – обратилась она к классу.

Весь класс, как один, встал на передние лапы. Будто кого-то приветствовал. Люся даже оглянулась – не вошел ли кто?

Никого не было. А класс плюхнулся обратно. И все подняли лапы. Больше всех тянулась белочка с первой парты.

– Можно я? Можно я?

– Можно.

– Он написал: «Свинцовый Чоки. Семь лет».

– На каком языке?

– На кверхногамном.

– Что это еще за язык такой – кверхногамный? – удивилась Люся.

– Это когда кверх ногами пишут. Он же так висит.

Люся повернулась к доске спиной и встала в позу ныряльщика. Так что доска предстала перед ней кверх ногами. И прочла: «Свинцовый Чоки. Семь лет».

Теперь ей стало ясно все, кроме слова «свинцовый».

– Почему Свинцовый Чоки? Ведь нужно Плюмбум.

– Потому что плюмбум и есть свинец, – проскрипел ленивец. – Я – Свинцовый Чоки.

Он говорил, как по тарелке царапал.

– Спасибо, – сказала Люся. – Очень хорошо. Вот вам Вафельный Отметник. Откусите большой квадратурик.

Она подала Отметник Чоки. Он не доставал, а она не дотягивалась. Тут Чоки рухнул вниз прямо на Люсю. Она даже перепугалась и шмыгнула под стол. Только Чоки не долетел до пола.

Он повис на двух крючковатых лапах, как меховой ковер на веревке.

«Так бы его и треснула выбивалкой!» – подумала Люся. Но драться не стала. А солидно, как положено учительнице, вылезла из-под стола и подала Отметник ученику.

Плюмбум радостно отгрыз большую дольку и, сложившись, полез по канату в свою замусоренную дыру. В классе остался только резкий запах эвкалиптовых листьев.

Люся внимательно осмотрела все углы в классе. Нет ли где еще какой норы? Того гляди, утконос вылезет или питон.

– Теперь я бы хотела познакомиться... с юным пушистым созданием...

Маленькая белочка исчезла под партой.

– У которого такие толковые глаза... Такой застенчивый вид... Это создание, наверное, самое скромное во всем классе... очень любит грызть орехи, и сидеть под столом.

Бельчонок сидел под партой и в ужасе дергал джинсовую штанину волка:

– Это про тебя! Это про тебя! Волк оттолкнул белочку лапой:

– Не дергай! Сам знаю.

Он засмутился и, опустив глаза, пошел к доске. А белочка вылезла из-под парты очень довольная. Она покашивала глазами на Люсю и, наверное, считала себя самой хитрой в школе. В обеих системах – в людовецкой и в меховой. Еще бы! Она так здорово избежала вызова к доске!

– Прошу вас, дорогой интернатник, напишите свое имя.

«Юное пушистое создание» в виде лохматого дылды в джинсах и с пистолетами на боку нацарапало:

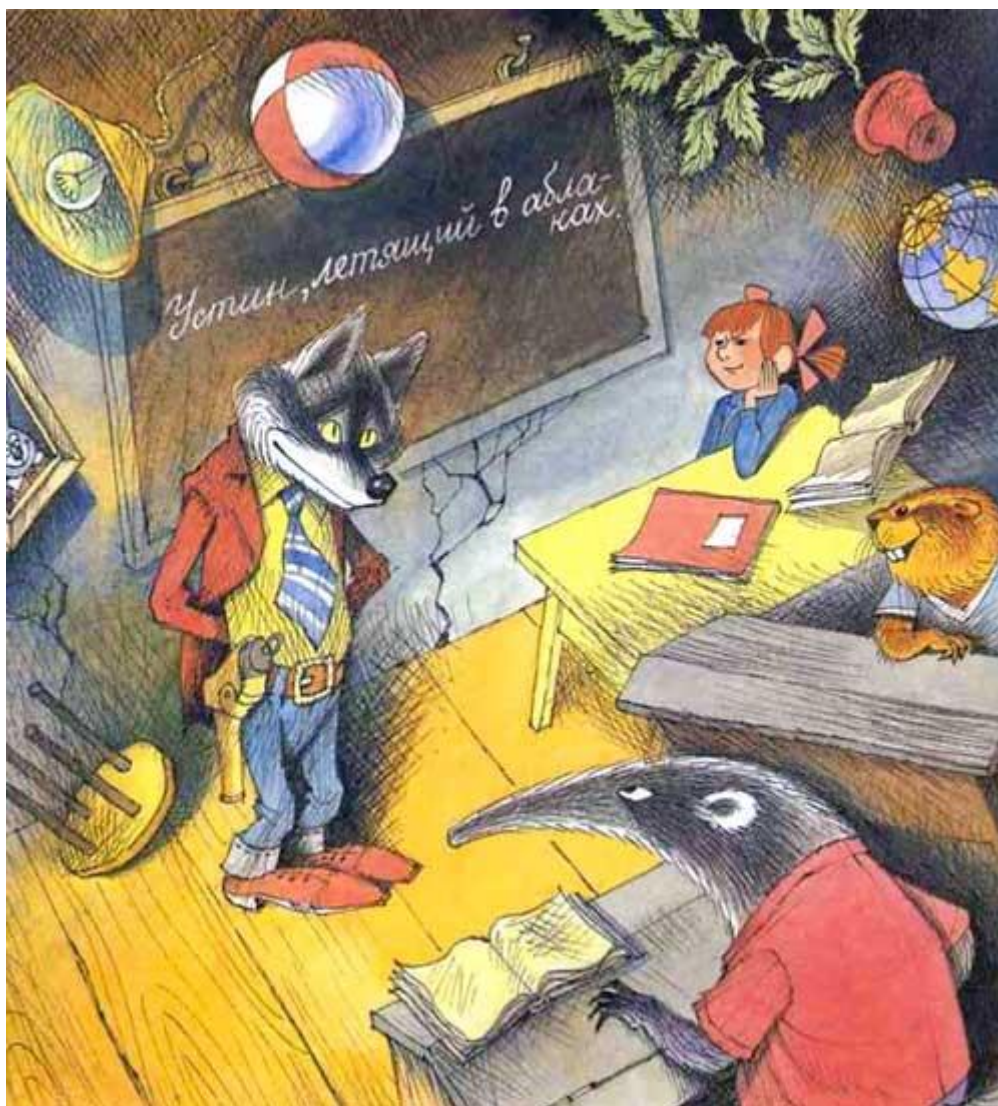
УСТИН ЛЕТЯЩИЙ В АБЛАКАХ.

Люся спросила у класса:

– Где ошибка?

Белочка с первой парты засверкала очками:

– Можно я? Можно я?

Она вышла из-за стола. И стало видно, как она хорошо одета. В яркую цветастую юбочку и жилетку. Она дописала:

С ТРУДОМ.

– Почему с трудом? – оторопела Люся.

– Как почему? Как почему? – захлопотала белочка. – Волкам трудно летать. Они не умеют же. Птицы умеют. Мыши умеют. А волки не умеют.

– Других ошибок нет?

– Нет, – ответила белочка.

– Я вижу, что есть.

Вперед важно, вперевалячку вышел Иглосски. Большой специалист.

Он зачеркнул букву «и» в слове «Устин» и написал «е».

– Устен? – удивилась учительница. – Почему Устен?

– У стен летает, – объяснил Иглосски. – В облаках у стен.

– При чем тут стены?! – завопила Люся. – Ошибка в этом слове. – Она показала на слово «аблака».

Весь класс принимал участие в исправлении написанного. Образовалась целая спасательная экспедиция. К ней присоединился еще и Сева Бобров.

Зубастый Сева закричал:

– Я знаю! Я знаю! «Аблака» – это неправильно. Надо написать «яблака». Получится: «Устин, летящий в яблках».

- В каких еще яблоках?
- В обычных, – пояснил Сева. – Он вокруг яблони летает.
- От этих стен и яблок у Люси кругом пошла голова.
- Неужели никто не знает?
- Я знаю! – сказала Лаковая Молния. – Надо писать «в облаках».
- Правильно, – похвалила ласку девочка. – Вот вам кусочек Вафельного Отметника.
- А мне не дадут Отметника? – спросил устенный Устин.

Люся не знала, как ей быть – дать ему понюхать плитку вафли в наказание за неграмотность или, наоборот, похвалить его за старательность и отломить кусочек. Она решила угостить волка. А нюхательно-воспитательные меры пока отложить. Яблочковый Устин аж засветился от радости неярким серым светом.

Прогудел начинальник. Меховая братия забежала и замоталась, малышня повисла на Люсе.

- Что мы будем делать? – кричали они.
- Не знаю.
- Давайте в залезалки играть. Давайте!
- Это что такое?
- Игра такая. Надо на крышу залезть. Кто выше всех залезет, тот победил. А остальные его стаскивают, – объяснил ежик Иглоски. – В прошлый раз победил Мохнурка.
- И где он? – спросила Люся.
- В ночевальне лежит. Перебинтованный. Он слетел сверху и поцарапался по дороге.
- Это уже не залезалки, а бинтовалки получаются, – сказала девочка-учительница. – Только сегодня мы в это играть не будем. Мне пора домой. Меня папа с мамой ждут. Я боюсь, что мне дома «влеталки и разгонялки» устроят.
- Это хорошая игра, во «влеталки», – сказала белочка. – Это влетать куда-нибудь надо?
- Зверята проводили Люсю, до ворот и долго махали лапами вслед и кидали вверх разные вещи. Эти вещи еще много времени взлетали над забором.

Междуглавие третье СПИСОК МЕШАНИЙ УЧИТЕЛЯМ НА УРОКАХ СО СТОРОНЫ УЧАЩИХСЯ

Всю неделю ученица-учительница Люся Брюкина внимательно наблюдала за своими коллегами по учебе. Смотрела на тех, кто обучает, и на тех, кто обучается.

И вот что было замечено.

ПОНЕДЕЛЬНИК

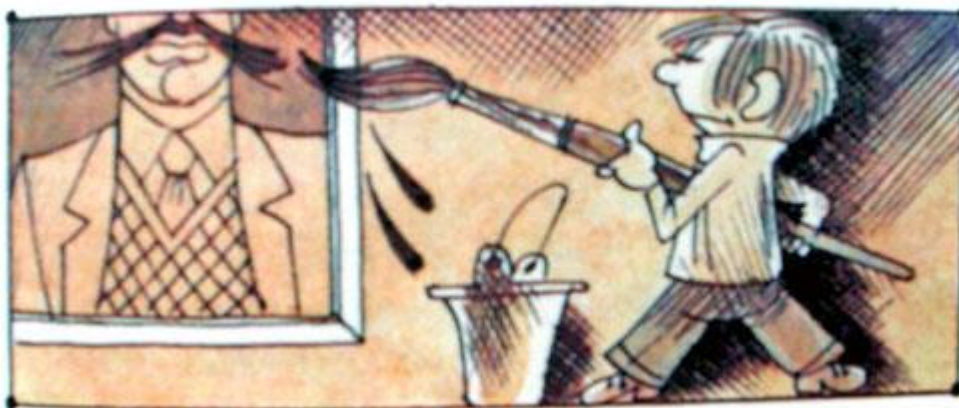
Спальников намазал доску воском, как лыжи. Поэтому Лушина, которая всю неделю учила арифметику с папой, не сумела даже написать условие задачи. Мел скользил. Учительница сердилась.

- Ты, Лушина, нарочно это сделала. Потому что урока не выучила.

– Я выучила, Мария Яковлевна. Это кто-то другой доску намазал.
– А вот мы сейчас проведем контрольную работу на вычитание дробей и выявим, кто у нас диверсант. Ясно, что отличники доску натирать не станут.

Кандидатами в диверсанты оказались: Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова и бедная Карина Мариношвили. Ей эта двойка была нужна больше всех. У нее и так по арифметике было две.

ВТОРНИК

Великолепный Киселев подрисовал усы на портрете знаменитого писателя Маяковского. Он оправдывался:

– Все писатели как люди. И Чехов, и Толстой, и Некрасов, а он отрывается. Он какой-то ненастоящий, потому что без усов.

– А ты много читал Маяковского?

– Потому и не читал, что он без усов. Теперь начну.

– Теперь ты пойдешь домой и приведешь родителей, – говорила Эмилия Игнатьевна – завуч. Очень умная и опасная женщина. – Твой папа без бороды и усов. Но я думаю, он настоящий и выплет тебе как следует, по-настоящему.

Язвительный Игорь Трофимов подумал и сказал:

– Вот учителя! Вот завучи! Человек в беду попал, а они острят, шутят. Нет, с такими людьми мы никуда не придем.

СРЕДА

На родительском собрании сердился дедушка Киры Тарасовой:

– Моя Кира говорит: «Если не купишь мне джинсы, я в школу не пойду. У нас все учащиеся в джинсах ходят. Даже директор. Я одна как из сельской местности в юбке югославской. Будто я отсталая». А где ж я ей эти джинсы возьму? Да ведь не простые надо, а фирмы Врангеля. Я ей говорю: «Этого Врангеля мы прогнали в революцию не для того, чтобы его штаны носить!» Она мне в ответ: «Темный ты, дедушка, ничего в истории не понимаешь. И в экономике. Вы ведь Врангеля прогоняли, а это Вранглер».

– А моя просит счетную машинку! – сказала бабушка Карины Мариношвили. – Я ей было купила в магазине харьковскую за двести рублей. А она кричит: «Ты что мне покупаешь? Ее же надо в розетку включать. У всех японские машинки на батарейках. Размером с записную книжку. Они их под партой держат. И считают незаметно от учителя. Я с таким ящиком что делать буду? Ты бы мне еще телевизор приобрела. Чтобы я под партой клуб кинопутешествий смотрела!» А где мне купить эту японскую машинку? Мы, уборщицы, редко ездим в Японию подметать. Мы все здесь работаем. На трех работах. Уймите внучку!

ЧЕТВЕРГ

В классе событие. Пропал Главный Бумажный Получальник. То есть классный журнал. А так как Вафельного Отметника у нас не завели, пришлось притормозить школьные занятия.

В поисках журнала перевернули учительскую, кабинет директора и три тонны макулатуры, собранной энтузиастами-прогрессистами из второго «Б» класса. Они прогрессисты потому, что собирали макулатуру не по указанию руководства школы, а по велению сердца. Но журнала не нашли.

В конце дня пришла расстроенная отличница Королева и принесла журнал. Он был у нее в портфеле. Конечно, его похитила и запихнула туда не она. Это были чьи-то происки. Кто-то мечтал сорвать занятия по иностранному английскому языку.

Провели контрольную с целью выяснения знаний учащихся и с целью выяснения проискантов.

Кандидатами оказались Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова, блистательный Киселев и опять Карина Мариношвили. Ей эта двойка опять была нужнее всех. У нее по английскому была всего одна.

ПЯТНИЦА

Киселев и Тарасова решили попробовать курить. Купили в ларьке пачку «Явы». Сказали, что для больного папы.

Тарасова красиво держала сигарету и по-красивому вытаращивала глаза.

Киселев сделал две затяжки и упал. Оказалось, сигареты были бракованные. В табачную

машину попал эбонитовый шарик от ручки. И она его искрошила. Тренированные курильщики выдерживали с трудом. Нетренированный Киселев чуть не пропал. На урок его привели под руки Трофимов и Спальников. Тарасова объяснила учительнице, что Киселев шатается, потому что тушил пожар. Вытаскивал пожарных из огня. У них была тренировка, а он не понял и спасал их за ноги.

Мария Яковлевна не очень верила в спасение пожарных. Несмотря на убедительную деталь в смысле тренировки. Но от Киселева так несло жженым эбонитом, что пришлось согласиться. И Киселева в качестве награды за правдивость пустили проветриться в коридор.

Там его увидел директор и сказал, что дышать свежим воздухом лучше всего во дворе с метелкой.

И народный спаситель пожарных целых сорок пять минут превращал школу в город-сад.

СУББОТА

На уроке истории учитель Косолапов объяснял, что в средние века были феодалы – князья, их вассалы – помещики, и крестьяне, которые на всех работали.

На что быстрый разумом Киселев заявил:

– Точно. Как у нас в школе. Директор – феодал. Учителя – вассалы, а мы – крепостные крестьяне.

Учитель Косолапов разбушевался:

– Ничего себе крепостные! Барчуки вы! Живут в хороших квартирах. Им тепло на квартиру доставляют, вместо дров. Воду на квартиру. Для них телевизор изобрели – к ним зрелища на дом приходят. Они лошадь не то что запрячь не сумеют, просто не видели ее никогда! А учителя с ними бьются, в их башки знания впихивают. Да раньше ни один сын императора в таких хороших условиях не рос.

И велел крепостному Киселеву к следующему разу составить режим дня среднего крестьянина средней полосы России в средние века. А еще лучше крестьянки. С учетом топки печки, кормления домашних животных. (Причем не попугайчиков, хомячков и морских свинок, а коров, овец, лошадей, птицы.) С учетом приготовления обеда, стирки и других мелких радостей.

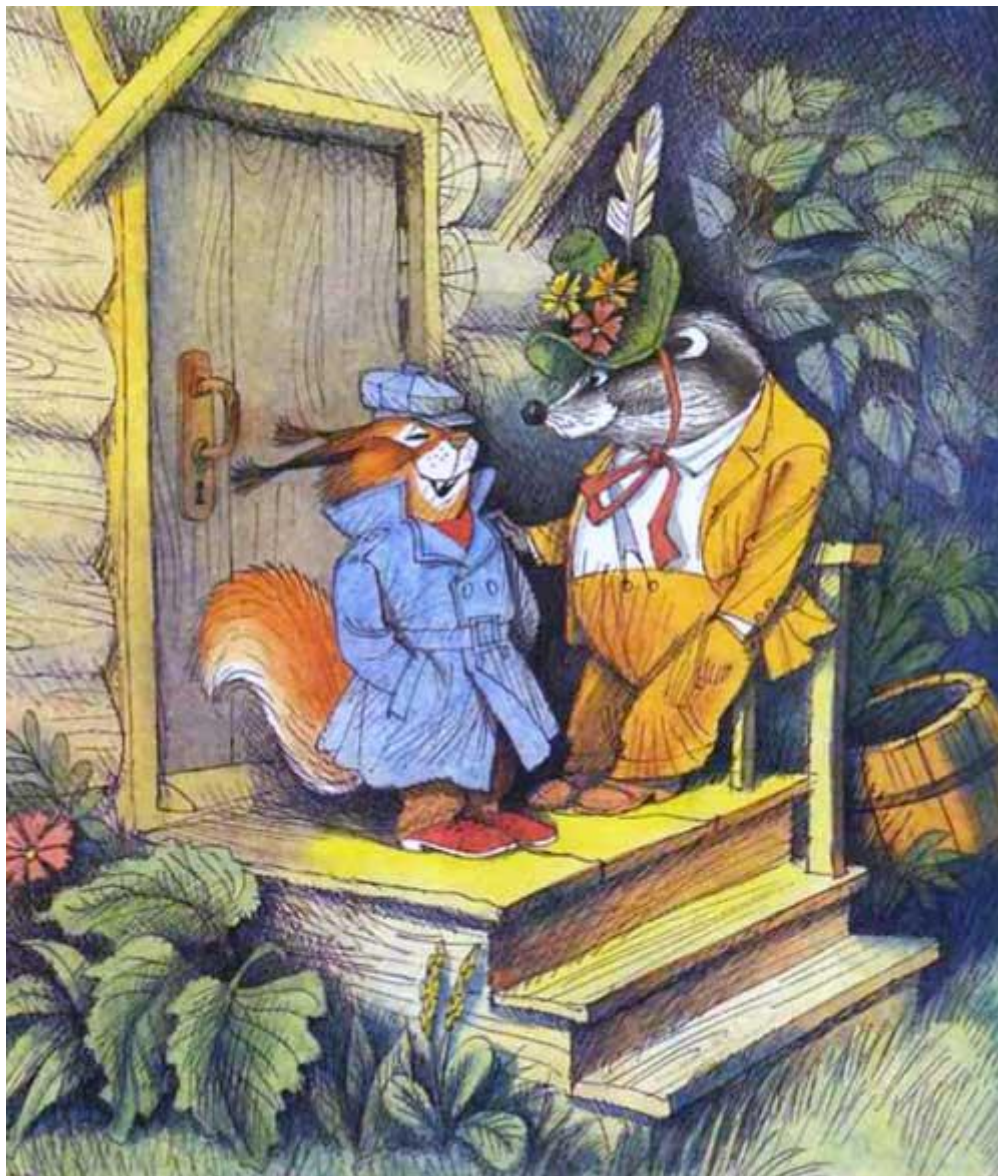
К следующему разу выяснилось, что жизнь у крестьян средних веков была значительно тяжелее, чем у Киселева. Развлечений практически не было, если не считать работу в огороде – прополку и окучивание. Насчет каникул Киселев явно обходил крестьян. У них были только религиозные каникулы: Ильин день, пасха, рождество, может быть крещенские, и все! А трехмесячных летних и всяких там зимних не было.

Да и в смысле еды сегодняшний крепостной Киселев далеко ушел вперед. В его школьной крепостной столовой был большой выбор блюд. И упитанные крестьяне младших классов за небольшую цену уничтожали продукты не хуже средневековой саранчи. И не только сельские щи да кашу, но и всевозможные пирожные. (Правда, с крестьянским уклоном: в виде корзиночек и картошки.) Особенным спросом, пользовался деревенский средневековый напиток «Пепси-кола».

Что касается быта, модными были средневековые джинсы, карманные магнитофоны с записями народных мелодий и жевательная резинка клубничная рижская.

Короче, жизнь сегодняшних Киселевских крепостных была во много раз лучше. И взрывчатая ситуация среди младших классов угасла. Все сразу успокоилось, даже главный вождь всех школьных волнений, неформальный лидер – знаменитый Стенька Киселев.

Глава четвертая ХЕНДРИКИ ПРИЛЕТЕЛИ

Вот оно – новое воскресенье. Вся меховая мелкота с воплем выкатилась навстречу девочке Люсе. Они ждали ее у самых ворот дачного поселка. Очевидно, о ее приезде они узнали от дежурного по нюхоскопу. Там, на балконе, наверняка дежурил загадочный перебинтованный Мохнурка – победитель игры в залезалки. Потому что его среди встречающих не было.

Люся и зверята в обнимку пошли в поселок к интернатскому зданию.

Застенчивая белочка в очках сказала Люсе:

– Мой пап приехал.

– Может быть, папа?

– Нет, мой пап! Пап – это же он. Вот он и приехал. А если бы мама, то она приехала бы.

– Вон ее пап стоит! – сказала Фьюалка. – Видите, рядом с Мехмехом.

У дверей в класс, на крыльце, стоял Мехмех в легкомысленной зеленой шляпке с украшениями. А рядом – невысокий, начинающий полнеть белк. В светлом плаще с красиво поднятым воротником.

– Здравствуйте, – шагнул он навстречу Люсе. – Это вам. От папо-мамовского собрания.

Он протянул маленький прозрачный флакончик с зернышками.

– Что это такое? – удивилась Люся.

– Камертоновые семена. Целая музыкальная октава. Их надо посадить в землю и поливать купоросовой водой.

– И что получится?

– Музыка из живых цветов. Они будут тихонечко звенеть от ветра. И играть разные мелодии. Вы очень обрадуетесь.

– Спасибо, большое спасибо, – сказала Люся.

Про свето-музыку она когда-то слыхала. Но про музыку из цветов... Интересно, а бывает дерево-музыка? Наверное, бывает. Тогда, значит, есть и целые лесо-симфонии у них... У кого у них? У меховых интернатников.

– А что такое папо-мамовское собрание? – спросила она.

– Обычный родительский комитет, – пояснил Меховой Механик. – Родители учеников к вам очень хорошо относятся. Интернатники в своих письмах только про вас и пишут.

– Очень хорошее пишут, – сказал улыбчивый пап. – Можно я у вас на уроке посижу? Мне интересно посмотреть, чем живет сегодняшняя молодежь.

– Сидите, пожалуйста, – сухо сказала Люся («Тоже мне, меховой инспектор из роно!») и пошла в директорскую за Получальником.

По Получальнику она выяснила, что неопрошенными в ее классе оставались только хитрющая белочка в очках с первой парты (та самая, к которой приехал пап) и загадочный Мохнурка. Который в Получальнике записан не был. Может быть, он сидит на потолке, в дыре вместе с сиреневотрусовым... трусным... В дыре вместе с Плюмбум-Чоки?

В классе все были на своих местах, и все встали на передние лапы. Причем представитель папо-мамовского собрания сделал то же самое. И парта под ним скрипела.

– Блюм, – сказала Люся через минуту. Все блюмкнулись.

– Кто у меня еще ни разу не был у доски? – спросила Люся, в упор глядя на белочку с первой парты. Ее звали Цоки-Цоки. – Кто еще ни разу не отвечал?

– Мохнурка! Мохнурка! – захлопотала белочка. – Он еще ни разу не отвечал.

– А где он? Он здесь? – спросила Люся.

– Здесь! Здесь! – волновалась белочка. – Он в печке сидит.

Люся удивилась и прошла по классу вдоль стенки с печкой.

– Что он там делает?

Дверца печки раскрылась, и появилась хитрая усатая мордочка. Черная-пречерная, как кусок темноты. Мордочка сверкнула глазами и сказала:

– Я там прячусь.

– От кого?

Дверца снова перелистнулась:

– От света.

И дверца захлопнулась. Люся обратилась к ученикам:

– Кто мне объяснит, почему юный Мохнурка сидит в печке? И почему он прячется от света?

Все интернатники подняли лапы вверх. Даже хулиганистый Кара-Кусек.

– Скажите вы, – попросила Люся Лаковую Молнию. Фьюалка встала из-за парты и сказала:

– Он норный.

Дверца печки приоткрылась на спичечный коробок, и высунулся кусочек носа:

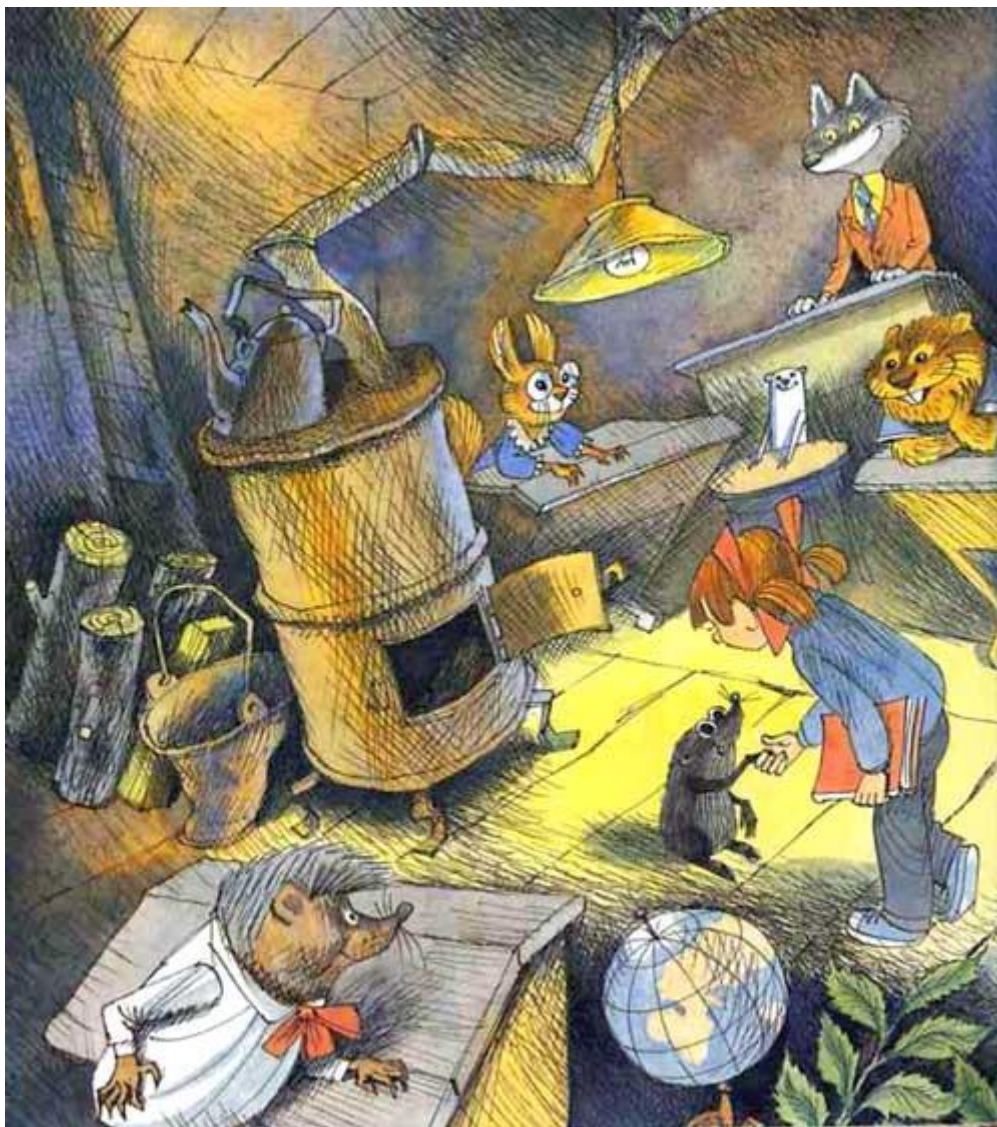
– Я норный. Я очень норный.

Фьюалка продолжала:

– Все норные боятся света. Живут в темноте.

– Очень живут! Очень живут! – забормотал носик из печки.

– Спасибо, – поблагодарила Люся Фьюалку. – Но что же, он все время так и сидит в печке? Или его приносят сюда в чемодане? Или у него есть сюда подземный ход из спальни?

Лаковая Молния разволновалась. Она стала цокать, сокращаться и вытягиваться:

– Его не но-йс-ят в цеймодане. Его в ойсках, в оцках нойсят... Он сам ойски нойсит. Цер-ные.

– Ношу! Ношу! – прокуковал Мохнурка из печки, как кукушка из часов. – Черные очки. Очень черные.

Разговор запутывался, и вмешался еще один разъяснитель – Сева Бобров. Он так объяснил:

– Девочка Люся, он из кротовых. Они под землей живут. Они темноту любят. А на улице очки носят темные. От солнца.

– Да! – затараторила Цоки-Цоки. – У меня простые очки, стеклянные. А у него черные.

– Где же его очки? – спросила Люся. – Почему он без них?

– Можно я скажу? – закричал ежик Иглоски. – Когда он в залезалки играл, они разбились.

– Очень, очень разбились! – закуковал Мохнурка.

– Его перебинтовали, и он выздоровел, – продолжал ежик.

– А очки перебинтовать не удалось! – горестно высунулся крот из печки, как из справочного окошка.

– А ну, малыш, примерь вот это! – раздался голос с задней парты. Это белочкин пап достал роскошные противосолнечные очки.

Всеволод Бобров взял очки и засунул их в печку. Дверца распахнулась, и оттуда торжественно выбрался наружу упитанный кротенок. Черный-пречерный, и вдобавок весь в саже.

Он подошел к Люсе, протянул ей лапу и вежливо представился:

– Мохнурка Великолепный.

Люся пожалала лапу и увидела, что она тоже в саже.

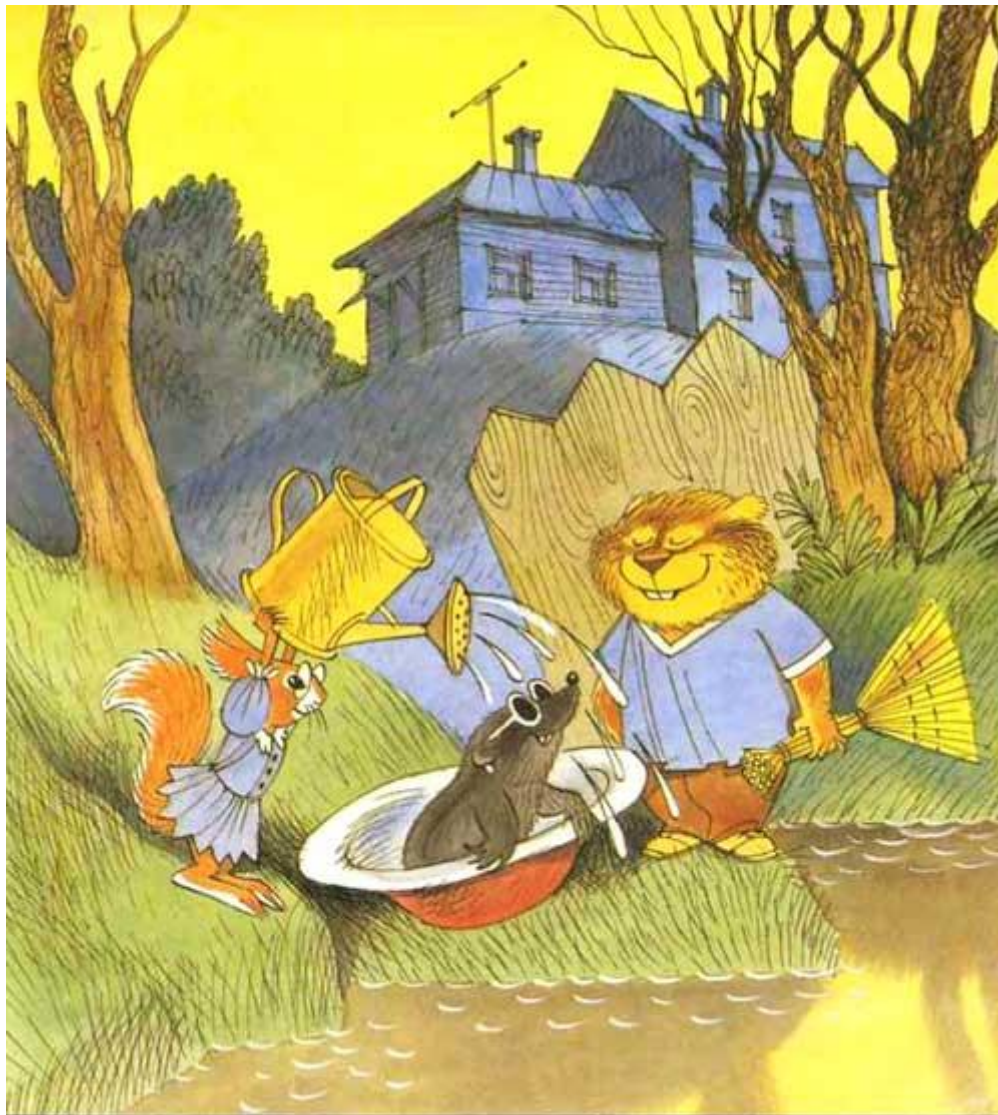
– Вот что, уважаемый Мохнурка, возьмите веник и подметите себя. Потом пойдите на пруд вместе с Бобровым и вымойтесь как надо. После этого мы будем знакомиться.

Мохнурка не стал бунтовать. Он взял веник и стал смахивать на всех сажу.

– Не подметаешь! – сказал он, пытаясь хлестать себя, как в бане.

– Можно я его подмету? Можно я? – захопотала белочка. – Я и пропылесосить могу.

– Хорошо, – разрешила Люся. – Берите этого очень норного юношу, отчистите и приведите обратно.

Троица с удовольствием удалилась. А Люся сказала:

– Сегодня мы будем проходить... будем... мы будем разбирать предложение на составные части.

Она сложила руки за спиной и важно зашагала по классу.

– Возьмем хотя бы такое предложение. – Она задумчиво посмотрела на потолок. Там предложения не было... На учеников. Они не подсказывали. На белочного папа... Он сам ждал, что же возьмут? И наконец в окне она увидала. Там было предложение: «Грузовик едет». – Возьмите ваши тетрадки и запишите такое предложение.

Лохматый Устин в облаках поднял лапу:

– Учительница девочка Люся, а что такое тетрадки?

Люся подумала и вытащила из портфеля тетрадку по английскому и показала ее классу. Только издали. (Кому хочется вблизи показывать свою тройку за контрольную.)

– Учительница девочка Люся, – сказал Устин, – мы не знали, что это называется тетрадка. Мы называем это – листалка. Бывает листалка в клетку, а бывает в ромбик или в горошек. Какую достать?

Что делать с ромбиковой листалкой или горошиковой, Люся не знала. Но виду не подавала:
– Дорогие интернатники, достаньте листалки в клеточку. И возьмите писалки.
Интернатники зашуршали.
– И напишите в листалках такое предложение:

ГРУЗОВИК ЕДЕТ.

Меховые школьники как по команде свесили языки направо и стали писать.
Люся ходила по рядам и смотрела в тетра... то есть в листалки. Каких там только ошибок не было! И «грузАвик», и «кузовик». И было сказано, что он «едИт» и даже что он «йедёт».
Люся спросила:
– Из каких частей состоит это предложение? Пусть ответит ученик Биби-Моки.
Биби-Моки выбрался из-за парты, и стало видно, что он не ученик, а ученица. Потому что Биби-Моки была в ярко-зеленой короткой юбочке.
Она сказала застенчивым голосом:
– Из двух частей. Из действателя и действия.
– Правильно, – сказала Люся. Хотя она впервые в жизни слышала про действатель и действие. Она знала, что есть подлежащее и сказуемое. – А теперь мы расширим это предложение и запишем его так:

СИНИЙ ГРУЗОВИК ЕДЕТ С ДРОВАМИ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ.

Все ученики снова вытащили языки и заработали. И снова в тетрадях появились «КрузА-вики», «пАселки» и даже возник какой-то загадочный «е-дед с дровами».
Отворилась дверь. Интернатники сделали стойку на лапах. Только зря, потому что вошла бригада, брошенная на чистку Мохнурки.
Мохнурка начальственно сказал:
– Блюм!
В этот раз он был чистый, но мокрый. Хоть развешивай его на канате сушить.
«Куда бы его пристроить?» – подумала Люся. На плане в Получальнике Мохнурки не было.
– Есть у вас свое место? – спросила Люся.
– Нет, – ответил крот. – Я сверхнормный.
«Мало того, что он норный, он еще и сверхнормный! – подумала Люся. – Не сажать же его в печку».
Девочка взяла стул и устроила Мохнурку рядом с Иглоски.
– Давайте я тоже буду учитель? – предложил он, подняв на Люсю черные очки. – Я буду ваш заместитель.
– Нет! – рассердилась Люся. – Ты не будешь учитель. Ты будешь отвечающий. Вот видишь, на доске написано предложение:

СИНИЙ ГРУЗОВИК ЕДЕТ С ДРОВАМИ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ.

– Из каких частей оно состоит? – Люся посмотрела на Мохнурку.
– Из... из... из вот каких. Из грузовика и поселка.
– И все?
– Нет не все. Еще из колес, из кузова, из кабины, из шофера, из дач, из много-много дров...
– Ты ничего не забыл? – ехидно спросила учительница.
– Он шины забыл! – закричал Бурундуковый Боря.
– Еще горин! – подпрыгнул на задней парте тушканчик.
– Какой такой «горин»?
– Который в моторе горит. Без него машина не уедет.

– Нет, дорогие интернатники, это мы с вами никуда не уедем, если так будем предложение разбирать на части. Как мы уже выяснили, в этом предложении есть действитель – «грузовик» и действие, то есть действие, – «едет». В моей людовецкой школе действитель называют подлежащим, а действие – сказуемым. А что можно сказать о слове «синий»? Какой это член предложения?

– Синий, – сказал Мохнурка.

«Сам ты синий!» – чуть-чуть не закричала Люся. Потому что с появлением этой темноты из печки жизнь в классе явно осложнилась.

– Это определение. Это слово определяет, какой грузовик. Описывает его. Рассказывает о нем. Характеризует его. Понятно? – спросила она у красавицы ласки с первой парты.

– Понятно, – ответила ласка.

– Значит, как называется этот член предложения?

– Характеризователь.

– Допустим... Есть еще характеризователи в предложении?

– Есть, – ответила ласка. – Слово «дачный».

– Правильно. А больше нет?

– Больше нет.

– Нет есть! – возразил Мохнурка.

– Да? – удивилась Люся. – Какие же?

– Там дрова березовые. Я сам видел.

– Что ты там видел, не имеет значения. Имеет значение то, что написано на доске. А на доске нет такого характеризователя – «березовые».

Потом Люся задумалась и спросила:

– Каких характеризователей еще нет на доске? Пусть, кто знает, скажет.

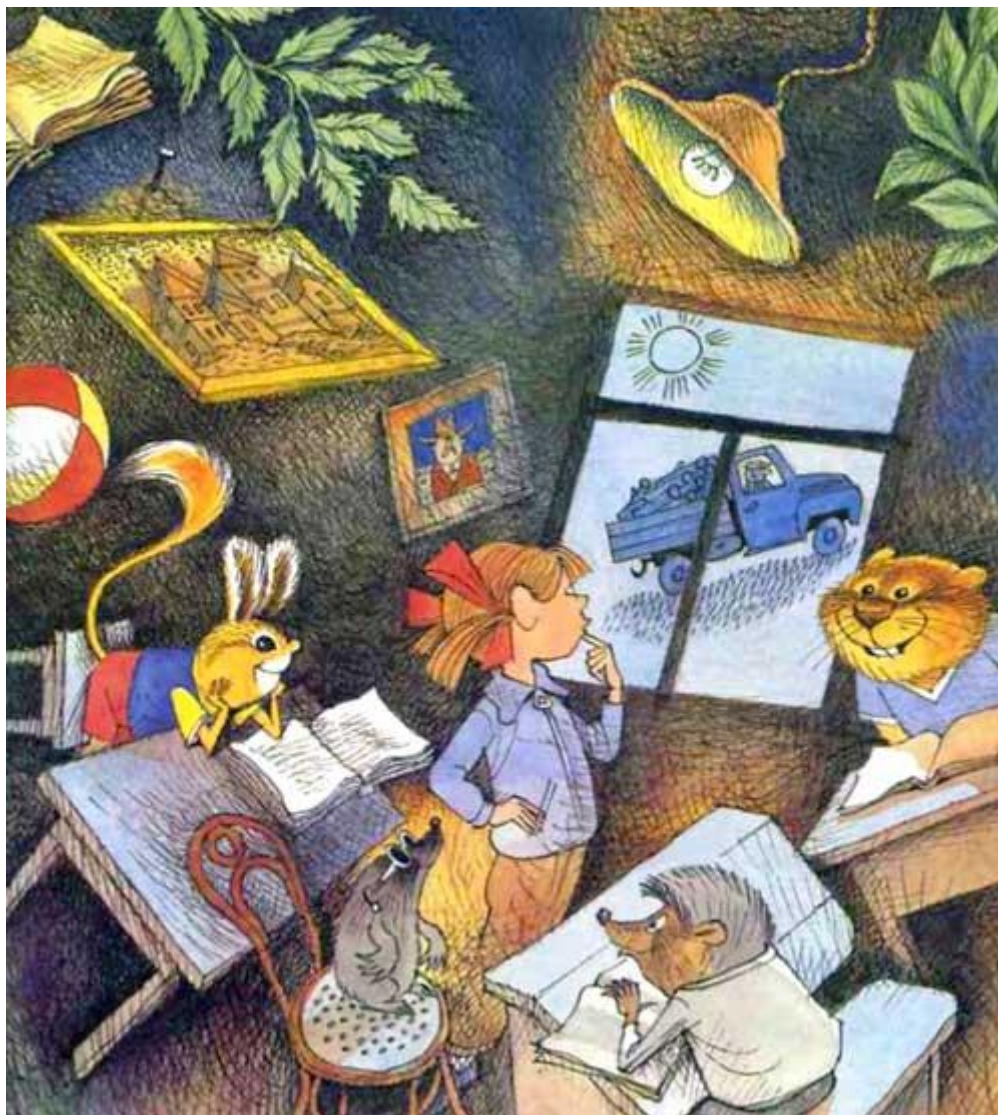
– А можно про дрова? – спросил Сева.

– Конечно, можно.

– Они невкусные.

– Почему?

– Потому что березовые. Если бы осиновые, были бы вкуснее.

– Я не пробовала ни осиновых, ни березовых, – сказала Люся. – Но я тебе верю. Еще что мы можем сказать о грузовике и о поселке? Вот вы скажите, – обратилась она к Биби-Моки. – Хотя бы про шофера. Что мы можем про него сказать?

– Что он холостой.

– Почему? – удивилась Люся.

– Потому что он дрова возит.

Люся так удивилась, что не знала, что и сказать.

– А что? Она права, – вмешался Цоки-Цокин пап. – У нас на дрова всегда молодежь бросают. И на уголь. И на снег. А солидные водители возят дорогие товары. Я, например, хендрики вожу.

Люся поняла, что она скоро запутается в хендриках, дровах и холостых грузовиках. Она сказала:

– Все. У нас хватит характеризователей. Теперь мы вставим их в предложение. Вот что получится:

**СИНИЙ И СИЛЬНЫЙ ГРУЗОВИК С МОЛОДЫМ ХОЛОСТЫМ ШОФЕРОМ
ЕДЕТ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ С БЕРЕЗОВЫМИ НЕВКУСНЫМИ ДРОВАМИ.**

Прогудел начинальник.

В кабинете директора белочкин пап подошел к Люсе:

– Я просто восхищен вами. Вы так хорошо все объясняете. – Он повернулся к диру: – Оказывается, предложения состоят из дров. А солидные люди возят хендрики.

– Кстати о хендриках, – сказал дир Люсе, – вы сегодня получите аванс. А сейчас я хочу вас угостить.

На столе стоял поднос с фруктами горкой. Фрукты были какие-то неведомые. Они были фиолетовые и напоминали баклажаны. Баклажаны, опоясанные застежкой «молнией».

Если «молнию» потянуть, появлялась земляничного цвета мякоть. По вкусу – смесь ананаса с грецким орехом. И непонятно было: то ли их упаковывают в кожуру с «молнией», то ли они так и растут.

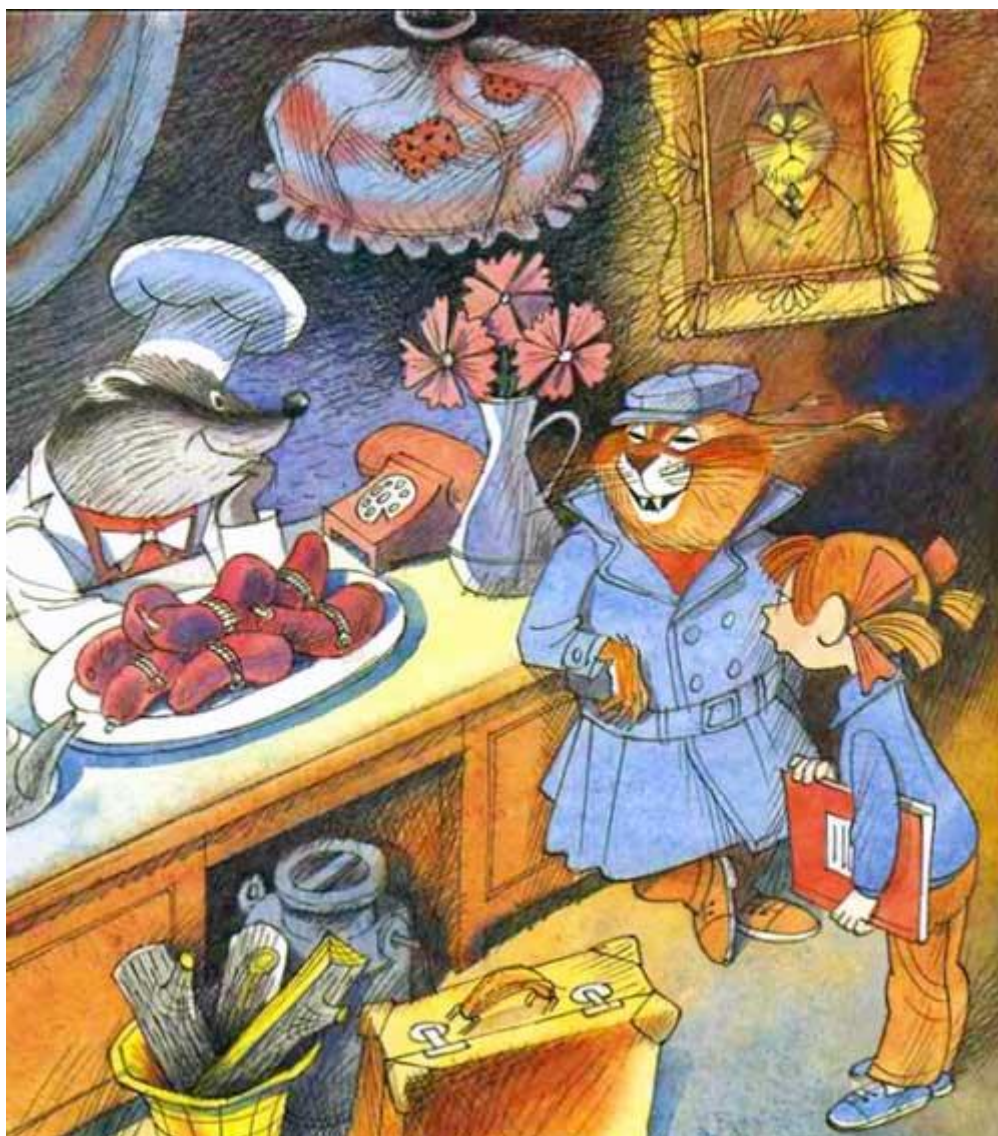
Внутри была глубоководная косточка.

Дир и белочкин пап эти косточки прокалывали специальными спицами.

– А то они высыхают, сжимаются и начинают взрываться, – пояснил Меховой Механик.

– И как? – спросила Люся. – Сильно?

– Очень сильно. Они выплевывают темноту. Получается такая черная клякса метров на двадцать.

– Поэтому косточки мы малышам не даем, – сказал пап Цоки-Цоки. – Плоды даем, а косточки вынимаем.

– Они их держат в воде, – объяснил директор, – а потом вынимают, сушат и устраивают взрыв.

– Объясните, как они это делают, – попросила Люся.

– Да очень просто! – сказал пап. – Они их высуси... вышуси... То есть сушат и везде раскладывают. Как эти семена начнут взрываться! Кругом ночь и никаких занятий. Мы тоже в молодости так делали.

– А как эти фрукты называются?

– Жахтрили, – ответил дир. – А семена называются жахты.

В это время подошли ученики и выстроились в очередь у окна. Белочкин пап стал выдавать им жахтрили и отбирать у них косточки. А Мехмех отозвал Люсю к себе за стол для серьезного разговора.

– Уважаемая Люся. У нас к вам два дела, – начал директор. – Скажите, пожалуйста, что такое комиссия из области?

– Не знаю, – ответила Люся. – А что случилось?

– Сегодня утром к нам пришла одна женщина. Она сказала, что она – товарищ Ключева и что она – комиссия из области. Она спросила, есть ли у нас выписка о нашем создании? Кому мы принадлежим – Министерству просвещения или Министерству пушной промышленности? И просила подготовить все документы. Вы не знаете, как это сделать?

– Не знаю, – сказала Люся.

– Еще она посмотрела учеников и сказала, что они не соответствуют инструкции. Как нам быть?

Люся подумала, что учеников, наверное, надо постричь и одеть в школьную форму. А может быть, в спортивную. Тогда они будут немного соответствовать. Но не решилась сказать это Мехмеху.

Люся ответила строго:

– Я не знаю, как быть. Я с папой посоветуюсь. Он у меня журналист и все про инструкции знает.

– Очень хорошо, – сказал дир. – Этим вы поможете. Теперь второе дело. Девочка Люся, у вас есть деньги?

– Есть. Один рубль.

– А много денег? Чтобы купить двойной домашний говоритель?

Люся сразу догадалась, что это телефон.

– Столько денег у меня нет. Но если очень надо, я попробую достать.

– Нам обязательно нужно купить один говоритель И провода. Пожалуйста, отмените урок и поезжайте в город в магазин. Выручите нас, девочка Люся. Мы вам потом все объясним.

– Прямо сейчас ехать?

– Сейчас.

– Но пока я съезжу туда и обратно, вечер будет.

– Очень нужно, девочка Люся.

Люся не стала миндальничать и любопытствовать. Наверное, телефонный аппарат был нужен Меховому Механику не на шутку.

У Киры Тарасовой были общественные деньги. Собранные на посещение Большого театра. А так как посещение откладывалось из-за трудностей с билетами, все понемногу пользовались этими деньгами, как подпольным банком.

Около выхода из поселка Люсе попался какой-то мрачный охотник с ружьем.

«Зачем ружья выдают мрачным людям? – подумала Люся. – Надо, чтобы выдавали только веселым».

Но тут же она поняла, что веселым людям ружья не нужны. Им и так хорошо, веселым людям. Без ружей.

...Кира Тарасова минут двадцать выпытывала у Люси, зачем ей деньги.

– Мне надо купить телефонный аппарат.

– Может быть, югославскую сумку? Или шведские колодки в обувном магазине?

– Честное слово, телефонный аппарат.

– У тебя же есть.

– Это не мне. Это одному знакомому.

– Он в каком классе?

– Он – директор.

– Красивый? Брюнет или блондин?

– Он полосатый. Одна полоса блондин, одна – брюнет. В одном месте, на затылке, немного лысик.

Тут Кира Тарасова восстала:

– Если ты мне не скажешь, что ты хочешь покупать, я тебе не дам общественные деньги.

– Возьми свои общественные деньги, – сказала Люся. – И пойдем в магазин «Орбита». Ты увидишь, что я буду покупать.

Кира Тарасова долго мурзала по разным местам – доставала деньги из потайных углов и тряпочек. Наконец она насобирала шесть общественных трешниц и три общественных металлических рубля. И девочки вышли из дома.

В магазине «Орбита» им не очень обрадовались. У продавцов были более важные дела, помимо продавания и обслуживания. Какая-то охватила их общая задумчивость. Осенняя. Но после определенной настойчивости со стороны Люси, а главным образом Киры, телефонный аппарат им продали. И большой моток проводов.

Теперь Кира поняла, что деньги нужны для телефона. Но не успокоилась, а даже наоборот:

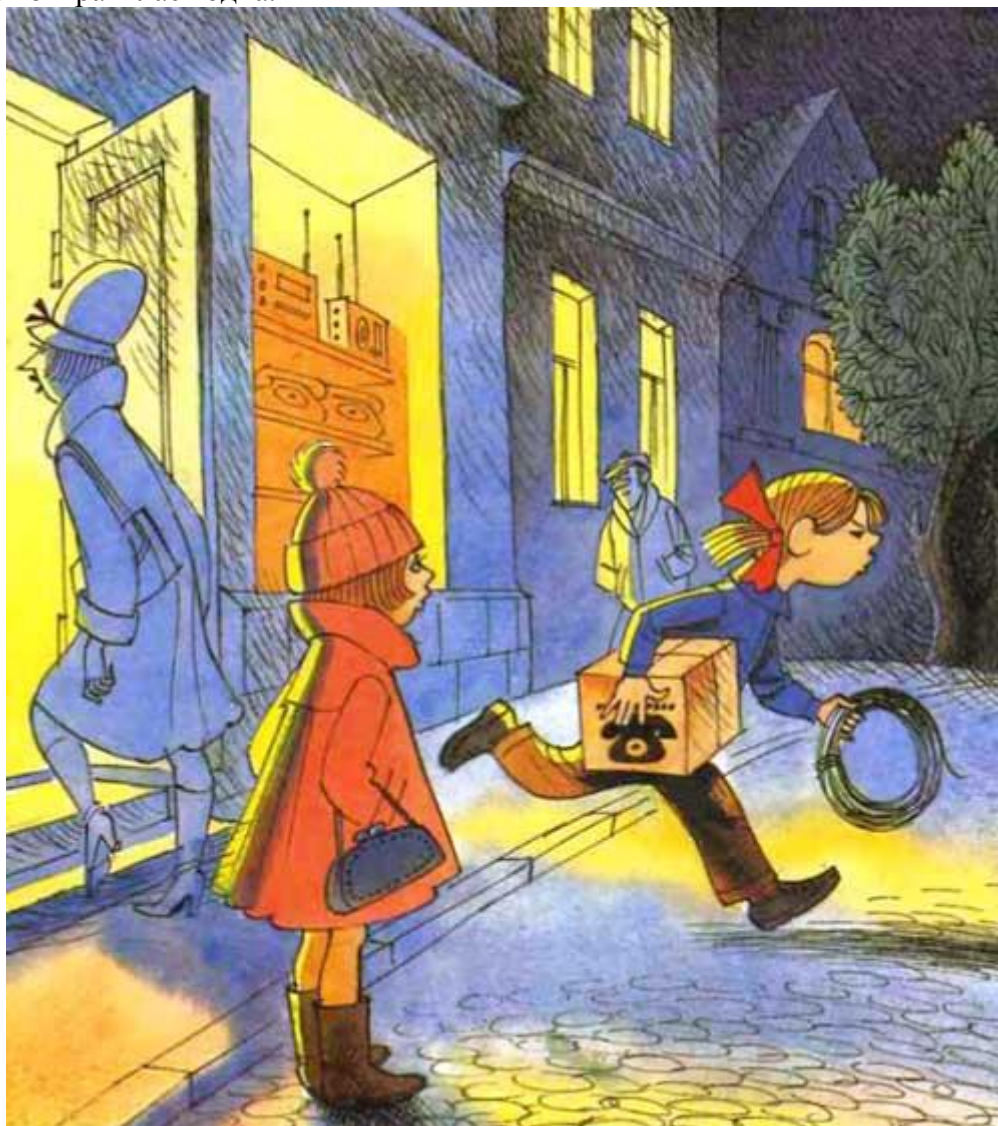
– Где ты его будешь ставить?

– Это у меня в дачном поселке. Поехали, и все увидишь.

Кира никогда в жизни не встречала блондино-брюнетика, а местами лысика. Но ехать она отказалась:

– Из-за какого-то полулысика ехать за город на ночь глядя! Поезжай одна.

И Люся отправилась одна.

Ехать в электричке было еще туда-сюда. На станции в это время было совсем неудобно. Дул ветер и страшно качались фонари. Они швырялись в разные стороны темнотой.

Люся оказалась единственной пассажиркой, сошедшей на платформе. И тут ее ожидал сюрприз.

Вдруг засветились, засверкали фонари. И вся меховая орава высыпала навстречу девочке. Они схватили Люсю под руки и потащили к совершенно необыкновенного вида машине. С одной стороны, машина была старинная, оконная, как карета, с ненужными медными и никелированными штучками. С другой – в ней чувствовалась какая-то неведомая сила, непривычной мощности двигатель.

Меховой Механик открыл перед Люсей дверцу и сел рядом с ней на заднее сиденье. За рулем был важный-преважный Цоки-Цокин пап. Рядом с ним сидела сама Цоки-Цоки.

Интересно, что руля в машине не было. В руках, то есть в лапах, Цоки-Цокиного папа была коробочка с круглыми ручками и блестящими рычажками.

Пап тронул один рычаг, и включились мощные фары. Как будто рядом ехали две электрички. Все стало белым.

Пап тронул другой рычаг, в машине что-то мощно и бесшумно заработало, закрутилось. И она тронулась.

Меховая ребятня бежала следом, размахивая фонарями. И даже ветер и плохая погода отступили.

Машина повернула с дороги к воротам поселка. Вдруг поворачивающийся луч света выхватил из тьмы человека. Он был с ружьем.

Человек метнулся в сторону, пытаясь выскочить из луча, но упал. Кажется, сейчас машина налетит на него. Будет удар...

Но машина резко дернула носом и, взмыв, проплыла над упавшим. Внизу под днищем что-то брякнуло.

Отъехав метров десять, белочкин пап выпрыгнул из висящей над дорогой машины и достал ружье, прилепившееся снизу.

– Электрическое притягивание, – пояснил он Мехмеху.

Переломил ружье, вынул из него патроны, а ружье положил на дорогу.

Машина снова тронулась. Человек остался сидеть на земле. При этом он ругался злыми словами.

Когда подъехали к интернату, мелкота обсыпала Люсю:

– Вы видели Темнотюра? Вы видели Темнотюра?

– Видела, – ответила Люся. – Это и есть Темнотюр?

– Да.

– Он очень нападательный, – сказал Сева Бобров.

– Мехмех велел даже добродуши и забыванты включить на полную силу, – добавил Иглосски.

– Что это такое – добродуши и забыванты?

Мелкота задумалась.

– Это такие добродуши и забыванты, – объяснил Иглосски.

– Это такие добродуши и такие забыванты, – еще подробнее растолковал Сева.

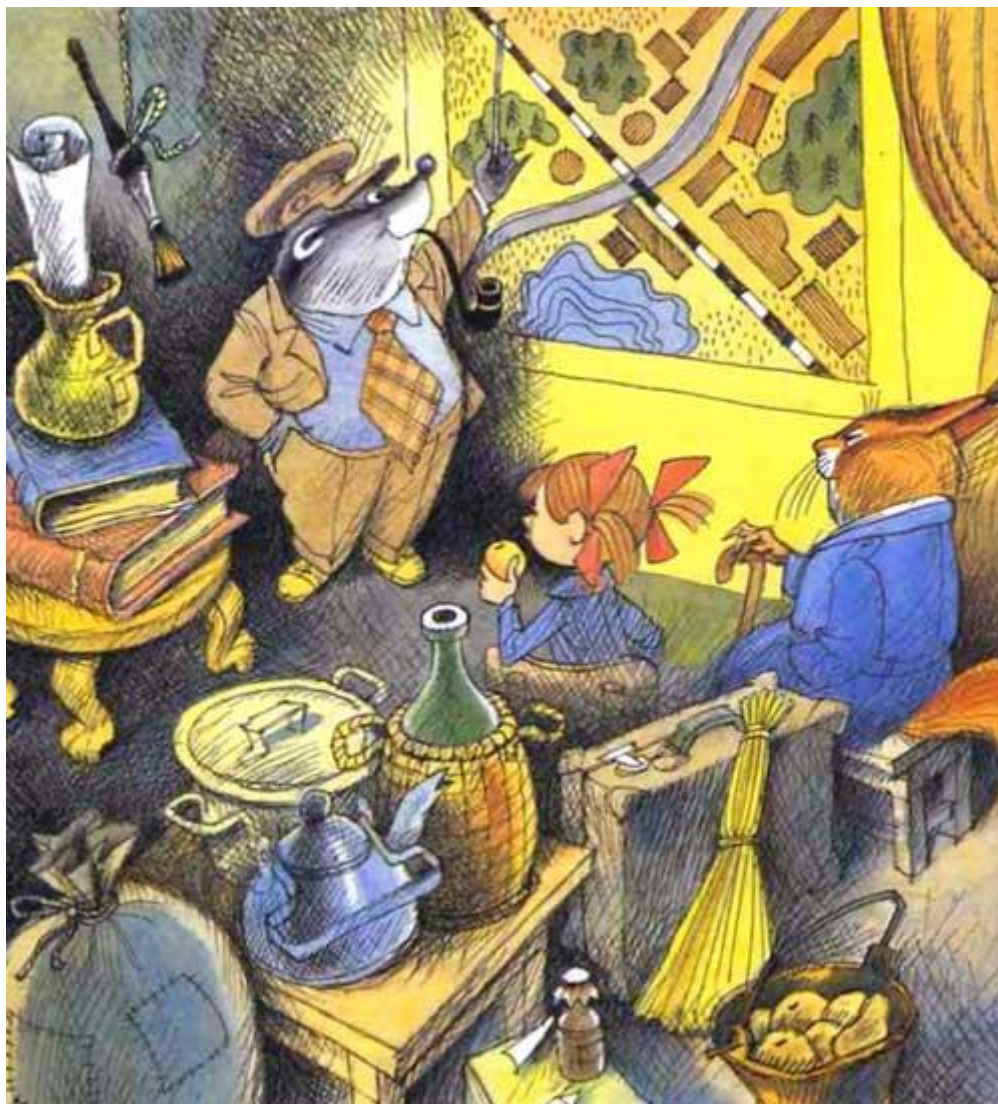
Меховой Механик позвал Люсю в кабинет, и она так ничего и не поняла из объяснений Севы и Иглосски.

– Девочка Люся, – сказал дир. – Мы вам очень благодарны за говоритель.

– Очень-преочень! – добавил белочкин пап.

– А теперь посмотрите, пожалуйста, сюда. – Он раздернул шторы на стене. – Это карта дачного поселка.

С трубкой во рту и с важной походкой Мехмех был очень внушителен и напоминал не очень крупного военного руководителя.

– Покажите, пожалуйста, на карте дома, в которых есть телефоны.

Люся задумалась:

– На станции есть телефон у кассирши. Еще два автомата на Москву – за платформой. Один автомат вот здесь, около правления. Он, правда, плохо работает. В самом правлении есть телефон. На зиму его переносят в дом сторожа. Есть еще телефон вот в этой даче, у замминистра газового хозяйства.

Все указанные объекты Меховой Механик отметил крестиком. Белочкин пап тоже хлопотал у карты, заглядывая через плечо дидра.

– Большое спасибо, девочка Люся.

– И от всего папо-мамовского собрания спасибо, – добавил пап.

– Теперь вам пора домой, – сказал директор. – Каретный перемещатель мы брать не станем. Он слишком велик... Я просто дам вам проводящих из интернатников покрепче. Они вас проводят до станции. Хорошо?

– Большое спасибо, дир.

– Вот вам на дорогу. – Он протянул девочке фиолетовый жакетрилль. – Угощайтесь.

– До свидания, дир. До следующего воскресенья. – Она улыбнулась Цоки-Цокиному папу: – До встречи.

Как только она вышла на крыльцо, на ее руке повис Мохнурка Великолепный. Он был прекрасным сопровождающим в ночное время. Потому что в темноте видел лучше, чем днем. Больше никого не было. Они шли вдвоем.

Правда, потом у станции оказалось, что были Снежная Королева и Лаковая Молния. Про-

сто они бесшумно скользили спереди и сзади, как невидимое прикрытие.

А Мохнурка болтал, что ему кажется, что Мехмеху кажется, что, кажется, есть какая-то опасность для интерната. Со стороны Темнотюра и проверяльщиков. И что Мехмеху это кажется зря. Потому что погода прекрасная, особенно ночью. Темнотюр просто пьяница. И вся его компания такая. А выясняльщики просто выясняют и проверяют.

На станции Люсина охрана спряталась в темень.

Подошла электричка.

В пустом вагоне было тепло и уютно. Две бабушки вязали на спицах. Люся пристроилась к ним и задремала.

Жахтриль она решила не есть. А показать завтра в школе своей задушевной подруге Кире Тарасовой.

Междуглавие четвертое ТАМ МОХНУРКА, ЗДЕСЬ КИСЕЛЕВ

С жахтрилем вышла история.

Люся вынула его из сумки с учебниками и положила в стол. И пошла к ребятам. А когда вошла в класс на урок, жахтриля не было.

– Кто взял жахтриль? – спросила она у Киры Тарасовой.

– Не знаю, не знаю, – сказала Кира. – Я видела здесь только фиолетовый кошелек, набитый вареньем.

– И где он?

– Его Киселев у меня выхватил.

– Эй, Киселев, отдай жахтриль!

– Нет у меня.

– Отдай, тупица.

Люся допустила ошибку. Потому что разозлилась. Киселев разозлился еще больше:

– Сама ты тупица! Брюква несчастная!

– Я вижу, на третьей парте бушуют страсти, – сказала, входя, учительница Ирина Вадимовна. – Поэтому я прошу Брюкину пойти к доске.

Люся безрадостно отправилась за отметкой. Урока она не выучила.

– Если я правильно помню, – сказала Ирина Вадимовна, – мы проходили склонение числительных. Прошу просклонять «полторы бочки варенья».

Люся горестно начала:

– Именительный – кто, что? Полторы бочки варенья. Родительный – кого, чего? Полторы бочки варенья. Винительный – кого, что? Полторы бочки варенья. Творительный – кем, чем? Полторем бочком вареньем. Предложный – о ком, о чем? О полтором бочком варенья.

«Что-то я не так делаю», – поняла Люся под конец. Потому что у нее все расплылось, появились какие-то загадочные бочкомы и полторемы.

Что такое домком, Люся знала. Это домовый комитет. А что такое бочком? Это комитет по бочкам?

– Блистательный ответ, – сказала учительница. – Я буду вам очень благодарна, если вы все это запишете на доске.

Люся стала записывать полторемы и бочкемы, Ирина Вадимовна сказала:

– Получается так, что дикий человек пришел сюда в класс и пытается изъясняться на мало-знакомом русском языке. «Чем вы гордитесь?» – «Полторой бочкой варенья». – «Чем, чем?» – «Полторем бочком». Прэлестно!..

– Кто скажет, как правильно? – спросила учительница у класса. – Ну-ка, Тарасова, чем мы гордимся?

– Полторами бочками варенья.

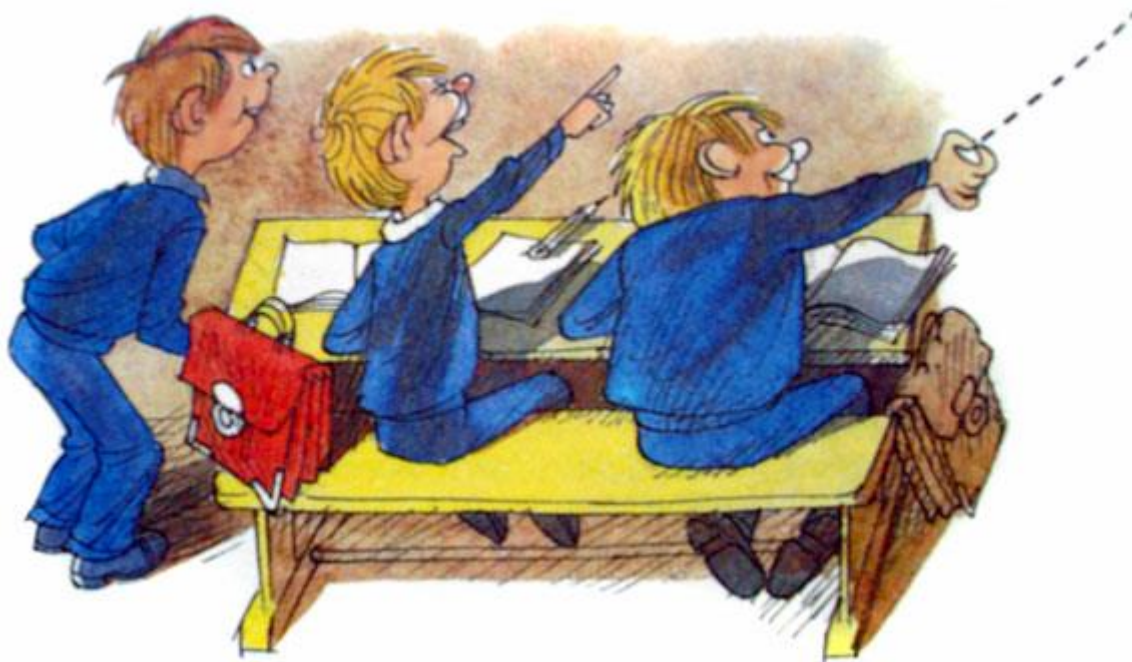
– Спасибо. Тоже дикая девочка. Не полторами, а полутора. Неужели так трудно запомнить одно простое правило. В именительном, винительном пишем полторы. В остальных падежах мы

пишем полутора. Садись, Брюкина, два.

Невеселая девочка-учительница Люся побрела на свое место. Она еще таила надежду, что Ирина Вадимовна не поставит двойку в Большой Бумажный Получальник. Но Ирина Вадимовна вписала туда эту несчастную получалку.

Более того, она еще попросила у Люси малый домашний получальник, то есть дневник, и вписала двойку туда.

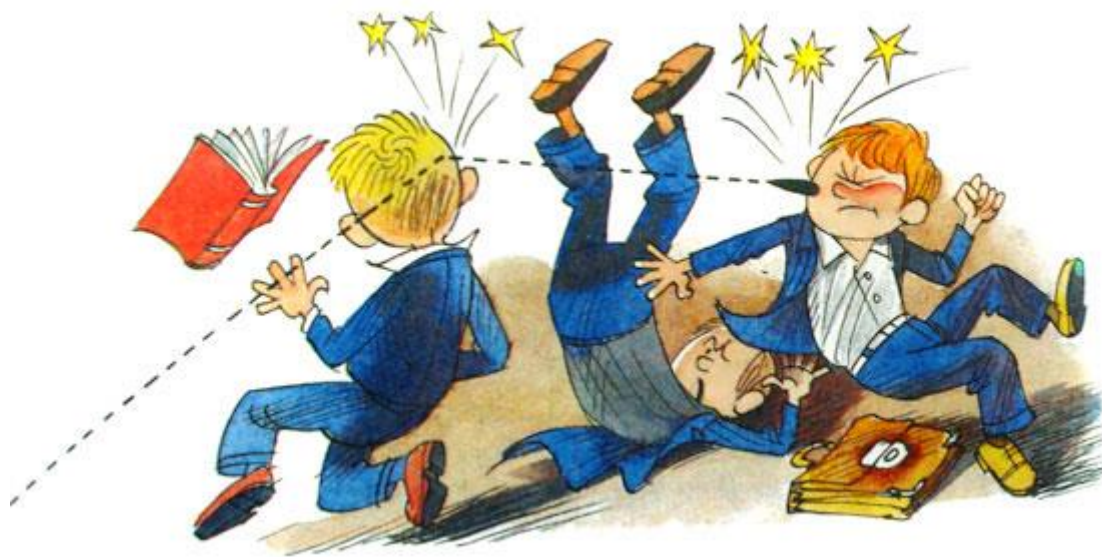
Зато когда Люся вернулась за парту, она увидела в столе жактриль. Половина содержимого в нем была на месте, а половина была аккуратно срезана ножом. И не было самого главного – жакхта. То есть косточки.

Жакхт оказался очень удобной штукой. Он был каплевидной формы и скользкий. Если зажать его между пальцами и надавить посильней, он мог выскочить как из пушки и шлепнуть кого-то в лоб со страшной силой. И еще рикошетил в соседа.

– Бьем по Трофимову и в угол к Спальникову! – сказал Киселев и щелкнул косточкой.

Косточка скользнула по затылку Трофимова, изменила направление и шлепнула Спальникова в щеку, Спальников тотчас же схватил косточку, облизал ее и выстрелил в Киселева.

– Отдай! – закричала Люся Киселеву. – Отдай, а то как тресну!

– Она, видите ли, треснет! – сказал Трофимов. – Она, видите ли, хрустальная! Девочка-

ваза!

– Девочка-ваза! Девочка-ваза! – подхватил Киселев. – Ваза наподобие унитаза. – И он запрятал косточку в карман.

«Ах, так! – подумала девочка-ваза. – Не буду у тебя отбирать жакетриль! Посмотрим, что выйдет».

И вот что вышло.

Шел себе Киселев из школы. Банку гуталинную гонял. Шел и радовался. Как маршал в отпуске.

Как раз автобус подъехал, двери открыл. И не надо Киселеву в автобус. И денег нет. И едет автобус в другую сторону. И все равно Киселев – прыг туда! Как хорошо проехать мимо зоопарка! И места свободные в автобусе есть. Так и приглашают.

Едет Киселев, Москву осматривает. Все ли в порядке? Все ли пешеходы идут куда надо? Все ли памятники на местах правильно стоят?

А билета Киселев не берет.

Ликует, радуется. Как маршал в отпуске.

А тут контролер появился. Откуда он возник, опытный Киселев не понял. Такое впечатление, будто он шапку-невидимку снял и сразу перед Киселевым вырос. Который в это время расслабился и за порядком в городе следил.

– Ваш билетик.

Засуетился опытный Киселев, стал по карманам шарить, на пол смотреть:

– Где-то тут он только что был.

Да контролер тоже, видно, опытный попался, бывалый:

– Был, да сплыл. В таком случае тоже штраф платят.

Ничего не нашел Киселев. И взял его контролер за руку и вывел из автобуса милиционеру сдать.

Милиционер посмотрел на Киселева и говорит:

– Давай дневник. Если есть пятерки, отпустим тебя. Если нет, придется родителей вызывать.

Но контролер не согласен:

– При чем тут родители? При чем тут пятерки? Если он без билета ехал, пусть штраф платит – три рубля.

Милиционер задумался и возразил:

– А при том, что этот молодой человек такой большой денежной бумажки и в глаза не видел. Три рубля – шутка ли! Какого они цвета?

Киселев не помнил, какого они цвета, но очень боялся сказать правильно.

Тут на его счастье в кармане у него что-то как жакнет! Даже дырка сбоку получилась – брюки продырявились.

И выскочила на улицу большая черная... как бы это сказать... клякса не клякса, дырка не дырка. В общем, небольшая ночь. Местного значения. Метров на двадцать в диаметре.

Милиционер хват Киселева за руку. Контролер – хват.

Вся улица замерла. Машины, пешеходы и троллейбусы – все остановились.

А когда тьма рассеялась, на середине тротуара стоял контролер и держал за руку милиционера. Стоял милиционер и держал за руку контролера. А Киселева не было.

Испарился. Изжакетрился.

А три рубля, между прочим, зеленого цвета.

Междуглавие пятое ПАПО-МАМОВСКОЕ СОБИРАНИЕ В ЛЮСИНОЙ ШКОЛЕ

Учительница Ирина Вадимовна вела родительское собрание. Папо-мамовское собрание, говоря по-интернатски.

– В общем, если не принимать во внимание успеваемость, наши ребята учились хорошо. Что касается поведения, здесь хвастать нечем. Спальников принес в класс будильник. На всех уроках его стал заводить. Между прочим, когда у него спросили, откуда у него возникла такая идея, он сказал: от папы. В молодости папа с друзьями так поступали. Они всем классом приносили в школу будильники и звенели. Я очень благодарна товарищу Спальникову-старшему за наставления сыну. Они сильно облегчают нам учебный процесс. Но мне помнится, в послевоенные годы кое у кого из детей и патроны в карманах встречались. И если товарищ Спальников найдет в своих архивах гранату, пусть он не дает ее сыну в школу. Нам здесь только противотанковых гранат не хватает. Теперь о Карине Мариношвили. У меня такое ощущение, что она в школу ходит, как на танцы. Зато на танцы ходит, как в школу. Когда она собирается на школьный вечер, она серьезная девочка, вдумчивая и танцует на вечерах, как десятиклассница. А когда она идет на арифметику, она не готова, несобранна, уроки не учила. Единственно, что ногти покрасит и брови. И туфли наденет на высоком каблуке. Но для учебы этого мало. И если родители Карины такие обеспеченные люди, не надо это демонстрировать в школе. У девочки есть шуба. Французские сапоги. Затемненные очки на пол-лица. У нас сейчас не каждая учительница может так одеваться, как она. А о детях и говорить нечего. Кто здесь из родителей Мариношвили?

– Из родителей никого нет. Есть из бабушек. Это я.

– Вам не кажется, что вы балуете девочку? – спросила Ирина Вадимовна. – Вы где работаете?

– В Большом театре.

– Это и заметно. Ваша внучка ходит в школу как из дома моделей. Не каждая семья может так зарабатывать. Не надо все это выставлять напоказ.

– Да я уборщицей работаю! В Большом театре полдня пыль вытираю, полдня в Торговой Палате. И еще успеваю вечернюю смену в Госплане прихватить. Там знаете как мусорят? У меня заработок небольшой.

– А почему девочка так одета?

– Она говорит: «Не купишь шубу, в школу ходить не стану. У нас все в шубах ходят. А туфли на высоком каблуке просто заставляют носить. Если каблук меньше трех сантиметров, его отламывают. Я, – говорит, – в нашей школе, как золушка. Самая неприхотливая». Поэтому я и стараюсь для внучки. И еще она говорит, что их школа показательная. Их иностранцам все время показывают. И приезжающим из других городов.

Родители остальных учеников задумались. Много неожиданного и полезного узнали они из сообщения Карининой бабушки.

Встал папа ученицы Катялушиной... То есть Кати Лушиной:

– Вам хорошо, – замахал он руками точь-в-точь как это делала его дочка, – вы на трех работах работаете. Да в таких учреждениях. А я всего лишь кандидат наук. В авиационном институте. Я за вашей Кариной не угонюсь. Где я ей, своей дочке, французские сапоги куплю? Если я их жене купить не могу.

– Недавно в ГУМе были! – раздался чей-то жаркий шепот с задней парты. – Любые размеры.

– Не подсказывайте! – сурово остановила чью-то маму Ирина Вадимовна. И продолжала собрание: – Вы просто губите вашу внучку, бабушка Мариношвили. Не надо подметать так много учреждений ради одной, даже самой лучшей ученицы. А ваша Карина к тому же и учится ужасно. Вы ее избалуете, а как она всю остальную жизнь будет жить? Без вас? Без вашей метелки?

– А меня другое волнует! – встал дедушка Киры Тарасовой. – Я чего у своей не спрошу, она мне в ответ: «Ты, дедушка, этого не поймешь». Я ее в поход зову по военным местам, она говорит: «Я люблю военные места, но только вместе со всем классом». А когда они всем классом собираются, она говорит: «А зачем, дедушка, ты нам нужен? Нам и без тебя хорошо». В общем, не наше поколение растет, чужое. Мы с таким поколением ничего не построим. Не любят они нас, не уважают и не ценят.

Потом пришла завуч Эмилия Игнатьевна. Она поставила перед родителями много задач. Родители должны были убедить детей учиться. Должны были рассказать им, что без дисциплины и арифметики сейчас в нашей стране ничего не достигнешь. И главное, она просила приучить детей к труду.

Она очень убедительно и правильно говорила:

– Сейчас даже подсобный рабочий в овощном магазине обязан в науке разбираться, в разных микробах и бациллах.

Тут встал папа Спальникова:

– Это правильно. Вот у нас в овощном магазине недавно такая бацилла пробежала с картошкой в зубах – до сих пор разобраться не можем: то ли это картофельная крыса, то ли кто-то свою собачонку картошку воровать научил.

– Может, это кошка была с мышонком? – оторопела Эмилия Игнатьевна.

– Какое там кошка с мышонком! Другие люди эту чучелу еще раз видели. Она с соленым огурцом бегала. И уже зеленая была, как скамейка, и с рожками. В краску, наверное, вляпалась.

– Вы эту проблему с учителем зоологии обсудите! – сказала Эмилия Игнатьевна. – Только я думаю, у вас в магазине производственная дисциплина хромает. Если у вас в рабочее время всякая живность с огурцами в зубах носится.

В общем, все твердо решили, что дети воспитываются еще недостаточно хорошо. Не очень внимательно слушают учителей и родителей. Только не выяснили, кто же в этом виноват – школа или дом. (Что касается меня, я считаю, что родители больше отвечают за детей. Они ведь це-

лых пять лет ребенка воспитывают до школы. – *Примечание автора.*)

Глава пятая МЕХОВАЯ ОЛИМПИАДА И МЕХОВОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Наконец-то воскресенье, утро.

Учительница-девочка Люся собиралась в свой интернат.

Она еще раз проверила сумку: не взяла ли она с собой какую-нибудь школьную тетрадку или, что еще хуже, дневник. Мало ли что. А вдруг там двойка есть. А интернатники случайно заметят. Нет, она не должна подрывать свой авторитет случайной неуспеваемостью. «Пусть они думают, что она круглая пятерочница.

– Мама, я пошла!

Мама оторвалась от...

Мама оторвалась от...

Если сказать: «От телевизора» – это будет одна мама. «От книг и тетрадей» – другая. Ведь сегодня воскресенье. И от чего человек отрывается, такой он и есть.

Мама оторвалась от...

От чего же она оторвалась?

От коллекции марок? От микроскопа? А может, мама собирала настольную яхту?

Да нет. Она просто читала журнал. Она подняла голову и спросила:

– И надолго? И куда?

– На занятия в школу.

– Что за странная у тебя школа? – воскликнула мама. – В понедельник тебя туда не отправишь. А в воскресенье тебя как магнитом затягивает.

– Чем ты там занимаешься? – спросил отец, оторвавшись... от швейной машинки.

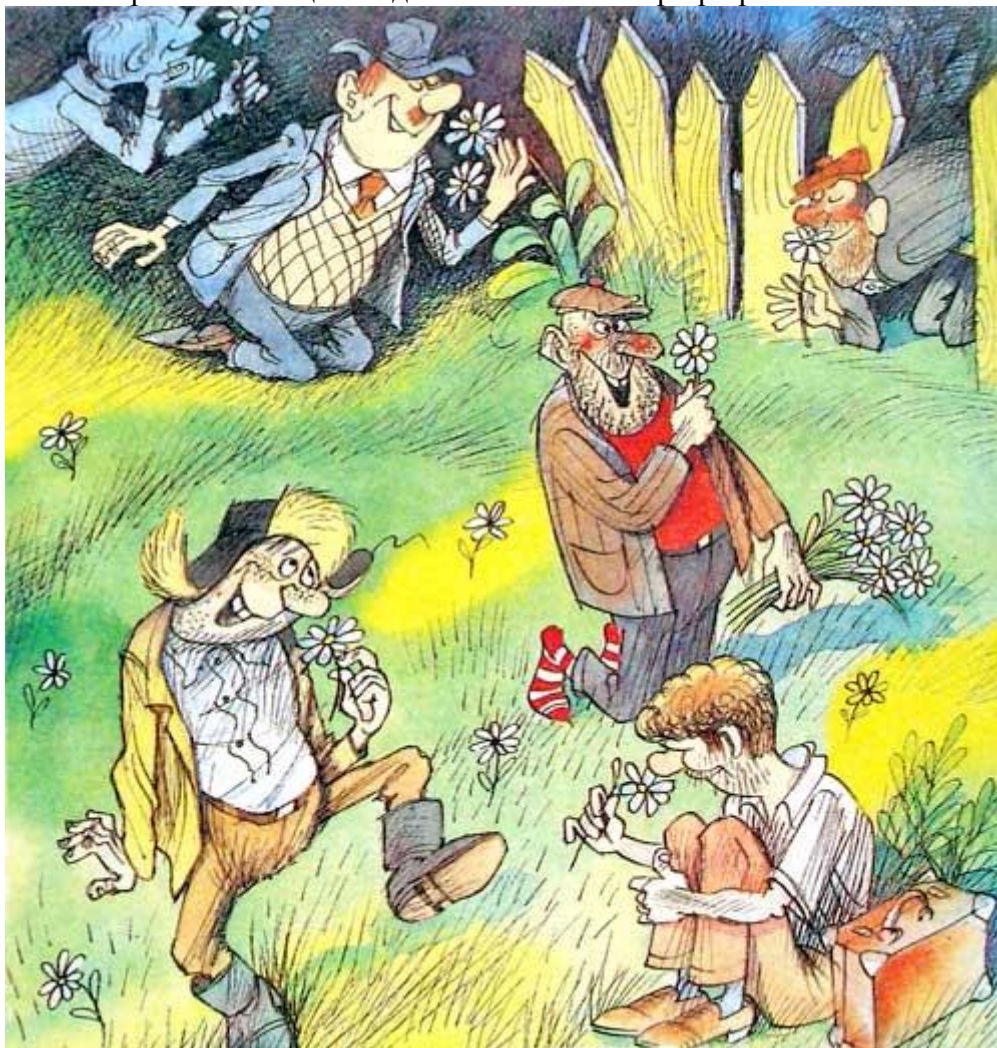
– Поведением и русским языком, – ответила Люся.

– Хорошо. Только приходи не поздно. В прошлый раз мы с мамой испереживались.

– Хорошо, папа.

– Или хотя бы звони! – И снова наклонил голову к столу. А потом он крикнул маме: – Все. Готова твоя машинка. Можешь шить сколько хочешь.

И машинка застрекотала на целый день: ж-ж-ж-ж-ж! тр-тр-тр!

По дороге от станции к поселку интернатники в этот раз не встречались. Встречались какие-то потрепанные взрослые. Какие-то неприкаянные типы. Наверно, друзья Темнотюра.

«Может, тут пивную палатку открыли? – подумала Люся. – Может, пивные ларьки стали выносить за черту города? Как вредное производство?»

Хорошо еще, что эти были в благодушном настроении. Нюхали цветы и улыбались.

И вот любимый поселок.

За воротами меховая мелкота неторопливо кипела. Самые активные даже прыгали на бетонный решетчатый забор навстречу Люсе и пробегали по нему несколько шагов.

Люся вошла в калитку, и на ней сразу повисли Сева Бобров, Иглоски, Бурундуковый Боря и Цоки-Цоки.

Устин Летящий в Облаках и Биби-Моки старательно улыбались в стороне, как Люся их учила. Они так сверкали зубами, будто к ним пришла врачебная зубосмотрительная комиссия. Все вместе пошли к интернату.

Дир встретил Люсю на пороге школы. Он вручил ей Главный Бумажный Получальник.

– Учительница Люся, зайдите ко мне после занятий. Я дам вам хендрики. В прошлый раз мы забыли в суматохе.

На его шляпе с украшениями были явные изменения. Там появились ягоды. То ли шляпная клумба постепенно давала урожай. То ли Меховой Механик украшал ее в соответствии с сезоном.

Так или иначе, Люся была рада ему, его шляпе и всем, всем, всем ученикам. Как ей хотелось, чтобы ее школьные друзья, ее бестолковый раздрызганный класс побывал здесь. Поучился бы у этих зверюшек дружелюбию и старательности.

«Обязательно приглашу сюда Киру Тарасову, – решила Люся. – Пусть свой «правдизм» преподает. Из ее правдизма такой сочинизм получится – лучше не надо».

– Хорошо, дир, я зайду. – Она обернулась к ученикам: – Прошу всех в класс.

Раздался рев начальника.

Интернатники бросились в класс. И даже застряли в дверях. Некоторое время они колыхались такой живой шторой, а потом провалились внутрь.

И ни стука не было, ни грохота. Если бы Люсин класс так вот вывалился из дверей, одних ботинок бы разлетелось штук двадцать. А шум был бы такой, как будто экскаватор буксует.

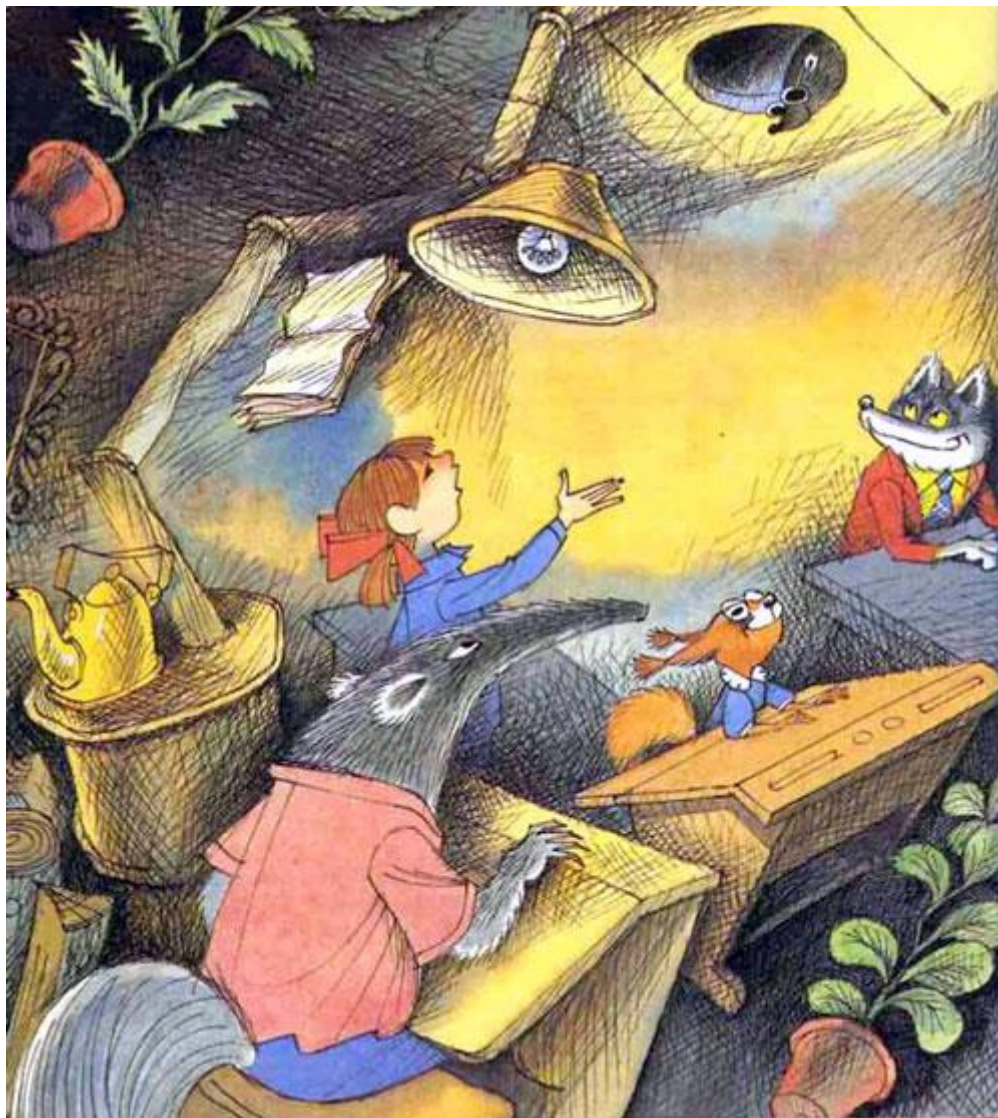
Ученики стояли на своих партах на передних лапах, стараясь повернуть голову в сторону Люси.

– Блюм! – сказала Люся.

Они блюмкнулись и засветились от радости. Люся осмотрела класс:

– А где Мохнурка Великолепный?

– Я здесь! – послышался голос сверху. Из ПлюмбумЧокиной дыры высунулась усатая мордочка.

– Почему ты там?

– Меня сюда Мехмех посадил. Он сказал, что от меня внизу слишком много шума.

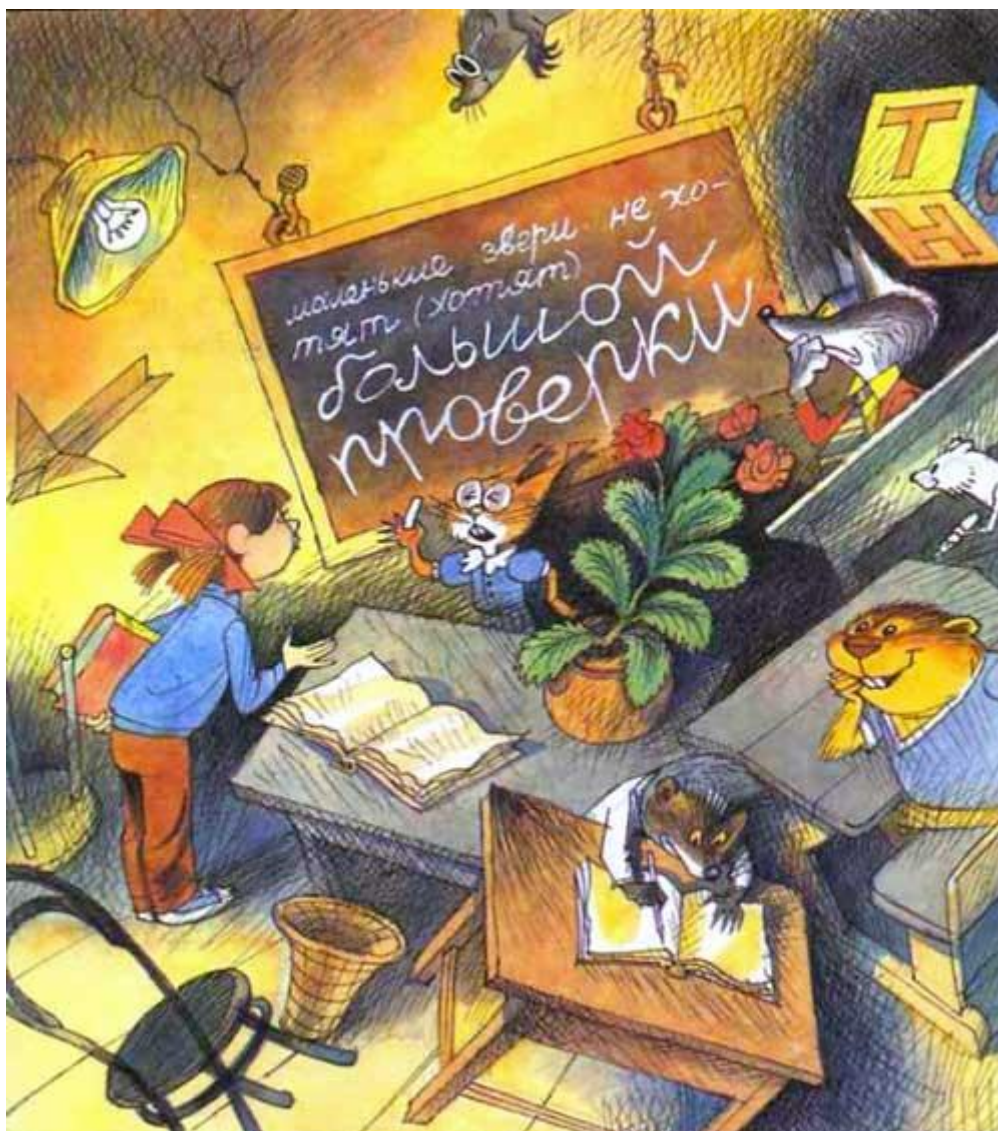
Чем-то Мохнурка напоминал страдательного Киселева. Тот тоже вечно шумел во всех местах, и его всегда куда-то запихивали. В угол, в пустой класс, во двор подметать.

– К доске пойдет Цоки-Цоки, – сказала Люся. – Она еще ни разу не отвечала. Цоки-Цоки вышла, глядя в пол, и тихо сказала:
– А у нас вчера комиссия была!
– Комиссия? – удивилась Люся.
– Да! Да! Да! Комиссия! – закричали интернатники. – Большая.
– Они на машине приехали. Две строгих тети и один добрый дядя.
– И что они делали? – спросила Люся.
– Можно я скажу? Можно я скажу? – закричал сверху Мохнурка. Он настолько высунулся, что висел уже только на задних лапах.
– Нет, нет! Пусть скажет Фьюалка.
Ласка поднялась из-за стола и, как всегда, коротко и толково ответила:
– Они все осмотрели. А потом ушли к Мехмеху. И там разговаривали с ним и с дядей Костей. Мы не знаем, о чем они разговаривали.
– А я знаю! – кричал Мохнурка. – Я под домик подкопался и все слышал.
– Подслушивать нельзя! – строго сказала Люся. – Это плохо и неудобно.
– Очень плохо, очень неудобно! – согласился Мохнурка. – Потому что там земля мокрая. Но все-таки можно,
– И о чем они говорили?
– Они спрашивали: кто открыл здесь звероферму? Этот интернат от цирка или от кино? Почему звери разговаривают? Может быть, это научная военная лаборатория? И все время говорили: «Дайте нам выписку из решения». И добавляли: «Надо устроить большую проверку».
– Это все очень интересно, – сказала Люся голосом любимого завуча Эмилий Игнатьевны. – И все же мы продолжим урок. Уважаемая Цоки-Цоки, напишите такое предложение: «Маленькие звери не хотят большой проверки».
Цоки-Цоки стала писать. Она прижимала уши, высовывала язык. Всячески старалась. Вот что у нее вышло:

Маленькие звери НЕ ХОТЯТ (ХОТЯТ)
БОЛЬШОЙ ПРОВЕРКИ.

Люся спросила:

- Почему слова «маленькие звери» написаны маленькими буквами?
- Они же маленькие.
- А почему «не хотят (хотят)»?
- Потому что все-таки немножко хотят. Интересно – что такое большая проверка?

– Хорошо. А теперь напиши такое предложение: «Котик, кот и котище построили домик, дом и домище».

Цоки нацарапала на доске слова «котик», «кот» и «КОТИЩЕ» разных размеров. Такие, как «домик», «дом» и «ДОМИЩЕ». По нарастающей.

– Так я и думала, – сказала Люся. – Дети... то есть звери... то есть дорогие интернатники, запомните одно грамматическое правило: «В русском языке все слова пишутся в одном размере».

Это правило она придумала на ходу.

Вошел дир и внес блюдо с кочерыжками. Интернатники помчались хватать их. Сверху ссыпался Мохнурка в черных очках и захрумкал капустой.

А Плюмбум-Чоки не вылезал.

– Почему Плюмбум-Чоки не берет кочерыжку? – спросила Люся. – Он что, заболел?

– Нет, – ответил дир. – Он ест только эвкалиптовые листья. И ничего другого.

– У нас в аптеках они бывают.

– Купите, пожалуйста, для нас, – попросил Меховой Механик. – Чтобы у нас был запас.

Бурундуковый Боря потянул Люсю за руку:

– Девочка Люся, девочка Люся, давайте устраивать игры на свежем кислороде.

– Давайте, – согласилась Люся. – Мы устроим большие спортивные соревнования.

Она вытолкала интернатников на участок:

– Внимание! Внимание! Прошу всех построиться. Сейчас у нас будет небольшая осенняя олимпиада. Мы узнаем, кто самый ловкий.

Люся приказала интернатникай строиться по росту. Это было очень сложно для них. Потому что они никак не понимали – кому стоять впереди, кому сзади.

– Ну и что, что ты выше! Зато я старше.

– А у меня в большой разлинованной Хвалюндии ни одной плохой получалки нет.

– При чем тут твои получалки? Главное – рост!

– А я вон какой большой стал. Смотри.

– Ты на кирпич залез. Это не считается.

Впервые Люся поняла, что они могут разговаривать и на каком-то другом языке. Потому что у них иногда проскакивали отдельные трескучие слова и даже целые скрипучие предложения. В азарте, раньше такого не было.

– Я тебя сейчас как тресну палкой! Вот ты и узнаешь, кто выше, – говорил Игглоски Боброву.

– Девочка Люся! Девочка Люся! – кричал Мохнурка. – А уши считаются? Цоки-Цоки вон какая маленькая, а уши у нее до неба!

Наконец Люся выполнила эту сложную работу. Впереди стояли рослые интернатники и интернатницы: Биби-Моки, Устин Летящий в Облаках, Снежная Королева. В середине были Фьюалка, Кара-Кусек и Сева Бобров. В конце скакала всякая мелкота: Мохнурка, Цоки-Цоки, Игглоски и Бурундуковый Боря.

– Сначала мы будем прыгать в длину, – сказала Люся. – Вот здесь дорожка для разбега. А прыгать будем сюда. Это яма для прыжков. Только надо ее немного вскопать.

Интернатники смотрели на Люсю, как солдаты на генерала во время парада.

– Милый Устин, – попросила она. – Принесите лопату. Мы взрыхлим землю, чтобы малыши мягко шлепались.

– Зачем лопатка? – возразил Устин. – Мы сейчас лапами взрыхлим.

Интернатники бросились на яму, как на врага. И заработали лапами, так что песок во все стороны посыпался. Через минуту площадка для приземления была взрыхлена и просеяна, как хороший огород у мичуринцев-юннатов.

– Прекрасно! – сказала Люся. – Начинаем прыжки. Первым прыгает самый маленький – Мохнурка Великолепный.

– Но Мохнурки не было.

– Где Мохнурка? – спросила Люся.

– Он в яме, – ответил Игглоски. – Землю взрыхляет. Он еще не вылез.

И точно – из песка вынырнул на поверхность Мохнурка. И очумело посмотрел по сторонам.

– Он решил, что будут прыжки в глубину! – сказал Снежная Королева.

Все засмеялись. А Мохнурка вылез, сел на песок и вдруг заплакал.

– Ты чего?

– Я очки потерял!

Интернатники бросились к яме и стали ее рассматривать. Очков не было.

– У тебя есть запасные? – спросила Люся.

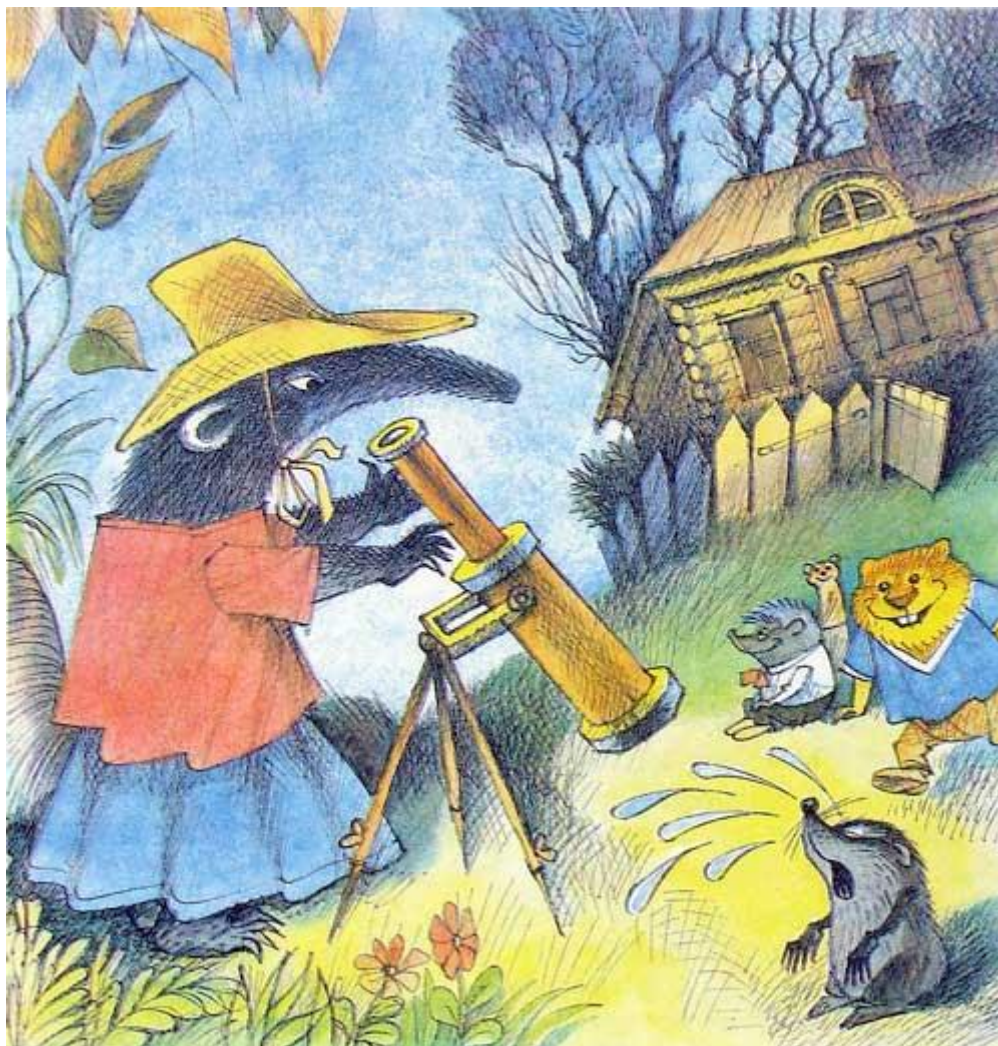
– Нет! – рыдал Мохнурка. – Это совсем последние были.

Кара-Кусек отозвал в сторону Снежную Королеву. И они стали шептаться.

– Мы знаем, что делать, – сказал тушканчик. – Нужно принести нюхоскоп.

– Пусть Биби-Моки принесет! – добавил горностаи.

Биби-Моки, не торопясь, пошла за нюхоскопом. Все стояли, как почетный караул.

Вот Биби-Моки вернулась. Установила штатив. Сначала направила трубу на Мохнурку, понюхала его, а потом на яму. И стала по яме водить.

– Здесь, – сказала она.

Мохнурка ринулся в то место, куда была направлена труба, и стал рыть землю. Секунда – и вылетели прекрасные черные очки.

Батюшки! Сейчас они плюхнутся на кирпичную дорожку! Разобьются!

Но тут неярко сверкнула молния, и Фьюалка приземлилась с другой стороны ямы с очками в лапе.

Биби-Моки не спеша понесла штатив в ночевальню. А Люся сказала строго:

– Продолжаем занятия. Первым будет прыгать Иглосски.

Ежик разбежался, и прыгнул. Он приземлился совсем рядом с доской. Плюхнулся, накрывшись дребезжащими иголками. Люся вбила колышек в землю рядом с его рекордом.

Зверюшки переживали и радовались. И очень серьезно прыгали. Прыгнул Бурундуковый Боря, Сева Бобров и другие юные спортсмены. Немного они обошли ежика Иглосски. Но вот очередь дошла до Кара-Кусека. Он разбежаться не стал. Взял и сиганул с места через все рекорды и колышки прямо к забору, огораживающему участок.

– Девочка Люся, а можно еще раз прыгнуть?

– Давай, скачи! – сказала Люся.

Кара-Кусек как скакнет! Как перелетит через забор! И повис на соседской яблоне.

Долго снимали чемпиона с дерева.

Потом провели соревнования по бегу. Бегали на сто метров и обратно. Победил Устин Летящий в Облаках. По дороге он уронил свой пояс с пистолетом. Остановился, поднял его, вернулся, отдал Люсе и снова помчался. И все равно прибежал раньше всех.

Проводить соревнования при столь разносторонних способностях спортсменов было

немыслимо трудно.

Еще бы! Кара-Кусек скачет, как кузнечик. Предлагает прыгать через яблоню или на крышу. Сева Бобров зовет в воду. Давайте, мол, плавать и нырять. Мохнурка желает нырять в песок и хочет бегать стометровку под землей.

Иглосски предлагает проводить соревнования по нюханию. Закопать какую-нибудь тухлянку около станции и отыскивать без нюхоскопа.

А Биби-Моки уговаривает всех меряться силой: брать ворота, поднимать и перетаскивать в разные стороны.

Она подняла ворота и утащила их на тридцать метров. И грохнулась вместе с ними. Обрат-но ворота несли всем классом. И на место устанавливали.

Тут пошел дождь. Мокрый¹ и холодный. Олимпиада прекратилась. И радостные звери потащили Люсю в спальню.

Они уселись на кроватях и болтали ногами.

– Давайте играть в жмурки! – предложила Люся.

– А как это? – спросил Сева Бобров.

– Надо тому, кто водит, завязать глаза. И он всех остальных будет ловить. Давай мы начнем с тебя.

– Давайте, девочка-учительница!

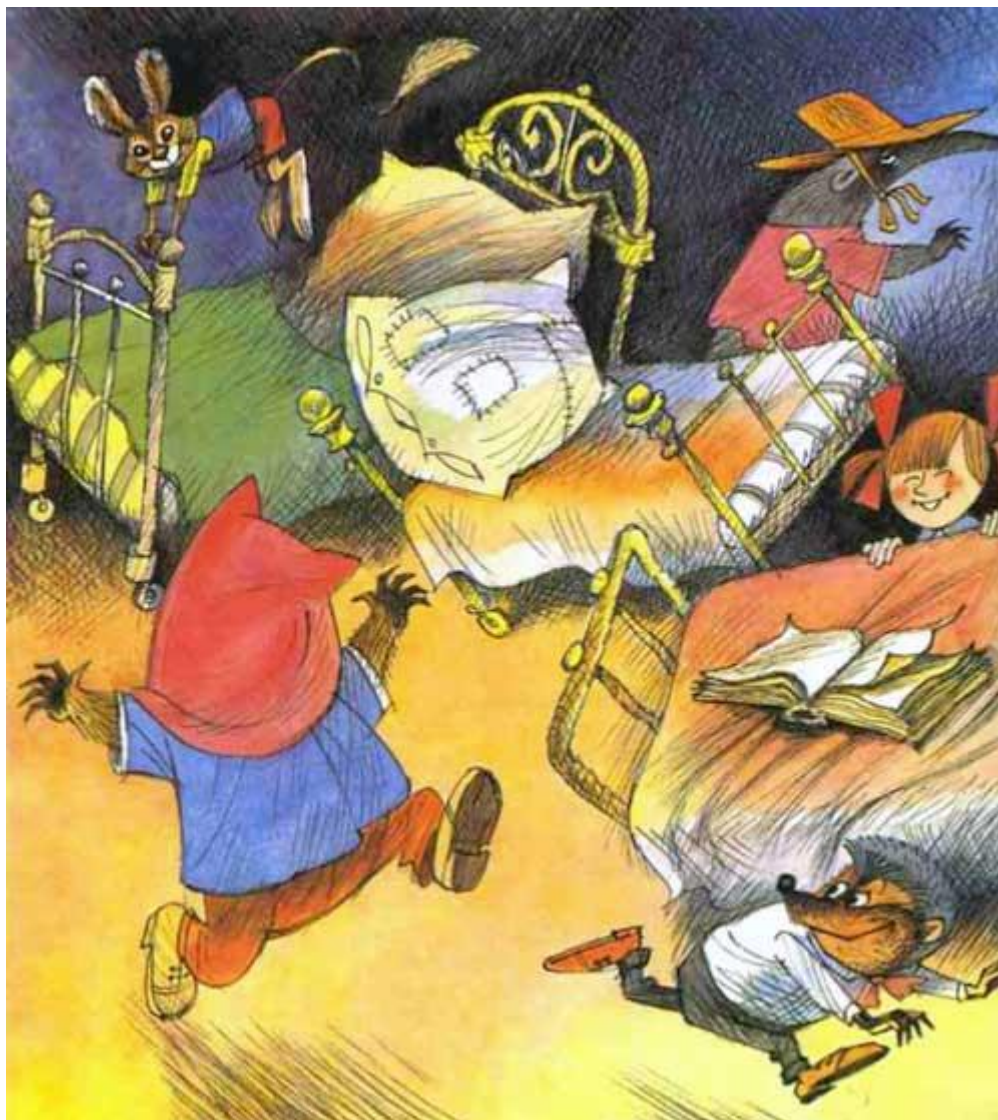
Завязывать глаза Севе было очень неудобно. Все повязки скатывались у него на затылок. Поэтому ему просто надели на голову Люсин школьный мешок для обуви. Все остальные интернатники рассыпались по комнате.

Люся повернула Севу вокруг оси:

Ходи, ходи по пятам,
Ходи здесь, ходи там.
Если налетишь на шкаф,
Значит, будешь ты не прав.

Люся подбежала к подоконнику и забралась на него с ногами. Интернатники кинулись врассыпную, как воробьи от кошки.

¹ Разве можно сказать про дождик «мокрый»? Можно. Особенно в сырой день. Все и без того мокрое. И каждая капелька, попав на человека, расплзается по нему большой и холодной кляксой.

Сева уверенно прошел мимо кроватей и тумбочек. Подошел к окну и взял Люсю за руку. Будто ни в каком мешке и не сидел.

– Как ты меня так быстро отыскал?

– Я тебя унюхал.

– Мы же умеем чуют! – сказала белочка Цоки-Цоки. – Нам же надо не только глаза завязывать. Надо еще нос!

– Надо затыкалки принести! – закричал известный окурочник Кара-Кусек. – Там на помойке у забора их сколько хочешь. Ими бутылки затыкают.

– Не будем мы ничего на помойке собирать, – сказала Люся. – Давайте я буду водить. Я нюхать не умею.

Она сама засунулась в мешок. Покрутилась и начала поиски.

Люся двигалась по спальне, натыкалась на кровати. Вокруг была тишина. Будто интернатики растворились в воздухе. Они не топали ногами, не задевали вещи, не хихикали и не дышали.

Люся минут пять ходила от одной стены до другой. Но пространство просеивалось сквозь руки, а интернатики не было.

– Эй, – сказала завязанная Люся. – Есть кто?

Тихо. Никто не ответил.

– Я так не играю! – сказала Люся. – Вы куда-то ушли.

Люся сняла повязку. Все меховые ученики были в комнате. Они просто расступались перед ней, как туман. Двигались ловко и бесшумно. Мохнурка сидел под кроватью.

– Чего же вы не отвечаете, что вы здесь? – спросила Люся.

– Мы ответим, а ты как прыгнешь! – сказал Мохнурка. – И поймаешь нас.

Люся осмотрелась:

– А где Кара-Кусек?

– Вот он, – сказала Цоки-Цоки. – Видите, на окне сидит.

Под потолком, на карнизе, прижался к стене тушканчик.

– Мне трудно с вами играть, – сказала Люся.

Малышня снова повисла на ней:

– Давайте что-нибудь рисовать!

– Читать сказки!

– Давайте прыгать на потолок!

Люся задумалась.

– Давайте вот что сделаем. Давайте устроим танцы. У вас есть музыка?

– Ура! – завопили интернатники. – У нас есть музыка!

– А танцы, это что? Что это такое?

– Сейчас узнаете, – ответила Люся. – Сдвигайте кровати в одну сторону. Чтобы было место. И тащите сюда вашу музыку.

Меховые ребята быстро составили все кровати в угол. И тумбочки тоже.

Бурундуковый Боря подергал Люсю за юбку:

– Нашу музыку сюда тащить не надо. Она уже здесь.

– Где здесь?

– Здесь, здесь. Иглоски здесь, Цоки-Цоки здесь, Устин здесь. Они – наша музыка. Только Плюмбум-Чоки нет.

– Вот и тащите его сюда.

Мохнурка сразу повел в атаку нескольких интернатников: Фьюалку, Устину, Снежную Королеву и Севу Боброва. Они бесшумно скрылись. А через две минуты так же бесшумно появились. Только их все время разбрасывало в разные стороны или стягивало вместе. Потому что они несли Плюмбум-Чоки в сиреневых трусищах. А он, тоже бесшумно, бушевал и сопротивлялся.

– Плюмбум-Чоки, разве ты не хочешь к нам? – спросила Люся.

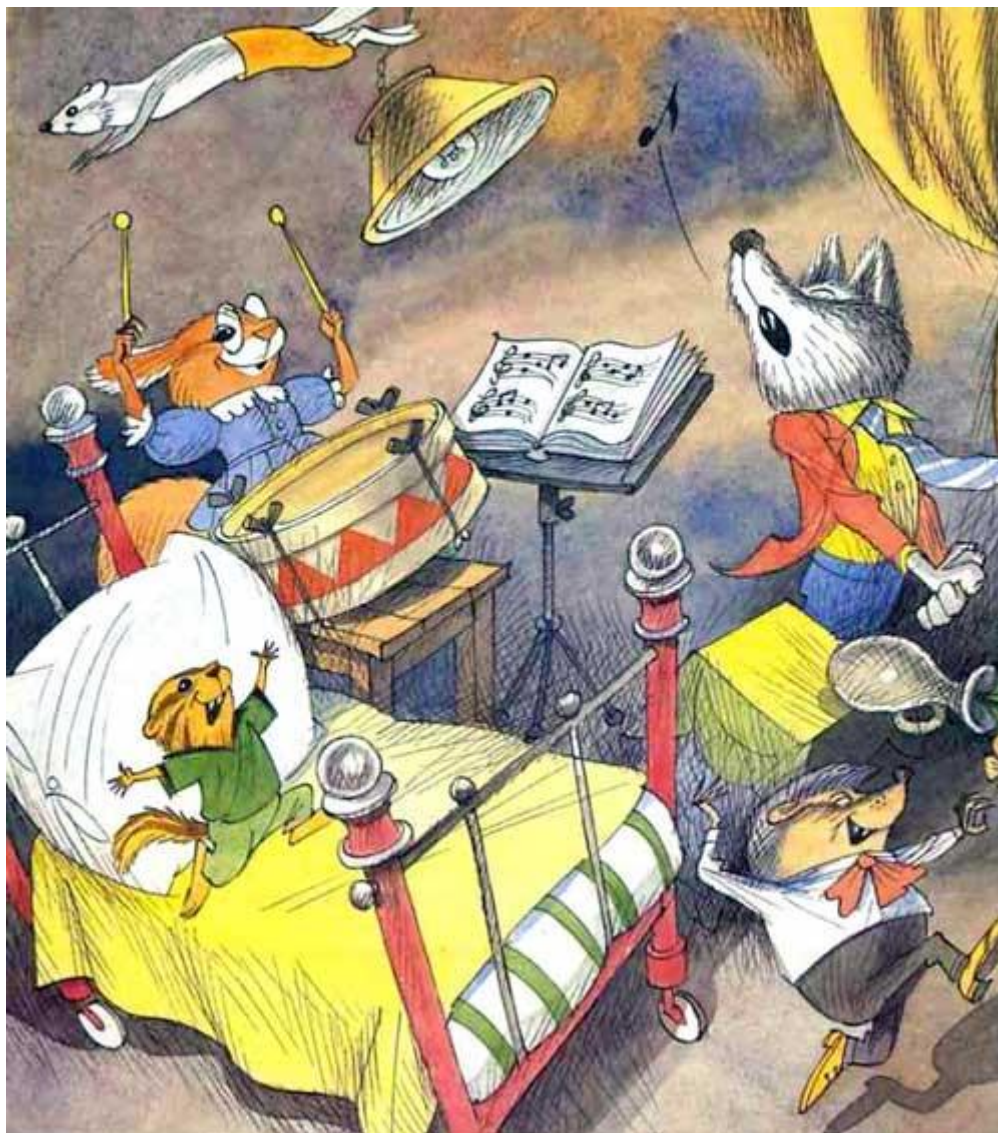
– Ккккк вамк кхочу! – проскрипел Чоки. – А они ксказали, кчто кбудут ккктанцы. Кккк ктанцам я кне кхочу.

Он, наверно, думал, что танцы – это какие-то иностранцы: американцы, испанцы... в общем, танцы – жители Тании.

– Танцы – это когда парами кружатся под музыку! – объяснила Люся Плюмбуму.

– Значит, у нас будет кружильный праздник! – захлопала в ладоши Цоки-Цоки. – Ура!

Она принесла из чулана барабан и села на стул. Другие оркестранты тоже принесли стулья и поставили перед собой стойки с нотами. А инструментов у них не было.

Все они были важные и напоминали оркестр из басни Крылова. Так и хотелось сказать:

Однажды белка, волк, ежонок
И Плюмбум, то есть медвежонок,
А также муравьед
Задумали сыграть квартет.

Биби-Моки топнула ногой несколько раз, задавая ритм, Цоки-Цоки застучала на барабане, а Устин взвыл, как будто он труба. И полилась непривычная, но очень трогаящая музыка.

Иглосски выскочил вперед, стал приплясывать и греметь иголками. При этом Плюмбум-Чоки как-то странно скрипел и тикал. Но очень музыкально. А Биби-Моки пела как саксофон.

Так весело получалось, что нельзя было устоять на месте. Люся и вся меховая братия за-двигались, закачались.

Танец становился все веселее и быстрее. Все неожиданней. Кара-Кусек от восторга стал прыгать с передних лап на задние. Мохнурка катался по комнате колесом. А Снежная Королева прыгал на стенку, прилипал там под потолком и отлетал обратно.

И все подвывали в такт музыке.

Дверь распахнулась. В комнату вплыла матушка Зюм-Зюм с белым платочком, как будто ансамбль «Березка» приехал. И все еще больше завеселились.

Сева Бобров выскочил на середину комнаты и запел:

Сева, Сева, Сева, Сева.
Сева, Сева – молодец!

Он победоносно на всех посмотрел, застенялся и убежал. Тогда вышел вперед Бурундуковый Боря и тоже запел:

Боря, Боря, Боря, Боря!
Боря, Боря – молодец!

В оркестре наступила пауза, и Боря ретировался. Ежик Иглоски выступил из оркестра и, клацая иголками, прошелся перед интернатниками, напевая:

И Иглоски, и Иглоски!
И Иглоски – молодец!

Не выдержал и хулиганистый Кара-Кусек. Он стал прыгать вверх, переворачиваться в воздухе, прилипать ногами к потолку... При этом он выкрикивал:

А уж, а уж, а уж
Кара-Кусек лучше всех!

На этих не совсем воспитательных словах в ночевальню вошел Мехмех:

– Милостивые интернатники! Вы так развеселились, что скоро дом сломаете. Пора обедать!

Интернатники притормозили. Радостно загалдели и посыпались бесшумно по лестнице вниз. Туда, на первый этаж, где была кухня и столовая.

– Девочка Люся, зайдите ко мне в кабинет, – попросил директор.

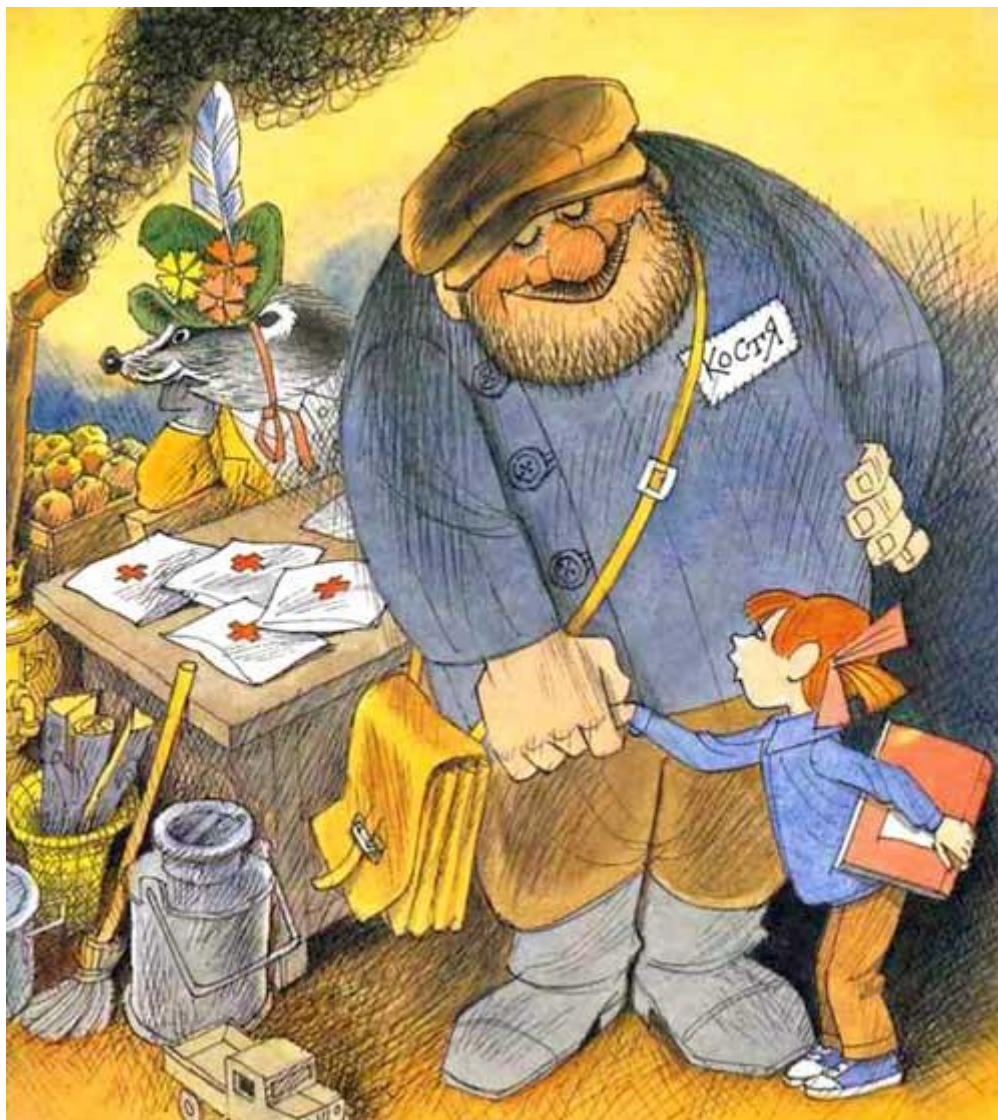
В кабинете у него был какой-то здоровенный мужчина. Добродушный и на редкость спокойный.

– Здравствуйте, – сказала ему Люся.

– Здравствуйте, – слегка поклонился он.

– Это наш снабженец и рабочий кухни, – сказал дир. – Дядя Костя Сергеенко. А это учительница Люся.

Дядя Костя протянул руку. Она была как совковая лопата. На ней мог запросто танцевать Иглоски.

– Я хочу рассчитаться, – продолжал дир. – Вот ваши хендрики, дядя Костя. За половину месяца.

Он протянул дяде Косте два прозрачных полиэтиленовых пакета. В пакетах были какие-то разноцветные корешки и самые яркие травки. А снаружи на каждом пакете был нарисован сочный красный крест.

– Распишитесь, дядя Костя.

Дядя Костя взял карандаш двумя пальцами, как берут швейную иглу, и что-то вышил на разлинованном листе бумаги.

– А это ваши хендрики, девочка Люся.

Люсе тоже дали два пластмассовых пакета. И она тоже расписалась.

Дядя Костя вышел из кабинета. И было видно в окно, как он выкатывал с участка большую тележку на резиновом ходу.

– У него мать болеет, – сказал дир. – Ему очень нужны хендрики.

Дир помолчал, а потом сказал:

– Девочка Люся, нам срочно требуются эвкалиптовые листья, чтобы кормить Плюмбум-Чоки.

– Да, я постараюсь их купить, – ответила Люся.

– И еще. Вы обещали с папой поговорить про комиссию. Они нас замучили. Все спрашивают: «Кто вас открыл?», «Где выписка из решения?», «Покажите места общего пользования», «По какой программе у вас идут занятия?». Мы им все рассказываем, а потом, когда они уезжают, мы им вслед включаем забыванты на всю мощь. Они отъедут на два километра и снова воз-

вращаются. И спрашивают: «Кто вас открыл?», «Где выписка из решения?».

– Я не успела поговорить с папой, – сказала Люся. – Но теперь у вас есть телефон. Вы звоните мне, а я все узнаю.

Еще Люся поговорила про свою любимую подругу Киру Тарасову. Что ее тоже можно привлечь к работе. Конечно, в тактичной форме. Она молодая, но очень обещающая обманистка. Ни одного слова не скажет, чтоб не приврать. Но никогда в этом не признается.

Дир отказался:

– Девочка Люся. У нас сейчас очень трудное положение. Мы не можем увеличивать связи с городом. Вы видели, что делается возле добродушей и забывантов?

– Уважаемый дир, я много раз слышала про добродуши и забыванты. Но я так и не знаю, что это такое.

– Это такие устройства для снятия раздраженности и злости. Они висят незаметно на деревьях вокруг поселка. Мы же не обычный интернат. И злые люди могут принести нам вред. Добродуши снимают агрессию с выходящего. А чтобы о нас поменьше рассказывали, вслед уходящим включаются забыванты.

– И на меня включается добрбдуш? – спросила Люся.

– На вас не включается. Вы без добродушей добрая. Поэтому вас и пригласили с нами сотрудничать. И очень многие люди добрые и веселые, как вы. Но все-таки еще есть... всякие там... Темнотюры...

Он прошелся по комнате.

– Против них мы и ставим добродуши. Но вот что получается. К этим добродушам потянулись плохие люди. Они успокаиваются под добродушами. От них уходит злоба на окружающий мир и ненависть. Им становится легче дышать, а нам-то не легче! Когда пойдете домой, девочка Люся, обратите внимание!

– Хорошо, – сказала Люся.

– Вот вам на всякий случай жактрилевая обойма.

– В случае опасности достаньте одну косточку. И бросьте. Это сушеные жакты. На свету они мгновенно взрываются.

По дороге к станции Люся все время обращала внимание. Да, у некоторых деревьев кучками сидели на траве небритые личности. В основном мужчины.

Вид у них был не самый товарный. Иногда в городе таких людей милиционеры приводят на разгрузку вагонов или на подметание улиц. Народ коротко и весело называет их пятнадцатисуточниками.

Они поглядывали вверх, на вершины деревьев. Так курортники на пляже улыбаются солнцу.

Люся подумала:

«Плохо, что у нас есть такие люди. Наверное, в стране у Мохнурки таких людей нет. Интересно, а где находится эта страна?»

В электричке она занималась.

Не успела Люся решить задачку по арифметике, как электричка протарахтела положенные до Москвы километры.

По дороге с вокзала Люся зашла в большую новую стеклянную аптеку на своей улице.

Аптека перед закрытием была пуста и загадочна. Казалось, когда уйдут последние посетители и закроются двери, здесь станут танцевать старинные красивые медицинские привидения.

– У вас есть эвкалиптовые листья? – спросила Люся у женщины-врача за прилавком.

– Есть, – ответила женщина. – Развесные и в пачках. Тут она заметила у Люси пакеты с красными крестами.

– Что это у тебя в руках? Неужели хендрики?

– Да, хендрики, – ответила Люся.

– И много тебе надо эвкалиптовых листьев?

– Много, – сказала девочка. – Чтобы целую неделю кормить эвкалиптового медведя.

– Хорошо, – сказала женщина. – Я тебе дам столько листьев, что ты сможешь кормить двух

медведей в течение месяца. Только ты отдашь мне один хендрик.

– Я согласна, – сказала девочка-учительница.

– Тогда приходи послезавтра в это же время, – предложила женщина-аптекарь. – Я работаю во вторую смену. И пожалуйста, хендрик никому не отдавай. Хендрик – это очень редкое и дорогое лекарство.

Междуглавие шестое РЮКЗАК ЭВКАЛИПТОВЫХ ЛИСТЬЕВ

Как это странно получается. Забот у Люси поприбавилось. А учиться она стала лучше. Не столько больше стала знать, как лучше соображать.

Она научилась брать учебник и смотреть на него без страха.

А когда она стала больше понимать, учиться ей стало больше нравиться. Кто бы мог подумать – Эмилия, завуч, оказывается, имеет потрясающую собаку, эрдельтерьера. И катается в парке на велосипеде. А собака бежит рядом и ни на кого не бросается.

А учитель Косолапов – не просто учитель, а кандидат исторических наук. Он с ректором в университете поссорился и перешел в школу к ребятам. Он говорит:

– Если мы не возьмемся серьезно за воспитание молодежи, у нас не только в университете, у нас в Госплане бестолковые люди окажутся. А люди, которые хорошо историю знают, не то что на работе, они в личной жизни не допустят ошибок. Столько у них отрицательных примеров перед глазами.

Во вторник Люся даже взяла Киселева на буксир. И Карину Мариношвили. Она стала с

ними заниматься.

Во время учения Киселев все ее смешил.

– Я, – говорит, – математику учить не буду! Я решил стать эскимосом. А точнее, эскимосским охотником. Там, на севере, другая жизнь идет. Чем ближе к северному полюсу, тем меньше математики нужно и всяких знаний. Я уже научился сырое мясо есть.

Такой веселый муж попадется – наплачешься. А Карина сказала:

– Ты лучше грузчиком иди на холодильный комбинат. Там без всяких знаний ящики с тушенкой будешь таскать. И сырого мяса там тоже завались.

Люся заставляла эскимосского Киселева рисовать график роста поголовья оленей. Сначала их было x . Потом у всех оленей, то есть $x/2$ стали рождаться иксики. По одному в день. Сколько оленей стало у неформального эскимосского пастуха Киселева-бельды к концу осеннего сезона?

И Киселев через оленей легко математику понимал. А Мариношвили через оленей ничего не схватывала.

Ей пришлось все через кофты объяснять и через пуговицы. На склад x ящиков с кофтами завезли. На каждой кофте x пуговиц. Сколько было всего кофт, если, когда их съела моль, 100 пуговиц осталось?

Через кофты и пуговицы задачи быстро до Карины доходили.

В это время папа с работы пришел.

Они с Киселевым стали в шахматы играть. И папа все приставал к Киселеву – какие проблемы сейчас волнуют молодежь десяти лет? А Киселев отвечал, что он не знает. Потому что он – молодежь одиннадцати лет.

Люся у папы спросила:

– Папа, скажи, пожалуйста, если комиссии в одно место приезжают постоянно, это хорошо или плохо?

Папа оторвался от шахмат:

– Я не очень понял вопрос. Повтори, пожалуйста.

– Допустим, папа, за городом есть школа. Не совсем обычная, со звериным уклоном. В эту школу стали постоянно комиссии приезжать. Это хорошо или плохо? Что теперь будет?

– Трудно ответить сразу, – сказал папа. – Но опыт показывает, если комиссии стали приезжать, значит, что-то будет. Или эту школу начнут расширять и изучать, или быстро закроют.

– Почему так, папа?

– Потому что комиссии делают выводы. Выводы бывают или плохие, или хорошие. Если выводы хорошие, школу будут увеличивать, строить новые корпуса, усиливать звериный уклон. Если выводы будут плохие, школу тихонечко прикроют. И про звериный уклон забудут.

Папа у Люси сейчас умный. А в молодости такой же был, как Киселев. Тоже в эскимосские охотники готовился. И его мама, конечно, с ним намучилась.

Люся про себя твердо решила, что она сделает все возможное, чтобы интернат не закрыли.

Она позвонила Кире Тарасовой и позвала ее в аптеку менять хендрики на эвкалиптовые листья. Кира согласилась.

Женщина-продавец в белом халате ждала Люсю. Она позвала девочек в комнату за прилавком.

– Вот вам, девочки, листья, – показала она. – Забирайте их вместе с рюкзаком.

– А вот ваш хендрик.

Женщина взяла хендрик и спрятала в сейф с лекарствами.

– Вы донесете рюкзак?

– Донесем, – ответила Люся. – Нас двое.

Девочки надели рюкзак на Люсю и пошли. Кира шла сзади и поддерживала его.

– Ой как пахнет! – говорила Кира. – Не то что нос, глаза щиплет. Ты что, этими листьями будешь спекулировать?

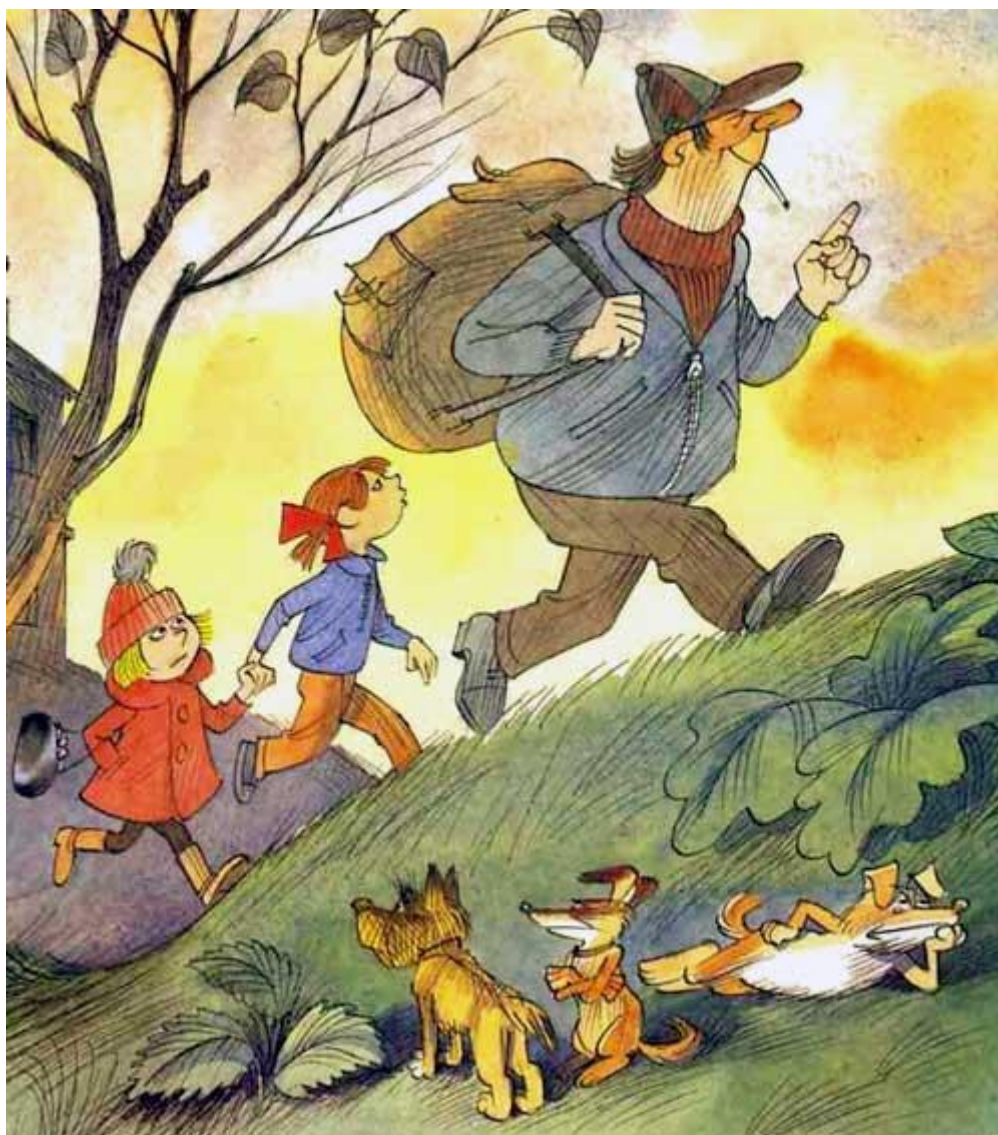
– Не буду я спекулировать. Я буду ими австралийского медведя кормить.

– Можно я вместе с тобой кормить буду?

– Можно, конечно. В воскресенье поедem. Одной мне этот рюкзак не донести.

Дома они запрятали рюкзак в чулан. И закрыли его резиновым матрасом. Чтобы запах не щипал мамин и папин нос. В первый раз пес по имени Шах не спал на своей подстилке в чулане.

Глава шестая КИРА ТАРАСОВА – УЧИТЕЛЬНИЦА

В воскресенье рано утром из Москвы на электричке выехали две девочки с одним большим рюкзаком.

На вид это были девочки как девочки. А на самом деле это были две специалистки, две преподавательницы высокого класса. Одна – русского языка и поведения, другая – опытная неврунистка со стажем, с уклоном в сочинизм.

Преподавательницы не бегали, не скакали, не носились по всем вагонам, а важно обменивались мнениями и делились опытом преподавательской работы. (Люся твердо решила начать знакомить свой четвертый класс с меховыми интернатниками.) И на следующее воскресенье был назначен выезд всей передовой молодежи: Киселева, Спальникова, Трофимова, Кати Лушиной, Карины Мариношвили и др. – в сельскую местность для знакомства с подшефной школой. А школа эта была сельская с научно-фантастическим уклоном.

На станции Интурист девочки с трудом выволокли выцветший рюкзак и, сгибаясь под его тяжестью, пошли по шуршащей платформе.

Из других вагонов вышло несколько одиноких пошатывающихся мужчин. И все они пошли в одну сторону. К дачному поселку.

– Эй, девочки, – сказал один такой дядька. – Давайте я вам помогу!

Он поднял рюкзак и понес его. По дороге он говорил:

– Этот поселок не зря назван иностранным словом – Интурист. Здесь такой воздух целебный. Его скоро в пакетах будут иностранцам продавать. Я как сюда приеду, у меня сразу голова не болит и вся злость проходит. И все обиды. Меня друг-охотник приучил сюда ездить. Он тоже сюда приедет. И многие другие здесь дышат.

Дядька быстро устал и отдал рюкзак девочкам:

– Вы, наверное, цемент на дачу возите. Себя пожалейте.

Ворота были закрыты. Калитку им открыл дядя Костя Сергеев. Он взял у девочек рюкзак:

– Вас ждут уже давно. Вы идите, я рюкзак потом принесу.

– Это кто? – спросила Кира Тарасова. – Меховой укротитель?

– Это снабженец, дядя Костя.

– А собака около него настоящая или интернатная?

– Собака как собака. Шариком зовут. Она поселок охраняет. Идем быстрее.

Меховые ученики сидели в классе. Меховой Механик на своем скрипучем языке преподавал им математику.

Когда девочки вошли, зверята радостно взвыли и встали на партах ногами вверх. Как только вся эта масса взмыла ногами под потолок, Кира Тарасова ринулась вниз, под учительский стол.

– Блюм! – сказал Мехмех.

Зверята сели за парты и заулыбались. Кира Тарасова вылезла из-под учительского стола и робко стала у печки. А в печке сидел Великолепный Мохнурка. Он решил потрогать Киру и черной лапкой дотянулся до нее. Кира как стояла, так ракетой взлетела под, потолок и села на край печки.

Если бы сейчас сверху выглянул Плюмбум-Чоки, то Кира просто бы упала с печки на пол замертво. Но Плюмбум пожалел ее и не стал высовываться.

– Объявляется перемена на пять минут, – сказал директор. – После нее будет первое занятие по правдизму. Правильно я говорю?

– Правильно, – сказала Люся. – Это новая учительница – Кира Тарасова. Она будет преподавать новый предмет – сочинизм.

– Прошу учеников покинуть класс, – сказал Мехмех. И все зверята с сожалением потянулись к выходу.

И вот они уже заплескались, забегали на площадке перед классными окнами и всячески хвалились, поглядывая на Люсю и Киру.

– Вы знаете, что мы платим хендриками? – спросил Мехмех у Киры.

– Да, мне уже сообщили об этом, – ответила девочка.

– Четыре хендрика в месяц – это много или мало?

– Это в самый раз, – ответила Кира.

Хотя она, как и Люся, не имела ни малейшего представления о ценности хендриков. Очень дипломатичными оказались наши девочки. Хоть сейчас с места в карьер отправляй их за рубеж вести дипломатические переговоры.

– Тогда я оставляю вас, – сказал дир. – У меня время ограничено. Я буду готовить эвакуацию.

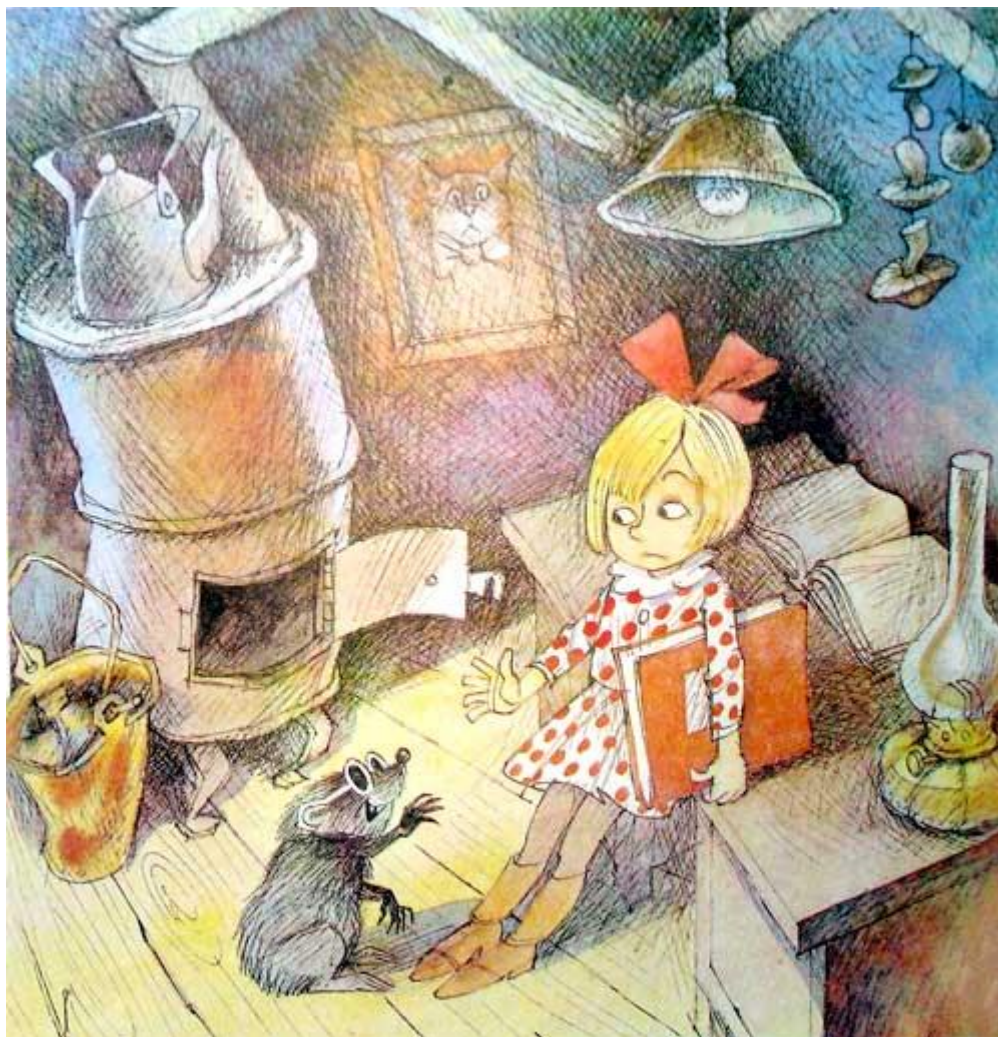
– Что такое эвакуация? – спросила Кира Тарасова, когда он ушел.

– Не знаю я. Наверное, срочный переезд.

Загудел начинальник, и меховая мелкота ринулась в класс. Звери быстро расселись за партами, и Люся стала читать по Получальнику: Биби-Моки... Бурундуковый Боря... Кара-Кусек... Снежная Королева...

Каждый вставал и кланялся Кире Тарасовой. Мохнурка Великолепный не мог встать. Он просто вывалился из печки, подняв кучу пыли. Подбежал к Кире с вытянутой лапой и сказал:

– Дай пять.

Люся не выдержала такой дерзости и легко стукнула его Получальником по голове. Поднялась такая сажа, будто взорвался жахт. С трудом интарнатники нашли в пыли Мохнурку и снова засунули его в печь.

И Кира приступила к уроку:

– Дорогие ученики! Нужно всегда говорить правду. Впервые правду стали говорить в Древней Греции...

Кира еще в первом классе школы поняла, что впервые все начали делать в Древней Греции: добывать медную руду, создавать глиняную посуду, приручать скот, сочинять мифы Древней Греции.

– Если маленький гречик приходил домой и мама спрашивала, где он был, он всегда говорил только правду: «Я, мама, был у реки и ловил раков». Хотя ему ничего не стоило соврать: «Мама, я был у Васи Петрова и смотрел телевизор».

Люся Брюкина, вытаращив глаза, слушала эту невероятную лекцию о правдивости и о телевизоре в Древней Греции и не знала, что ей делать: стоять или падать. А Кира продолжала:

– Потом, в средние века, правда перекочевала к славянам. Когда маленький славянчик приходил домой и мама спрашивала, где он был, он говорил только правду: «Я лазил в колодец, потому что у меня туда рукавицы упали». Хотя он запросто мог присочинить: «Мы вместе с Анжелкой Левенсон были на кружке «Умелые руки» и вышивали крестиком. Еще у нас есть газета «Пионерская правда». Но, по правде говоря, мы ее не читаем, потому что она очень серьезная и воспитательная».

Но тут Кира и Люся заметили, что к дому подъехала машина «Волга» и из нее вышли две гражданки с портфелями и один гражданин.

– Комиссия, комиссия! – заволновалась меховая малышня.

– Ой, – сказала Люся Кире, – сейчас нас закрывать будут.

– Я им закрою! – ответила Кира. – Ишь раззакрывались!

Две гражданки с портфелями и гражданин вошли в класс. Одна гражданка была высокая, почти длинная. Казалось, что это была тетя на тете под одним пальто. А вторая была низенькая, с круглыми, как по циркулю, щеками. И другие части тела у нее тоже были как по циркулю. А гражданин был их тихий начальник.

Ученики встали на задние лапы. Комиссия слегка шарахнулась к двери.

– Блюм! – сказала Люся. И они опустили на парты тихо, как в театре теней.

– Кто-нибудь из старших есть? – спросила высокая комиссия.

– Никак нет! – четко, по-военному ответила Кира.

– А где они?

– В министерстве! – отчеканила Кира.

– Как в министерстве? В каком министерстве? – заволновалась комиссия. – Это мы приехали из министерства. Из министерства обучения детей.

– А они поехали в министерство воспитания и обороны.

– Кто поехал?

– Наш генерал-барсук.

– Бред какой-то! – сказала сдвоенная в длину гражданка. – Генерал-барсук... министерство воспитания...

А сдвоенная в толщину добавила:

– Совершенно сумасшедшее учебное заведение.

– Не совершенно сумасшедшее, а совершенно секретное! – отпарировала Кира.

– Это почему так? – тихо спросил их начальник.

– Как, вы не знаете? – наступала Кира.

– Не знаем.

– Девочка Кира! – дернула Киру за платье Цоки-Цоки. – И мы не знаем.

Тогда Кира сказала торжественно-секретным шепотом:

– Это особая Звериная Разведывательная Школа – ЗРШ. И не просто ЗРШ, а ЗРШ при ГГШ.

– Что значит при ГГШ? – таким же секретным, но менее торжественным шепотом спросила комиссия.

– При Главном Генеральском Штабе.

Члены комиссии стали хвататься за стенку, потом сели в разных местах класса. И потребовали объяснений.

– Как, вы не знаете? – снова спросила Кира. – Например, в Симферополе есть особая дельфинья школа. Дельфинов учат находить подводные лодки, спасать раненых в море, играть в баскетбол, петь, топить диверсантов. Знаете?

Комиссия сказала, что знает. Но как-то неуверенно.

– Во время войны были школы для собак. Они находили мины, передавали почту, охраняли склады. Знаете?

– Знаем, – шепотом ответил дяденька.

– Вот и у нас такая же школа.

Теперь за головы схватились потрясенные интернатники.

– Но ведь сейчас нет войны! – неуверенно сказала круглощекая женщина из комиссии.

– А мы и не учим их воевать. Мы учим их разгадывать военные тайны. Сегодня мы проходим «Проникновение в генеральский штаб противника через печные дверцы».

Тотчас же из печки высунулся Мохнурка Великолепный с горелой деревяшкой наперевес и начал строчить по комиссии:

– Тра-та-та-та-та!

Комиссия отступила.

Сверху из дыры в потолке наполовину высунулся руконогий Плюмбум и заскрипел:

– Отдавайте секретные сведения!

– У нас их нет! – в ужасе закричала круглощекая тетя. – Мы не взяли!

Кира торжественно подошла к доске и более подробно стала рассказывать о задачах и целях ЗРШ:

– Впервые зверей в военных целях стали применять в Древней Греции. В стан противника при помощи катапульты забрасывали ящики и целые мешки дрессированных мышей. Мыши кусали врагов, залезали к ним под латы и обращали противника в бегство. В Индии были боевые слоны... Зверей и птиц использовали для военной хитрости славяне. Княгиня Ольга с помощью дрессированных голубей сожгла город древлян.

Комиссия слушала с глубоким вниманием. Только один член комиссии – гражданин в очках – слушал с пятого на десятое. Потому что в нем самом зрел вопрос:

– А почему с разведывательными зверями работают дети?

Тут вмешалась Люся:

– Потому что они детей лучше всего понимают. А взрослым они не верят.

Кира не дала ей долго говорить. Снова перехватила инициативу:

– А есть у вас секретные документы: пропуска, удостоверения? Есть у вас пропуск в нашу зону? Имеете вы право задавать вопросы нам, сверхсекретным специалистам? Вон видите, наш специальный сотрудник дядя Костя на своей тележке привез рюкзак учебных гранат. Мы сейчас будем учиться их бросать во все стороны.

– Не во все стороны, – поправила Люся, – а в учебного противника.

– Может, нам вызвать летучий отряд проверяющих медведей? – спросила Кира как бы между прочим.

– Нет, нет, не надо, – сказала циркульная тетя. – Не надо вызывать летучий отряд проверяющих медведей. Мы все поняли. Это не наше ведомство. Мы уходим.

Комиссия быстрыми шагами ушла и запихнулась в машину, которая пулей вылетела с секретной территории... Сразу в класс с шумом ворвался генерал-барсук:

– Спасибо, дорогие учительницы! Я все слышал! – Он стал трясти руки Люсе и Кире. – Теперь они долго не приедут. Я им вслед не стал даже забыванты включать. Вот это обманизм!

Высший класс!

Звери от восторга встали на партах на передние лапы. А Мохнурка Великолепный выскочил из печки и, растопырив лапы, побежал к Кире обниматься. Еле-еле Фьюалка успела перехватить его и снова направить в печку.

– Я себе генеральскую форму сошью! – закричал Мехмех в восторге. – Брюки красные, пиджак с погонами и фуражку.

Но Кира вдруг обиделась:

– Я всё правду говорила. Есть такие школы.

– Конечно, есть! – согласился Меховой Механик. – И пушки есть, и самолеты, и бомбы. Этого добра у людей хватает.

– А у вас ничего такого нет? – спросила Кира. – И военных нет?

Бурундуковый Боря потянулся к Кире с вопросом:

– Девочка Кира, а что такое военный?

– Это такой... дядя в брюках... с погонами... со звездочками... с фуражкой...

– А военный дельфин тоже со звездочками?

– Нет, он без звездочек...

– Значит, он не военный?

– Нет, он военный... – запуталась Кира. – Просто он мокрый... Он выполняет команду военных.

– Какую?

– Например, взорвать, подводную лодку. Он берет в зубы бомбу и плывет к чужому кораблю. Бомба прилипает, а потом через час взрывается. Раз! – и корабль потонул.

– Зачем? – спросил Бурундуковый Боря.

– Он, наверное, старый был, ненужный! – пояснил Сева Бобров.

– Как ненужный?! Нужный! – закричала Кира.

– Зачем же его тонуть? – спросил Иглосски.

– Он же не наш, вражеский!

– А враги наши? – спросил Боря.

– Наши, а то чьи же, – сказала Кира.

– Раз враги наши, значит, и корабль наш, – уяснил Иглосски.

Кира совсем запуталась. Люся тоже.

– Девочка Кира, – сказал дир. – У нас в стране никогда не бывает войны. И они ничего про нее не знают, не видели.

– Я видел, я видел! – закричал Мохнурка. – У дяди Кости по телевизору. – Он снова выскочил на середину с головешкой: – Руки вверх! Трах-тах-тах! Сейчас я всех пересчитаю! Ура! – Он показал таким образом свою полную осведомленность в военном деле.

– Пожалуйста, расскажите им про войну, – попросил дир. – Дайте им пару уроков.

Кира с Люсей посмотрели друг на друга. Нет, с этим делом им ни за что не справиться. Тут нужен ктонибудь из мальчишек. Лучше всего Киселев. Он у них в классе самый военизированный мальчик. А может быть, и дедушка Киры Тарасовой. Он не только про войну знает, но даже и сам воевал.

– У нас один мальчик есть, – сказала Люся. – Его фамилия Киселев. Он в смысле войны очень образованный. У него даже карты всех военных сражений есть.

– Вот и хорошо! – сказал дир. – Посражаемся.

– Как посражаемся? – удивилась Люся.

– А так, в карты. Пики, трефы, бубны. Меня дядя Костя научил. Мы с ним часто по вечерам в карты играем.

Видно, и сам директор Меховой Механик ничего не знал про войну, несмотря на свое высокое военное звание – генерал-барсук, начальник военной школы ЗРШ при ГГШ.

Такой потрясенной и тихой родители Киры Тарасовой никогда свою дочь не видели. И она ничего им не рассказала. А кто бы ей поверил? Родители знали ее как облупленную. Только по-

ражались, как у них такая воспиталась? Лампасы... генералы... пожары... парашютные войска... медведи в скафандре... конгресс водопроводчиков в Женеве так и сыпались на их головы. Им только звериной школы не хватало!

Междуглавие седьмое КОГДА КУКУШКА КУКУЕТ В НОЧИ

И эвкалиптовых листьев Люся достала, и учиться стала лучше. И преподавательницу обманизма нашла. И в доме порядок. И все же на душе у нее беспокойно было.

А в этот вечер еще папа с мамой стали ссориться.

Начала мама:

– В доме картошки нет. А ты газету читаешь.

– Я сейчас же исправлюсь, – сказал папа. – Не буду читать.

– Ты лучше картошки принеси.

– В семь часов вечера? Такая срочность? Картошка – это валидол?

– Нечего ехидничать, – говорила мама. – Мне ребенка кормить нечем.

– Мама! – закричала Люся. – Если ты будешь на папу ругаться, я вообще есть не буду.

Ночью Люся не спала. За окном дождь хлестал по подоконнику. Тарабанил просто зверски.

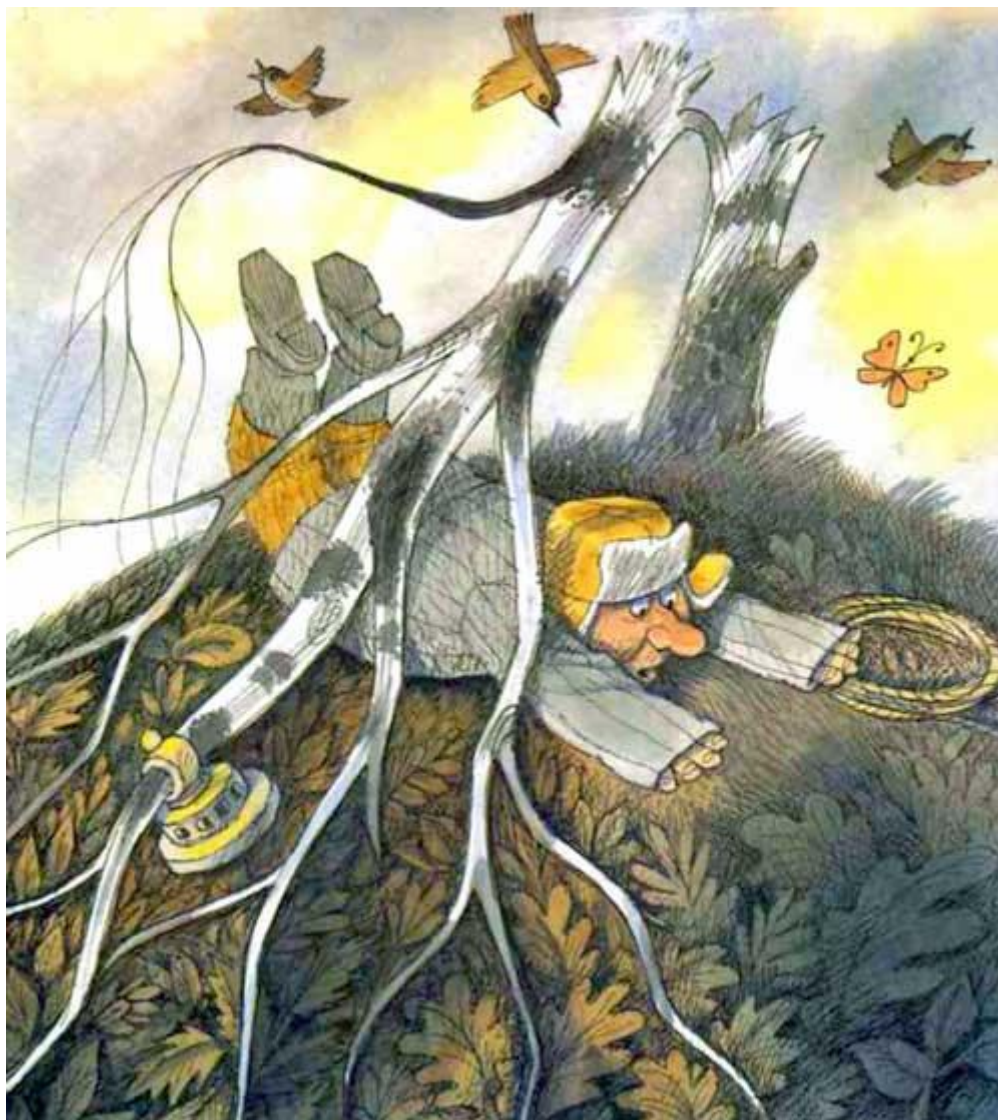
На кухне куковала кукушка. Гордость папы. Он ее из Чехословакии привез.

Эта кукушка была как градусник по психозу. Обычно ее Люся не замечала. Как только в доме появлялись волнения, кукушка начинала проступать. А если Люся была чем-то сильно расстроена, кукушка орала как оглашенная. И уже не через час, а через каждые пять минут.

Сегодня эта кукушка разбушевалась, хоть по трубе стучи! (Если в одной квартире сильно шумят, соседи по трубе стучат. Это знак – утихомирьтесь! Прекращайте ваши танцы-скаканцы! Вы нам мешаете!)

Постепенно Люся успокоилась. Успокоилась и кукушка. Она почти шепотом прокуковала двенадцать. И Люся уснула.

Глава седьмая В МОСКВУ С НЮХОСКОПОМ

И вот ей кажется, что кто-то стучит в окно.

«Это же град!» – подумала Люся.

Но стук повторился. В окно явно стучали. Кто-то хотел войти в дом с улицы, с подоконника.

Люся выпрыгнула из-под одеяла. Подошла к окну. Из окна на нее глянула белая усатая морда.

– Снежная Королева! – ахнула Люся. Она встала на письменный стол и открыла форточку. Горностаи полыхнули белым мехом и проскользнули в комнату. Следом сверкнула лаковая молния, и перед Люсей возникла Фьюалка.

– Боже ты мой! – ахнула Люся и обняла мокрых зверей. – Это же третий этаж.

Она сбегала в ванную и принесла махровую простыню.

– Давайте я вас вытру! Как вы сюда добрались? Как вы меня отыскиали? Что у вас там нового?

Выяснилось вот что. Не зря у Люси тревожилась душа. Потому что в интернате были следующие события.

В двенадцать часов дня порыв ветра сломал старую березу на углу дачного поселка. На березе был добродуш. Он выключился. И охотник Савельев Николай, по-интернатски Темнотюр, что значит Небритый, почувствовал себя ужасно. Руки затряслись, все разонравилось. Он выбрался из-под веток и сказал:

– Я еле жив, а тут бегают пушные звери. Поймаю и продам пару. Куплю себе валерьянки сто флакончиков. Тогда мне сразу станет легче.

У него с собой всегда был мешок и веревка. Мало ли, вдруг где-нибудь трубы валяются

или шлаковата. И с этим мешком он стал подбираться к двухэтажному зданию интерната.

В это время ежик Иглосски и Сева Бобров в две лапы несли на помойку ведро с картофельными очистками. Они подошли к помойке, и вдруг из помоечного ящика выскочил небритый дядька.

– Попались! – закричал он.

Схватил Севу за шкурку и запихнул в мешок. Иглосски удалось отскочить.

– Еж, еж, еж! Цып, цып, цып! – говорил дядька и подкрадывался к малышу.

Он прыгнул, чтобы сцапать Иглосски, но ежик свернулся в клубок из стальных игл. Темнотюр искололся до крови.

– Караул! Помогите! – закричал он. И кинулся бежать. Однако мешок с Севой Бобровым не бросил.

Добродуш на березе, не работал, но забывант был в исправности. И мысли в голове у охотника стали путаться:

«Что я хотел сделать? Продать пару и купить сто флакончиков... Поддать пару... поддать... и купить сто балкончиков...»

А Сева Бобров болтался у него за спиной в мешке и думал: «Укусить или не укусить?»

Он знал, что кусаться невежливо. Но и сидеть в этом противном мешке долго не собирался. Сева решил пока подождать.

Темнотюр бежал в сторону станции, а Иглосски прибежал к Мехмеху:

– Боброва украли! Бобров в мешке. Темнотюр украл Боброва!

Мехмех собрал всех малышей и сказал:

– Севу Боброва украл Темнотюр. Он несет его куда-то в мешке. Давайте позовем Севу ультразвуковым кричаньем.

Малышня подняла головы вверх и тихонько так заскулила.

Звук становился все тоньше и тоньше. Наконец он совсем исчез.

Но сами звери его слышали.

– Так, – сказал директор. – Теперь послушаем ответ. Все затихли и напряженно слушали.

– Слышу, – сказал Снежная Королева. – Он отвечает, что он около станции.

– Ты и ты! – показал Мехмех на горностаю и на Лаковую Молнию. – Бегом к станции. Только возьмите вот это на всякий случай... Знаете, что это?

– Ручной добродуш.

Горностаю и Фьюалка скрылись. Еще секунду их видели здесь, и вот они уже во дворе. Так они быстро передвигались.

– Можно я тоже? Можно я тоже? – заговорил Мохнурка. – Я под ним яму вырою.

– Больше нельзя никому. Всем быть на месте. Кара-Кусеку – обскакать все добродуши и проверить. Неисправные заменить.

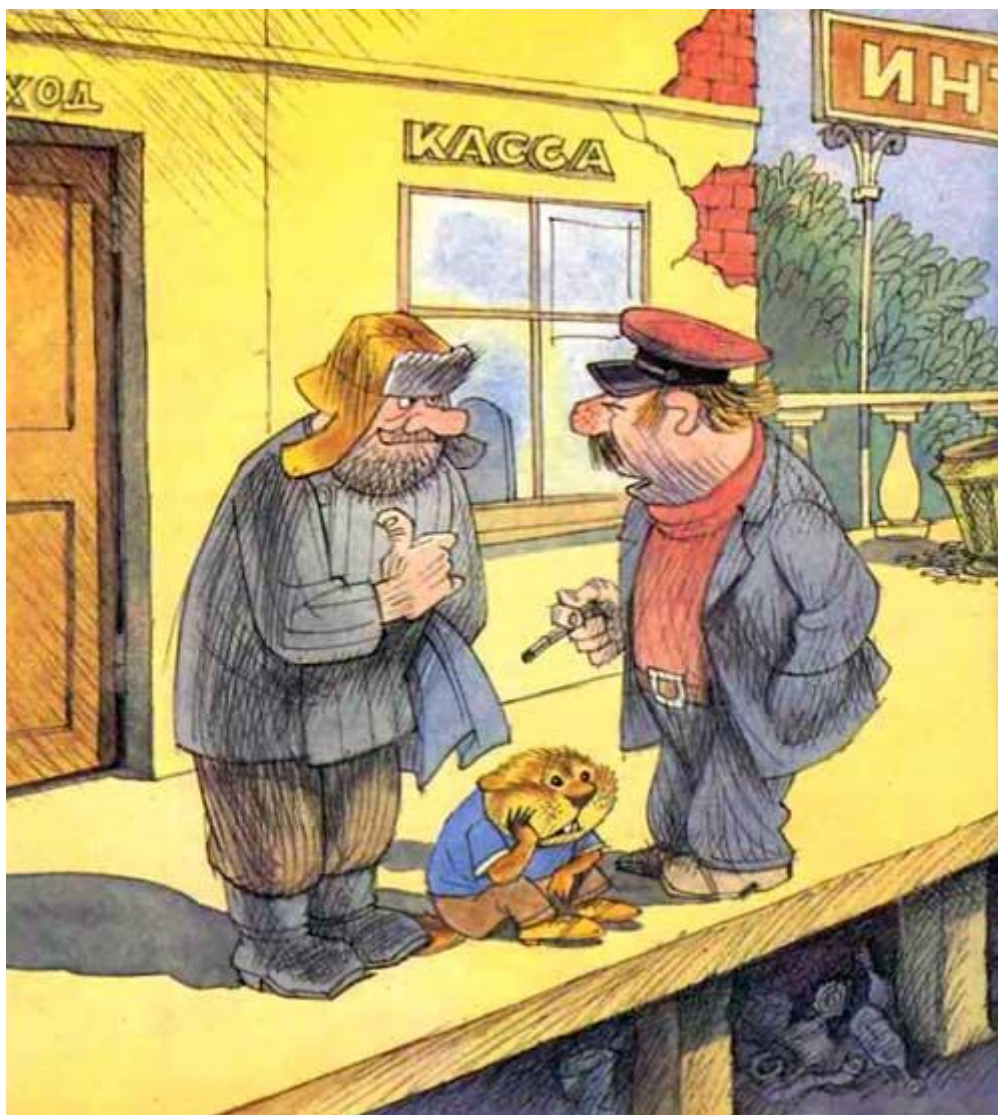
Он, как наседка, собрал всех зверей в кучу и ждал новостей.

– И что было дальше? – спросила Люся.

Темнотюр стоял на платформе. Он продавал Севу Боброва. Тут же, не отходя от кассы.

Покупателей было не очень много. Всего один – сторож при станции.

– Что это? – спросил сторож.

– Бобер домашний полудикий! – ответил Темнотюр. Он вытряхнул Севу из мешка и держал его, наступив ногой на широкий хвост.

– Где ты его взял?

– У браконьеров отбил. Вот продаю.

– Сколько он стоит?

– Сто рублей.

– Ты с ума сошел? – закричал сторож. – Да у нас на всей станции таких денег никогда не было.

– У вас и бобров таких никогда не было.

Дядька отошел. Решил посоветоваться с женой. Развести таких бобров – всю жизнь можно жить безбедно.

И тут над забором платформы взмыли две тени. Они схватили и быстро накинули мешок на Темнотюра. Не успел он оглянуться, как был обмотан веревкой. А вежливый Сева не удержался и все-таки укусил его за ногу. Ведь он был хоть домашний бобер, но все-таки полудикий. И все трое быстро умчались в сторону дачного поселка.

Остались на платформе орущий Темнотюр и сторож-покупатель.

«Нет, – решил сторож, – не буду я его покупать и разводить».

– Вот и все! – сказал Снежная Королева.

И еще он сказал, что интернатники соскучились по Люсе. И что к рабочему кухни дяде Косте приехал брат из Москвы, на поливалке.

Он с дядей Костей повидался и поехал обратно в Москву.

Группа интернатников во главе со Снежной Королевой воспользовалась случаем. Влезла на крышу поливальной машины и отправилась к Люсе в гости.

Там внизу еще Мохнурка стоит и Биби-Моки. Они не могут по стене влезть.

– А как же вы меня нашли? Вы же Москву не знаете. И адреса моего у вас нет.

– У нас нюхоскоп есть. Его Биби-Моки таскает. Мы через нюхоскоп тебя нашли.

Люся даже за голову схватилась.

– Ничего себе экскурсия! В совсем незнакомый город! Тоже мне – интуризм на поливалке.

На кухне захрипел придушенный на ночь телефон. Люся выскочила и принесла аппарат к себе.

– Алло? Алло? – неслось из трубки. – Это девочка Люся?

– Это я, – шепотом ответила Люся. Никто бы из людей ее не услышал. Но дир понял. Потому что это был именно он – Меховой Механик.

– Девочка Люся! Девочка Люся! У нас беда! Четыре интернатника пропали. Что нам делать? Куда обращаться? Подскажите, девочка Люся.

– Никуда не надо обращаться! – тихо сказала Люся. – Они здесь у меня. Не беспокойтесь. Я их скоро привезу.

– Спасибо! – прокричал дир, – Спасибо, девочка!

Люся схватилась руками за голову и задумалась. Что делать? Придется будить папу.

– Папа, папа, проснись!

Отец поднялся на диване и вытаращил глаза:

– Ты что, дочь, очумела?

– Папа, у тебя машина на ходу?

– На ходу. А что?

– Надо четверых товарищей отвезти за город. Срочно.

– Каких еще товарищей? В какой еще загород?

– Это секрет, папа. Надо, чтобы мама ничего не знала.

На папу это подействовало. Потому что он был на маму сердит.

– Понимаешь, папа, если ты мне не поможешь, я и сама справлюсь. Только ты мне будешь больше не друг.

– Говори, что надо делать, – приказал отец. – Только и ты мне будь друг, когда понадобится.

Люся поняла, что отец настроен правильно. Что он по-настоящему поможет и ничего не будет спрашивать. Люся провела его в спальню.

– Это мои друзья, – показала она на интернатников. – А это мой папа.

Интернатники встали на передние лапы.

– Блюм! – сказала Люся, и они блюмкнулись.

Папа был ошарашен. Он сам чуть не встал на руки.

– Их надо отвезти за город. В Интурист. Хорошо, папа?

– Вот тебе ключи от машины, – сказал отец. – Спускайся вниз. И старайся со своим зоопарком никому на глаза не показываться.

Он стал одеваться.

Девочка и звери быстро сбежали вниз.

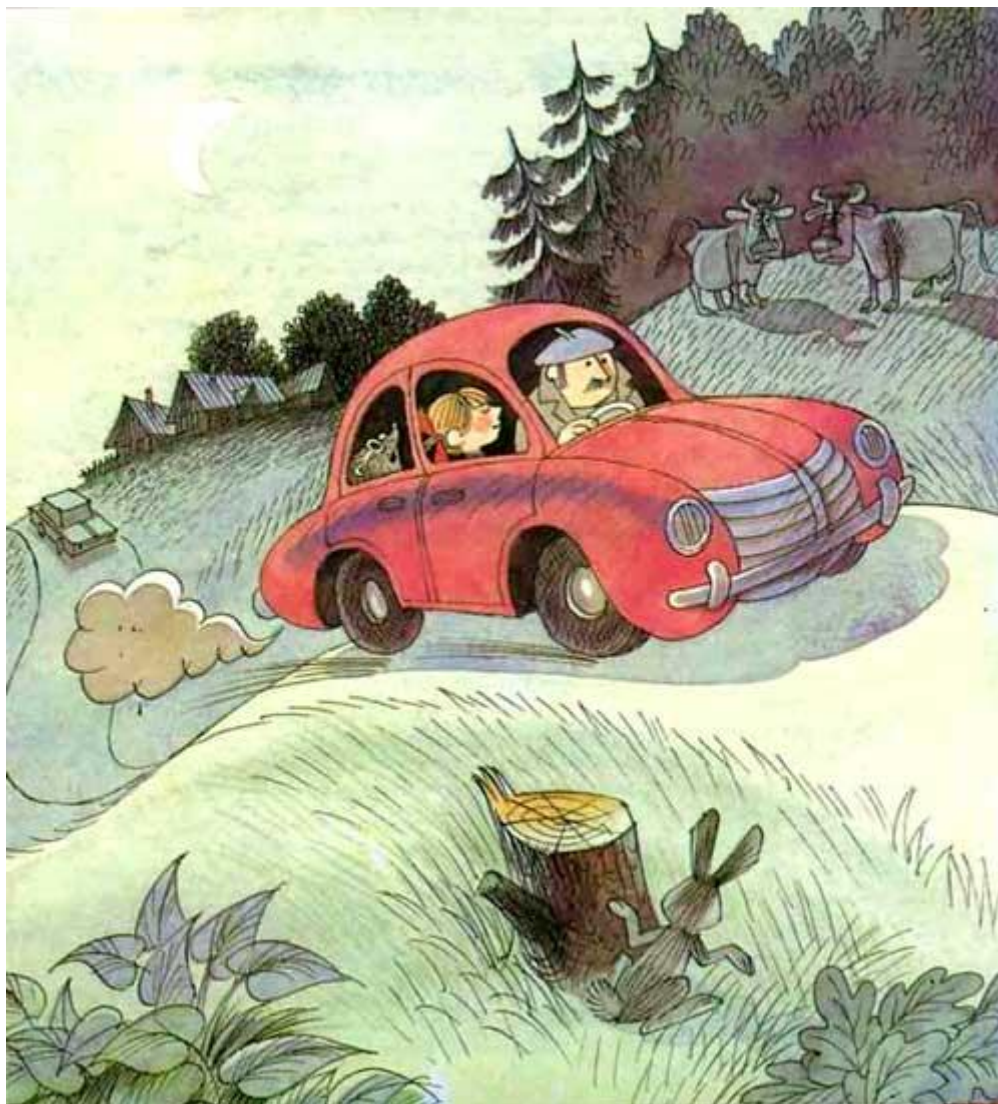
Только Люся вышла из двери в темноту, к ней бросились две тени. Это были Биби-Моки и Мохнурка.

Они были совсем мокрые. Люся скорее повела их к машине. Она вставила ключ в зажигание, завела двигатель и включила обдув.

Слава богу, машина не успела остыть, и поток теплого воздуха сразу пошел на зверят.

– Милые мои! – сказала Люся. – Соскучились!

По лестнице сбежал отец. Прыгнул за руль, и машина понеслась.

В тепле интернатники заснули. Люся в их окружении тоже задремала.

А машина шпарила по шоссе. Спокойный отец гнал ее и гнал вперед. И тихонько играла музыка.

На подъезде к дачному поселку дорога явно ухудшилась. Машину бросало из стороны в сторону. Всех растрясло, все проснулись.

Ворота к дачам были закрыты. Отец остановил машину. Интернатники вышли. Взвились вверх по бетонному забору. Сделали стойку на лапах и стекли вниз. Биби-Моки было труднее всех. Ей мешал нюхоскоп.

Отец дал задний ход. Их ждал город.

Послеглавие ПИСЬМО С ДРУГОГО СВЕТА

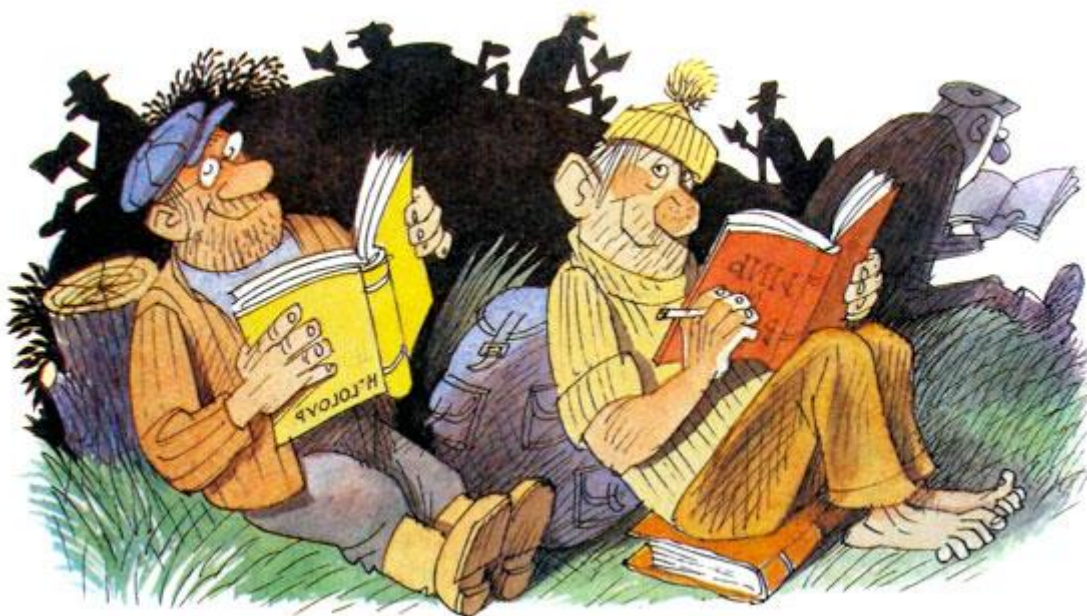
В воскресенье рано утром из Москвы на электричке выехала небольшая спецгруппа в составе четырех человек: Люси, Киры, Киселева и дедушки Киры Тарасовой – Григория Алексеевича.

Дедушке было объявлено, что состоится поход по местам боевой славы. А Киселеву было сказано, что в порядке шефской работы он должен прочесть лекцию о главных битвах человечества.

– Какая шефская работа? Над кем шефская работа?

– Работа полусекретная. Над одним лесным училищем военно-партизанского типа, с иностранным уклоном.

И дедушка, и Киселев-бельды очень важничали. Дедушка дышал на свои ордена, чтобы они лучше блестели, а Киселев перелистывал карты военных сражений: «Вот битвы Ганнибала, вот Суворова, а вот сражения Наполеона».

На платформе станции Интурист опять стали попадаться испитые, измученные личности. Они медленно двигались к поселку. Их привлекал целебный воздух, а вернее, добродуши, прикрепленные на березах. Эти устройства снимали усталость, раздражение и злость. Самый злобный человек здесь становился добродушным, незлопамятным.

Поэтому под деревьями на жухлой траве или на досках сидели веселые люди и мирно беседовали или читали ученые книги. Кто-то листал «Алису в Стране Чудес», кто-то читал стихи Гете в переводе Заходера, кто-то рисовал этюды или портреты друзей.

За воротами поселка в этот раз было по-особенному тихо.

Интернат пустовал. Никого. На окнах висели щиты. На дверях – огромный замок.

Дядя Костя приводил в порядок участок. Красил стволы яблонь в белый цвет.

– Здравствуйте, дядя Костя! – закричала Люся. – А где интернатники?

– Не знаю я никаких интернатников! – хмуро ответил он.

– А где дир? Где Меховой Механик?

– Не знаю, девочка, о чем ты говоришь. Идите гуляйте себе отсюда. И без вас плохо.

– Ну и что? Ну и что? – забеспокоился Киселев. – Где ваши партизанские ученики? Где секретная школа с интернациональным уклоном? Я тебя, Тарасова, сейчас тресну!

Люся и Кира оставили Киселева с дедушкой у входа на участок, а сами медленно обошли дом. Никаких щелок, никаких надписей, никаких знаков...

На крыльце стоял зеленый потрепанный рюкзак с эвкалиптовым листом. И тут Люся услышала тоненькое пип-пип. Пип-пип – неслось из рюкзака. Люся подошла ближе. Чем ближе она подходила, тем сильнее кричал этот пип-пип. Видно было, что он настроен на Люсю. И вот в кармане рюкзака она обнаружила коробочку из стекла и металла. Коробочка сама открылась. Там лежала записка:

Дорогая Люся!

Мы уходим. Наверное, мы пришли слишком рано.

Мы не просто звери. Там, далеко, в Гималайских горах, есть наша страна. У нас есть свои города, свои дороги, свои летающие блюдца.

И много лет мы жили, не касаясь людей.

Но страна наша разрасталась. И люди все больше осваивали планету. Пришла пора нашим цивилизациям подружиться.

Для этого в нескольких местах были созданы такие вот интернаты. Потому что

дружбу двух стран надо начинать с дружбы детей. Но мы уходим. Наверное, мы пришли слишком рано.

Когда у вас родятся дети и у нас родятся дети, мы сможем их передружить.

- У меня родится мальчик. Потом девочка. Потом еще два мальчика, – сказала Кира.
- Целый пионерский отряд, – отметила Люся и стала читать дальше:

Мы дарим тебе семена. Это микрофонные цветы. Посадите их в землю, девочка Люся, и поливайте медным купоросом. Когда они вырастут, мы сможем через них говорить.

До свидания, девочка Люся. Мы все горько плачем.

Дальше стояли подписи на незнакомом языке. И только одна была сделана по-русски: «*МАхнур ВелиАлепный* ». В шкатулке лежало два металлических семечка.

– Возьми одно, – сказала Люся подружке.

– Но ведь их дали тебе.

– Нельзя рисковать, – сказала Люся. – Нельзя, чтобы они были в одной квартире.

И они поволокли рюкзак к калитке. Люся все поняла:

– Они эвакуировались. Это они ко мне прощаться приезжали!

До Москвы девочки доехали молча. Ни Киселев, ни дедушка с ними не разговаривали. Там они едва-едва дотащили рюкзак до знакомой аптеки. Дежурила та же женщина-аптекарь.

Она очень испугалась, увидев девочек с рюкзаком:

– Вы что, передумали? Но у меня уже нет хендрика. Я его начала тратить.

– А нам не нужен хендрик, – ответила Люся.

– Зачем же вы принесли рюкзак?

– И листья нам не нужны. Негодились. Они зря у нас лежать будут. А в аптеке они понадобятся. Возьмите их у нас просто так. Возьмите, пожалуйста.

– Спасибо, девочки. А вы знаете, что хендрик не дает стариться человеку? Кто за год выпьет лекарство из одного хендрика, не теряет год жизни.

– Знаем, – сказала Кира, хотя, конечно, не знала ничего.

– У меня остался один, – сказала ей Люся. – Мы его дадим твоему дедушке.

Конец